

ЧЕКИСТЫ

рассказывают



ЧЕКИСТЫ рассказывают

Книга 6-я

**МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1985**

Составитель В. Листов

Художник Е. Капустин

Чекисты рассказывают: Кн. 6-я/Сост. В. Листов.—
Ч-37 М.: Сов. Россия, 1985.

В книге рассказывается о работе советских органов государственной безопасности по пресечению подрывной деятельности иностранных разведок на разных этапах развития Советского государства.

Среди авторов книги А. Авдеев, С. Ананьин, В. Востоков, Т. Гладков, Д. Корбов и др.

ч 4702010200—095 147—85 -доп
М-105(03)85

P2

© Издательство «Советская Россия», 1985 г



ДМИТРИЙ КОРБОВ

ДЕБЮТ КОНТРАЗВЕДЧИКА

СТАРТ

Ранним утром 14 февраля 1942 года по Старокалужскому шоссе медленно удалялся от Москвы небольшой автобус грязно-желтого цвета. Внешне он решительно ничем не отличался от подобных машин. Только шторы на окнах под цвет кузова могли указывать на его специальное назначение.

Бушевавшая ночью метель поутихла, но налетавшие временами порывы ветра несли с собой густую снежную

пыль и, закручивая ее, с силой бросали в автобус, который и без того шел с трудом, преодолевая образовавшиеся на дороге заносы.

Пассажиры автобуса — четыре молодых человека, не считая водителя, — в валенках, военных полушубках и шапках-ушанках, то и дело выскакивали из салона и толкали автобус. А если машина продолжала буксовать, пускали в ход лопаты, высвобождая увязавшие в снегу колеса. Работали дружно и энергично, перебрасываясь лишь короткими фразами-командами.

— Раскачивай, раз-два, взяли!

— Высвобождай правый! Держи левее!

Давай задний! Хватит, вперед! Пошел, пошел!

— Порядок, по коням!

Они на ходу впрыгивали в автобус, боясь, как бы он снова не забуксовал. Но через некоторое время все повторялось. Эта изнурительная работа продолжалась бы, вероятно, еще очень долго, если бы не подошли два грейдера, выехавшие на расчистку шоссе. Следуя за грейдерами, автобус покатиł плавно и ровно. Раскрасневшиеся, возбужденные, потные от утомительной работы, пассажиры наконец-то расслабились и, удобно устроившись на мягких сиденьях, вскоре задремали. На «вахте» остался лишь водитель, дядя Саша, мужчина лет пятидесяти, среднего роста, крепкого сложения, с энергичным живым лицом, весело реагировавший на каждую шутку. Он то и дело припадал к лобовому стеклу и, всматриваясь в снежную пелену, крепко сжимал в руках баранку.

...Так начался путь оперативной группы советской контрразведки, направлявшейся в район действия 10, 16, 50 и 61-й армий Западного фронта. Перед группой стояла задача разыскать и ликвидировать агентурную шпионскую радиостанцию. Работа ее в тылу Красной Армии была зафиксирована с помощью пеленгаторов.

Младший лейтенант госбезопасности Дмитрий Таров полужелал на заднем сиденье автобуса.

Ему было 27 лет, но стаж его работы в органах госбезопасности, по существу, только еще начинался. Закрыв глаза, Таров живо представил своего непосредственного руководителя полковника Барникова и старался восстановить в памяти все детали инструктивной беседы.

Когда Таров вошел в кабинет Барникова, он сидел за письменным столом сильно ссутулившись и уткнувшись

лицом в бумаги (виной тому была его сильная близорукость и принципиальное нежелание носить очки). В кабинете, как и три часа назад, когда Таров заходил к нему в первый раз в этот день, было накурено. На столе лежала раскрытая пачка «Беломорканала», а во рту Барников держал дымящуюся папиросу и, попыхивая ею, еще больше щурился от попадавшего в глаза дыма.

Предложив Тарову сесть, Барников, продолжая изучать какой-то документ, делал на его полях пометки красным карандашом. Закончив чтение, он не спеша положил бумагу в зеленую папку с грифом «Весьма срочно», затем, выпрямившись и откинувшись на спинку кресла, погасил папиросу, бросил окуроч в пепельницу и, посмотрев на Тарова, спросил:

— Ну, как самочувствие?

— Спасибо, Владимир Яковлевич. Все нормально.

— А настроение?

— Вполне рабочее.

Хорошо. Тогда, не теряя времени, приступим к делу. Читай!

Таров прочел:

«28 января 1942 года радионаблюдением была зафиксирована учебная связь тренировочного характера германских агентурных станций позывными «АОУ» — «ГСЛ» между Брянском и Орлом.

8 февраля с. г. эта связь прекратилась, а начиная с 9 февраля Брянск позывными «ФНГ» начал вызывать радиостанцию «ДАТ». Связь Брянска со станцией «ДАТ» была установлена 12 февраля в 11.45. 13 февраля работа станции «ДАТ» по связи с немецким радиоцентром в Брянске повторилась в 11.30 и в 17.00.

По пеленгаторным данным местонахождение станции «ДАТ» определено в районе Козельск, Белев, Болхов, Мещевск, Киров».

— Ясно? — спросил Барников, когда Таров возвратил документ, и, не дав ему высказаться, продолжал: — По почерку работы вражеских агентов радиоспециалисты определили, что именно радиоточка, проводившая тренировочные связи с двадцать восьмого января по восьмое февраля из Орла с радиоцентром немецкой разведки в Брянске появилась сейчас в тылу Красной Армии, с позывными корреспондента «ДАТ». Это дает основание считать, что до восьмого февраля агенты проходили подготовку, а заброска их в тыл Красной Армии была осуществлена в промежутке между де-

вьятым и двенадцатым февраля. Если это так, то сильно напакостить нам они еще не успели. Однако медлить с их ликвидацией нельзя. Наша задача — не дать им развернуться и как можно быстрее обезопасить тыл частей Красной Армии в том районе.

В это время зазвонил телефон. Барников снял трубку и, послушав одну-две минуты, возмущенно сказал:

— Николай Васильевич, сколько можно рассуждать! Работу надо завершить сегодня, и никаких отсрочек. Ясно? Ну все.

Положив трубку, он встал, медленно прошелся по кабинету от стола к двери и обратно и, остановившись около Тарова, сказал:

Мы с начальником отдела решили поручить выполнение этой задачи тебе. Завтра чуть свет вместе с группой радиоспециалистов надо выехать в район действия вражеской радиоточки, организовать ее поиск и захват. Шпионов постарайтесь взять живыми, так как, помимо сведений, которые они могут сообщить, возможно, удастся взять под контроль линию связи противника. Задача понятна?

В принципе да, Владимир Яковлевич, — ответил Таров, — но...

Что — но?

— Боюсь подвести, нет у меня опыта этой работы, в подобных операциях никогда не участвовал.

Ах, вот что... — протянул Барников и неожиданно спросил: — А фильм «Петр Первый» смотрел?

Конечно, — изумился Таров.

— Помнишь, как Петр отправлял за границу купца с товарами?

Конечно.

Так вот и соображай. Если купцу не было помехой незнание иностранного языка, то для чекиста отсутствие опыта тем более не помеха.

Таров смутился и начал было оправдываться:

— Вы неправильно поняли меня, Владимир Яковлевич...

Но Барников, перебив, строго спросил:

— А как насчет желания? Только откровенно, начистоту.

— Хотел бы поехать, Владимир Яковлевич. И, если будет поручено, постараюсь сделать все, что в моих силах.

— Вот это другой разговор. — Барников прошелся несколько раз по кабинету, успокоился, сел, закурил и, улынувшись, сказал: — Ты извини, что я так вспылал. Довели

черти, твои соседи по кабинету. Никак не могу приучить к порядку. Ну ладно, продолжим. Опыт, конечно, дело большое. Недаром говорится: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Однако каждое новое дело у нас — особенность. В чем-то оно обязательно будет не похоже на другое: новые обстоятельства, новые люди, иные пути и средства решения

Барников закурил, встал и, прохаживаясь по кабинету, продолжал:

— Так вот, Петрович, — он имел привычку называть некоторых сотрудников, в том числе и Тарова, только по отчеству, — я думаю, что для нас важен не столько опыт, сколько желание и правильный подход к делу, умение обстоятельно все проанализировать, во всем разобраться, проявляя терпение, настойчивость, выдержку, хладнокровие и, самое главное, объективность. И конечно, надо верить в себя, хотя я и враг излишней самоуверенности.

Слушая Барникова, Таров вновь ощутил свойственное ему доброжелательное, тактичное отношение к подчиненным. Таров знал его еще по Ленинграду, когда начинал свою работу в органах госбезопасности. Это был умный, эрудированный, правдивый и честный человек, настоящий коммунист, простой и скромный работяга, лишенный какого-либо позерства, целиком и полностью отдававшийся службе. За успехи, достигнутые в Ленинграде в тридцатые годы, он был награжден орденом Красной Звезды, что тогда было большой редкостью...

Снова сев в кресло, Барников продолжал:

А теперь относительно опергруппы. В нее включены Линов, Федоров и Васильев. За старшего Линов. Ребята хорошие, дело свое знают отлично и всю техническую часть обеспечат как следует. Я с ними ездил перед самой войной в Прибалтику, с такой же задачей. Тогда мы захватили германского шпиона на хуторе. Взяли во время работы на радиции, вместе с аппаратурой, шифрами и черновыми записями. Так что практика у них есть, постарайся найти с ними общий язык, и действуйте согласованно. Радиоспециалисты обследование рекомендуют начать с Сухиничей, затем через Межевск, по населенным пунктам в направлении Кирова. На месте свяжитесь с руководителями органов госбезопасности, поставьте их в известность о предстоящей работе и наладьте с ними самый тесный контакт. Ориентировка им уже пошла. Когда установите место, откуда ведется работа на радиции, тщательно продумайте, как организовать захват шпионов. При этом не спешите, не поддавайтесь эмоциям, делайте все так,

чтобы ничем не выдать себя. Имейте в виду, что шпион может быть не один и подходы к месту работы на радию могут прикрывать его партнеры.

В это время позвонил начальник отдела и просил Барникова срочно зайти к нему.

— Конечно, мне хотелось бы послушать и твои соображения, но, к сожалению, нет времени. Продумай все хорошенько, и, если возникнут вопросы, встретимся вечером. А теперь действуй. Срочные дела передай Владимирову.

Монотонный рокот мотора и легкое покачивание убаюкало Тарова, и он задремал.

Очнулся внезапно от автомобильного сигнала, поданного дядей Сашей. Повернувшись к пассажирам и продолжая гудеть, он, озорно улыбаясь, сказал:

— Извините, хлопцы, что потревожил. Понимаете, не утерпел. Да и боялся, что ругать будете, если не разбужу. Посмотрите, какую красоту проезжаем. Душа радуется. Разве тут до сна!

И действительно, по обеим сторонам дороги, словно в немом оцепенении, утопая в глубоком снегу, стояла потерявшая свою грозную силу военная техника фашистской армии. Танки, самоходные пушки, орудия разных калибров, транспортеры, автомашины различных марок и всевозможного назначения со свастиками, крестами, значками и эмблемами, так недавно еще рвавшиеся к столице нашей Родины в надежде пройти парадным строем по Красной площади, составляли сплошную черную полосу, вытянувшуюся на десятки километров. Они не успели даже развернуться, так и остановились, устремив свои чудовищные морды в сторону Москвы. Ошеломляющим и мощным был контрудар Красной Армии, обратившей гитлеровские полчища в бегство, и это невольно радовало, поднимало настроение.

Погода улучшилась, метель утихла, небо очистилось от туч, и снежная пелена, покрывавшая землю, искрилась в лучах февральского солнца.

В ДОРОГЕ

Пассажиры оживились. Начались рассказы, воспоминания. Не обошлось и без шуток, анекдотов. Особенно отличались дядя Саша и Федоров.

Таров, еще не полностью освоившийся в новой для него обстановке, больше молчал, стараясь получше присмотреться к своим подчиненным.

За водителем сидел Павел Линов, высокий, широкоплечий, атлетического сложения шатен с правильными чертами продолговатого лица и спокойным взглядом темно-карих глаз. Говорил он густым баритоном, размеренно и четко. Николай Федоров, разместившийся на среднем сиденье, внешне был типичным русаком — круглое лицо с чуть вздернутым носом, широкий, улыбчатый рот, серые глаза с лукавинкой. Среднего роста, ширококостный, плотный, он производил впечатление человека, о котором принято говорить «крепко сбит». Он был веселым, общительным, громко и задорно смеялся.

Сергей Васильев, сидевший впереди Тарова, был долговяз, худощав, с бледным, казавшимся несколько болезненным лицом. У него были выразительные серые глаза с зеленоватым отливом, длинные ресницы, пышная шевелюра пепельного цвета, высокий покатый лоб, прямой тонкий нос и маленький, с чуть припухшими губами рот. Он был задумчив, мечтателен, страстно любил музыку и хорошо играл на скрипке.

Сергей слыл убежденным холостяком и частенько становился объектом розыгрыша для товарищей. Вот и сейчас, словно сговорившись, Сергея начали осаждать Николай и дядя Саша, изоцряясь в рекомендациях, какой должна быть его будущая супруга и как Сергею следует с ней обращаться.

— А не пора ли, товарищи «советчики», кончать, — не вытерпел Линов, когда до Козельска оставалось несколько километров. — Сергей и ухом не ведет, а вы стараетесь, языки чешете. Советы в этом деле — все равно что мертвому припарка.

Он приказал водителю остановить автобус, а Сергею развернуть рацию и связаться с Центром. Тот молча встал, подошел к аппарату и, сбросив брезентовый кожух, принялся за работу.

— Ну а мы с Колей, Павел Иванович, — обращаясь к Линоу, сказал дядя Саша, — выйдем, пожалуй, на свежий воздух, поразмяться.

Линов, подсев к Тарову и кивком указывая в их сторону, спросил:

— Не надоели наши балагурщики?

Ничего, дорога, как говорится, все спишет, быстрее время проходит.

— Понимаете, как сойдутся вместе, обязательно заведутся, хоть водой разливай. Начинает всегда дядя Саша, такой заводной, спасу нет. У него и фамилия-то задиристая — Драчунов. Но мужик он хороший, деловой, с большим опытом,

начал работать в органах еще при Феликсе Эдмундовиче, и все время с оперативниками. Участвовал во многих операциях, два раза был ранен, награжден орденом Красного Знамени и медалью «За боевые заслуги». В наше подразделение его перевели в прошлом году, здесь все-таки поспокойней, а у него уже сердце пошаливает. Вначале-то ему предложили было перейти на оседлый образ жизни — комендантом автобазы или начальником автоколонны, но он наотрез отказался. «Не по мне, — говорит, — это дело. Я, — говорит, — люблю баранку на оперативке крутить и быть на острие борьбы с конторой, чтобы жизнь чувствовать, а не киснуть в конторке. Эта баранка для меня все равно что любимая, верная женка. Шутка ли, двадцать три года ее обнимаю, до серебряной свадьбы, можно сказать, рукой подать. А вы, — говорит, — хотите лишить меня этого праздника. Нет уж, вот справлю серебряную, тогда и думать о покое будем». Так и остался сидеть за рулем.

Ну что ж, — заметил Таров, — это, по-моему, хорошо. Чувствуется, что у человека есть характер, твердая линия в жизни. А что касается балагурства, то, мне думается, оно не помеха при его профессии. Даже, скорее, не недостаток, а достоинство. Вряд ли ребятам, да и нам с вами, было бы приятно, если бы вместо него сидел какой-либо бука, из которого и слова не вытянешь.

Это верно, — согласился Линов. — Ребятам он сразу пришелся по душе и быстро со всеми сдружился. В коллективе его уважают. А с Николаем они просто дурачатся, все хотят Сергея разыграть, да тот не поддается, не обращает на них внимания. Сидит себе, напевает или кроссворды разгадывает.

А Николай давно у вас работает? — полюбопытствовал Таров.

— Нет, только с начала войны. Но специалист хороший. У него вообще интересно получилось. После семилетки пошел в техникум связи. Окончил его, проработал некоторое время и ушел в армию. Там был радистом. А когда отслужил срочную, решил изменить профессию и поступил в Московский юридический институт. Говорит, что его побудил это сделать знаменитый русский адвокат Федор Плевако, выигрывавший самые невероятные дела. Учась в институте, Николай продолжал увлекаться радиodelом. Институт он окончил перед самой войной и не успел получить назначение. Сразу же его призвали в армию. Но наши кадры опередили военкомат и зачислили его в подразделение.

— А он? — кивнув в сторону Сергея, спросил Таров.

— Сергей-то? Ну, это специалист экстра-класса, высшая категория. Воспитанник армии. Парень одаренный, дисциплинированный, собранный, эфир читает как по нотам. Он и нащупал-то «Шмеля».

Пока Таров с Линовым были заняты разговором, Сергей настроил рацию и вошел в контакт с Центром. Он бойко отстучал подготовленное Линовым сообщение («Находимся близ Козельска. Задержались из-за сильных заносов. Едва пробились. В остальном все нормально») и перешел на прием. Центр ответил только одной фразой. Сергей записал ее, выключил рацию и подошел к Линову.

Вот, Павел Иванович, — буркнул он и передал Линову блокнот, где была записка.

Хорошо, Сережа, присаживайся, — весело отозвался Линов, — сейчас посмотрим, чем нас обрадовали. Вот тебе и на... — А затем, обращаясь к Тарову, громко, чтобы мог слышать и Сергей, прочитал: — «Объект розыска «Шмель» сегодня в эфире обнаружен не был».

Выходит, твой «крестник» почувствовал, что мы едем к нему в гости, или, может, его кто-либо спугнул и он уже сматывает удочки? Как, по-твоему?

Трудно сказать, Павел Иванович, — ответил Сергей, пожимая плечами, — всякое может быть...

— А не прохлопали ли его наши? — не унимался Линов.

— Да нет, Павел Иванович, это исключено, — возразил Сергей. — Там сегодня дежурит Юра Макаров, так что пропуска быть не могло. Почерк работы «Шмеля» он знает отлично.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Линов и тут же, открыв дверцу автобуса, крикнул: — Эй, спорщики! Хватит резвиться, по коням!

Николай и дядя Саша, возбужденные и запыхавшиеся от разминки, с мальчишеской проворностью ворвались в автобус и усадились на свои места.

Когда автобус тронулся, Линов, обращаясь к водителю, наставительно сказал:

— Давай, дядя Саша, жми на полную железку, надо затемно добраться до места.

— Понятно, товарищ начальник, будет полный вперед, — откликнулся Драчунов и, подавшись вперед, прибавил газа.

Вскоре показался и Козельск. По обеим сторонам шоссе, рассекавшего город пополам, словно прилепившись к нему, тянулись одноэтажные и двухэтажные дома, ряды которых

то и дело зияли дырами от выгоревших и разрушенных строений. Над городом пронеслась военная гроза, причинившая ему серьезные разрушения. На улице было довольно много людей, встречались штатские и военные, мужчины и женщины, старики и дети. Чувствовалось, что жизнь в городе возрождается.

Спустя несколько минут, оставив позади утопавшие в снегу последние домики, автобус выехал за городскую черту и взял курс на Сухиничи.

СУХИНИЧИ

В Сухиничи прибыли поздно вечером, когда город уже погрузился в темноту. Около шлагбаума при въезде в город стоял военный патруль. Таров показал документы и расспросил, как найти комендатуру. Она оказалась в центре, на главной площади. Несмотря на поздний час, там толпилось довольно много народу. Таров протиснулся к коменданту, предъявил ему командировочное предписание и попросил помочь с ночлегом. Порывшись в бумагах, комендант наконец назвал адрес домика, который, по его данным, был еще свободным, и выдал Тарову разрешение занять его. Этот домик из двух небольших комнат стоял в узком переулке на южной окраине города меж двух таких же домов, один из которых почти полностью выгорел. На пепелище торчала лишь печь с узкой длинной трубой, устремленной в ночное небо, которое время от времени освещалось вспышками ракет. В нескольких километрах от города проходила линия фронта.

Таров и Линов начали перетаскивать из автобуса все, что нельзя было оставить на улице, а Николай, Сергей и дядя Саша приступили к заготовке дров на развалинах соседского дома, где валялось десятка полтора уцелевших бревен. Спустя час-полтора в печке уже весело потрескивали сухие сосновые поленья, охваченные со всех сторон проворными струйками огня: дохнуло тем особым, свойственным только русской печке теплом, которое таит в себе великую успокоительную силу, радующую душу и сердце человека в суровую зимнюю пору.

Ощущая эту блаженную теплоту и глядя на игру огня, Таров невольно задумался. Вспомнил свои детские годы, то далекое, неповторимое время, когда в глухой деревушке, затерявшейся в занесенных снегом лесах на границе Карелии и Архангельской области, мать сажала его по утрам греться около пылающей печки, а сама, бойко орудуя скovo-

родой, пекла овсяные блины. Таров перевел взгляд на чугунок, возле которого хлопотал дядя Саша, готовя суп из свиной тушенки, пахнувшей пряностями, и память невольно воскресила то, как мать каждое утро вытаскивала ухватом из печки и ставила на стол большой глиняный горшок с горячей разваристой картошкой в мундире — основной пищей семьи.

Размышления Тарова прервал Николай, который, склонившись в почтительной позе с перекинутым через левую руку полотенцем, торжественно и громко провозгласил:

— Прошу! Кушать подано!

Повторять не пришлось. Все моментально сели за стол и с жадностью принялись за еду. Уговаривать пришлось лишь хозяйку, но и она в конце концов присела к краешку стола и с удовольствием выпила три чашечки душистого сладкого чая с двумя ломтиками белого хлеба. От сала и супа с тушенкой хозяйка отказалась.

С рассветом противник начал артиллерийский обстрел города, особенно южной его части, где были сосредоточены войсковые соединения Красной Армии, и один снаряд разорвался в переулке недалеко от дома. Раздался оглушительный взрыв, домик будто подпрыгнул, в двух оконных рамах, несмотря на ставни, лопнули стекла. Все мгновенно очутились на ногах, даже хозяйка слезла с печки и, перекрестившись, произнесла:

— Ой, господи, спаси и помилуй!

А что, мамаша, часто вас так будят гитлеровские пещушки?

Да, почитай, кажинный день, чтоб им подохнуть, окаянным, — ответила хозяйка и ушла на кухню.

В близлежащих кварталах раздалось еще несколько взрывов, но затем все стихло. Дядя Саша и Николай занялись хозяйственными делами — затопили печку, поставили самовар и принялись готовить завтрак.

После завтрака Таров направился в особый отдел 16-й армии с тем, чтобы договориться о совместных действиях с особистами, а Линов, Николай и Сергей стали готовиться к организации контроля за сеансом связи «Шмеля».

ВЫЗОВ К КОМАНДАРМУ

День выдался на редкость хороший: безоблачное голубое небо, яркое солнце, ослепительный снег, безветрие, бодрящий морозец. Дышалось легко и свободно.

Город, освобожденный две недели тому назад, почти не пострадал. Все указывало на то, что бегство немцев было поспешным.

Близость фронта чувствовалась на каждом шагу. На центральной площади дымилась походная кухня, вокруг толпились бойцы с котелками в руках, неподалеку стояла замаскированная брезентом автоматическая зенитная установка, управляемая женским боевым расчетом. Девушки в форме артиллеристов о чем-то весело разговаривали с двумя пехотинцами, подошедшими к зенитке.

По улицам, оставляя за собой клубящиеся струйки выхлопных газов и гроыхая на колдобинах, проходили военные грузовики, специальные и легковые машины; изредка, оглушая рокотом, проносились мотоциклисты. Гражданского населения почти не было видно, встречались главным образом военные. Многие из них были в белых маскировочных халатах, накинутых на полушубки.

Начальника особого отдела на месте не оказалось. Принявший Тарова дежурный сообщил, что он в штабе дивизии, но, вероятно, скоро должен приехать.

К счастью, ждать пришлось недолго.

Таров доложил об инструкциях относительно розыска вражеской агентурной радиоточки и координации действий оперативной группы с особистами.

После обсуждения всех деталей Таров сказал, что, вероятно, следует обо всем этом поставить в известность командование армии. Полковник кивнул в знак согласия и, сняв телефонную трубку, тотчас же связался с адъютантом командарма Рокоссовского, попросил его доложить о представителе Центра, у которого имеется срочная информация. Адъютант попросил подождать у телефона и через несколько минут передал приказ прибыть в штаб вместе с представителем Центра.

В приемной штаб-квартиры командующего их встретил адъютант и тотчас же проводил к командарму.

Командарм, склонившись над длинным четырехугольным столом, рассматривал лежавшую на нем карту, разрисованную цветными карандашами.

Увидав полковника и Тарова, он выпрямился, вышел из-за стола, поздоровался и указал на кресла: прошу садиться.

Слушаю вас, полковник.

Прежде всего позвольте представить вам работника Центра, товарища Тарова, который прибыл в распоряжение

нашей армии с оперативной группой для выполнения специального задания.

Командующий перевел взгляд на Тарова, на три кубика в петлицах его гимнастерки, и в глазах у него на миг блеснули веселые искорки, а лицо озарила чуть заметная улыбка. Видимо, решил Таров, представитель Центра показался не очень представительным. Это смутило его, и он начал доклад, с трудом поборов волнение,

Выслушав его и уточнив отдельные детали, командующий обратился к полковнику:

— Надо оказать товарищам действенную помощь, обеспечить всем, что им нужно. Если потребуется содействие командования, обратитесь к Михаилу Сергеевичу (начальник штаба М. С. Калинин. — *Примеч. авт.*), сославшись на мое распоряжение. Мобилизуйте для розыска преступников все ваши возможности. Да, и не забудьте позаботиться о харчах для гостей, а то, не дай бог, наголодаются тут.

Все сделаем, товарищ командующий! Относительно взаимодействия мы уже договорились, проинструктируем и особистов в частях.

— А может быть, для ускорения дела, — заметил командарм, — стоит предупредить и командиров частей.

Тут есть одна опасность, — вставил Таров. — Широкая огласка может привести к расконспирации, и слухи о розыске шпионов дойдут до противника, который постарается их предупредить.

— Пожалуй, вы правы, — согласился командарм. — Но иногда и шум помогает. Вот нашумели мы, убедив противника, что на Сухиничи идет шестнадцатая армия в полном составе, и господин фон Гельс преподнес нам город, можно сказать, на блюдечке, отдав его без боя. А сейчас кусает локти и огрызается, почти каждый день поливая нас из орудий. Придется укрощать.

Командарм подошел к карте.

— Значит, вы считаете, что прежде всего надо проверить участок нашего правого фланга, вот здесь (он провел указкой по намеченному маршруту). Правильно я вас понял?

— Так точно, — ответил Таров.

Какими соображениями это вызвано?

— Так рекомендуют наши радиоспециалисты, основываясь на пеленгаторных данных. По их предположениям местонахождение шпионов наиболее вероятно именно в данном районе.

— Ну что же. Наш правый фланг для немцев должен

представлять большой интерес. На этом направлении мы глубоко вклинились в расположение противника, и надо полагать, что он не оставляет намерений выправить положение. Поэтому заброска сюда вражеских лазутчиков вполне логична. Правда, не следует забывать, что в таком хитроумном деле, как разведка, возможны самые неожиданные ходы со стороны противника, вопреки всякой логике. Остается одно — начать действовать, и чем быстрее, тем лучше. Желаю удачи. Когда поймаете этих мерзавцев, непременно доложите.

Поблагодарив командарма за добрые пожелания и распрощавшись с ним, чекисты вышли.

Ну как? — спросил Тарова полковник, когда сели в «эмку», направляясь в особый отдел.

— Все, по-моему, прошло хорошо. Правда, в самом начале я немного растерялся. Показалось, что он посмотрел на меня с недоверием, дескать, вот так представитель Центра!

— Ну нет. Это вам действительно показалось. К молодым он относится с доверием и большой симпатией.

Простившись с полковником, Таров вернулся на квартиру, где его ждали товарищи.

НА МАРШРУТАХ ПОИСКА

Ну как успехи, Павел? — спросил Таров у Линова.

Пусто, Петрович, «Шмеля» не обнаружили, хотя Брянск, судя по командам, связь с ним держал. Проверяли с трех точек, ошибки не могло быть.

— Как же так?

— Очень просто. «Шмель» обитает в другом месте, здесь его нет. И, видимо, далеко отсюда.

— А с Центром не связывались?

Нет еще, время связи — четырнадцать ноль-ноль.

Что же будем делать, ждать второго сеанса, чтобы проверить еще раз, или тронемся по маршруту?

— Второй сеанс связи у него по расписанию в семнадцать. Сейчас полдень. Думаю, надо передвинуться. Вторично проверять здесь бесполезно.

— Тогда давайте перекусим и — в путь. Все согласны? — спросил Таров.

— Все, кроме дяди Сашиного драндулета, — улыбнулся Николай.

То есть как?

— Очень просто, забастовал паршивец,— не унимался Николай.

— Едва дотащился до дома. Видимо, просится в ремонт.

— Что ты панику наводишь, Коля? — вспыхнул Драчунов, готовивший обед около печки. — Не слушайте вы его, машина в полном порядке. Подумаешь, пару раз чихнула; постой на морозе — и ты зачихаешь.

Все засмеялись.

Ладно, дядя Саша, я пошутил,— сказал Николай, накрывая на стол.

После обеда Таров с Линовым, уткнувшись в разостланную на столе карту, наметили маршрут движения группы и пункты, где надлежало провести работу, с таким расчетом, чтобы проверить весь правый фланг 16-й армии и частично примыкавший к нему левый фланг 10-й армии.

— Так что же получается? — произнес Линов, поставив красным карандашом крестик на конечном пункте маршрута. — Один, два, три... всего десять. Пожалуй, многовато. Потребуется как минимум десять суток для полной проверки, и то при условии, что «Шмель» будет выходить на связь ежедневно. А при нерегулярной связи и того больше.

— А если сократить количество пунктов? — спросил Таров.

— Сократить-то можно, но тогда не будет уверенности в надежности проверки, а это — главное.

— В таком случае думать нечего — надо действовать, как наметили, а коррективы будем вносить по ходу работы, по-моему, так,— предложил Таров.

— Хорошо,— согласился Линов.— Давайте собираться.

Было тринадцать ноль-ноль. Потратив четверть часа на заезд в особый отдел за продуктами, опергруппа взяла курс на Фроловское — первый пункт намеченного маршрута.

— Жми, Александр Семенович,— сказал Линов водителю, как только выехали на шоссе. — В четырнадцать ноль-ноль будем держать связь с Центром, надо отъехать подальше от города.

— Есть! — ответил водитель, выжимая предельную скорость. — Дорожка что надо, главное — свободная, едешь — кум королю, никто не мешает, ни одной машины, просто удивительно. Тишь да гладь — божья благодать.

И действительно, на открытой и ровной местности, всюду куда ни смотри, лишь снежная пелена искрилась на солнце и больно слепила глаза. Не было видно ни одной живой души.

На полпути до Фроловского Линов приказал водителю остановиться, а Сергею — настроить рацию и связаться с Центром. Но сеанс связи сорвался. В небе закружил вражеский самолет, очевидно возвращавшийся с боевого задания. С высоты пятисот метров на автобус полетела небольшая бомба. Она взорвалась в стороне, не задев автобуса, но стервятник, сделав разворот, снова пошел в атаку. По команде Драчунова, выскочившего из автобуса, все бросились в разные стороны и залегли в снег, направив автоматы на приближающийся самолет, от которого на этот раз оторвались еще две бомбы. Они опять пролетели мимо цели, но одна взорвалась недалеко от Николая, образовав над местом, где он лежал, густое снежное облако. Когда оно стало оседать, Таров и Линов побежали к Николаю, но, услышав зычный голос Драчунова, скомандовавшего: «Ложись!», снова залегли в снег. Самолет вновь шел на снижение. А спустя несколько секунд он стремительно неся на бреющем полете, поливая землю свинцовым дождем из крупнокалиберного пулемета. В небо взметнулись три огненные струйки, выпущенные из автоматов, дробная трель которых потонула в рокоте ревущих моторов.

Но вот самолет ушел, все смолкло, и снова наступила тишина. Таров, Линов и Сергей бросились к Николаю, который, барахтаясь в снегу, едва вылез из сугроба. Убедившись, что он жив-здоров и не нуждается в помощи, направились к автобусу. Около него возился Драчунов.

— Ну что, дядя Саша, как твой вездеход, не пострадал? — спросил Линов.

Да все как будто в порядке, но метку стервец оставил, — и Драчунов указал на три пробоины в левом заднем углу автобуса.

— Заводи, поедем.

Когда все сели и автобус тронулся, Николай шутливо заметил:

Вот тебе, Александр Семенович, и тишь да гладь — божья благодать! Выходит, правильно говорится, не чирикай раньше времени, а то расхвастался, что едет как кум ко-ролю!

Драчунов обернулся и мгновенно отпарировал:

— А, это ты, Николаша? Значит, жив, курилка! А я уже боялся, что ты потерял дар речи. И, признаться, загрустил. Не с кем, думаю, язычок-то почесать.

Ну вот что, спорщики, — вмешался Линов, — хватит препираться. Ты, дядя Саша, не отвлекайся, а жми, чтобы

успеть к сеансу связи «Шмеля», а мы обсудим, как его провести.

Линов подошел к Тарову, подозвал Николая и Сергея и, когда все уселись рядом, изложил свои соображения о порядке предстоявшей работы.

К Фроловскому подъехали за полчаса до начала сеанса связи, но, как и в Сухиничах, зафиксировать работу «Шмеля» не смогли.

Быстренько собрались и взяли курс на Мещевск. Прибыли туда затемно. Остановились на ночлег в первом же свободном доме. Хозяева — дед и бабка — оказались добродушными и гостеприимными людьми, приняли как родных. У них было трое взрослых сыновей, все они находились на фронте, а семьи их были эвакуированы в глубь страны.

Еще перед рассветом решили выехать в Шлипово и Покров, чтобы во время первого сеанса связи провести проверку там, а ко второму сеансу возвратиться в Мещевск. Таким образом были бы обследованы не только Сухиничи и Мещевск, но и прилегающие к ним пункты. А это исключало возможность какой-либо ошибки. Так и сделали.

В целях экономии времени Линов предложил вести прослушивание одновременно из обоих пунктов, поэтому в Покрове Таров, Сергей и Николай высадились, а Линов с водителем проследовали в Шлипово.

Таров и Сергей выбрали место на северной окраине населенного пункта, а Николай — на южной.

Оставшись с Сергеем наедине, Таров поинтересовался:

— Вы давно работаете по радиосвязи?

— Да уже порядочно, восьмой год.

И все в этом подразделении?

— Нет, здесь я только три года. Раньше служил в армии. Прошел там срочную и два года служил на сверхсрочной.

— А где учились?

— Окончил техникум связи в Ленинграде, работал на радиоузле, был заядлым радиолюбителем, из-за чего военком и рекомендовал в армию радистом. Там прошел курсы усовершенствования.

— Как же попали сюда?

Из армии уволился, чтобы поступить учиться в институт связи в Москве, но не прошел по конкурсу. Временно устроился работать на центральный телеграф. Встал на учет как радиолюбитель. И тут вскоре меня пригласили в кадры НКВД, предложили работу по специальности. Я согласился.

— Извините за любопытство, вы действительно убежденный холостяк?

— Ну как вам сказать? — улыбнулся Сергей. — Убежденный... неубежденный... война ведь, не до того. — После небольшой паузы он продолжал: — Я, собственно, всегда был один, с детства. Отец ушел в четырнадцатом на войну и там погиб, а когда мне исполнилось шесть лет, умерла мать. Меня забрали в детский дом. Там я и вырос. А с девушкой мне не повезло. Она тоже была детдомовка. Мы подружились, любили друг друга, все было хорошо, все шло к тому, чтобы пожениться, и вдруг она утонула.

Сергей замолчал, на глазах у него выступили слезы, чувствовалось, что ему было тяжело. Превозмогая себя, он сказал:

— Извините... Знаете, как вспомню, не могу сдержаться. С тех пор вот и мучаюсь. Ищу похожую, но пока безуспешно.

— Простите, что я заставил вас вспомнить неприятное. А не прозеваем мы связь «Шмеля»?

— Нет, — спокойно возразил Сергей и занялся настройкой.

После окончания сеанса связи, который опять оказался безрезультатным, Таров и Сергей встретились с Николаем, зашли в крайний дом у дороги, ведущей в Шлипово, и стали ждать Линова. Хозяйка, женщина средних лет, поставила самовар и сварила картошку. На замечание Тарова оставить картошку для себя она ответила:

Да вы что, ребята, как же я вас отпущу голодными! Нет уж, дорогие, чем богаты, тем и рады. Кушайте на здоровье и не беспокойтесь о нас. Мы тут как-нибудь да прокормимся. Вот уже скоро тепло будет, а там земляца оттает, наша кормилица, и будет легче. Только бы фашиста проклятого вы больше сюда не пустили.

Вскоре подъехали и Линов с дядей Сашей. Немного отдохнув, направились в Мещевск. Опять пришлось ехать днем, вопреки советам военных, которые все основные перевозки и особенно передислокацию личного состава частей осуществляли только ночью. Но на этот раз все сошло благополучно. Хотя вражеские самолеты и пролетали над ними, следуя в тыл советских войск, нападения на автобус не последовало.

В Мещевске остановились у прежних хозяев. Дожидаясь очередного сеанса связи, помогли им заготовить дрова. Таров встретился с сотрудниками райотдела НКВД и особистами и выяснил, что никаких конкретных сигналов, указы-

вающих на деятельность в их районе вражеских агентов с рацией, пока не поступало.

Вечерний сеанс связи показал, что «Шмеля» в районе Мещевска нет.

В последующие четыре дня обследовали Мосальск, Серпейск и близлежащие к ним населенные пункты Умиленка, Тарасово, Шишкино, но на след «Шмеля» попасть так и не удалось.

А по данным Центра работа «Шмеля» в нашем тылу продолжалась.

В СТАНЕ ВРАГА

Полковник Герлиц, начальник абверкоманды-103, приданной армейской группе немецких армий «Центр», действовавших против частей Красной Армии на Западном фронте, находился в своей резиденции в Смоленске. Расположившись в удобном мягком кресле, Герлиц самодовольно улыбался, в который уже раз перечитывая послание майора Бауна, поздравлявшего его с успешным началом операции ЭАК-103 (Эксперимент абверкоманды-103).

Герлиц был доволен своей службой. Это назначение он получил благодаря близкому знакомству с шефом германской военной разведки адмиралом Канарисом и гордился тем, что вверенная ему абверкоманда располагала всем необходимым для ведения активной военной и экономической разведки против Красной Армии на центральном участке фронта. Абверкоманда-103 осуществляла непосредственное руководство деятельностью пяти абвергрупп, 107, 108, 109, 110 и 113-й, приданных последовательно 4-й танковой армии Гудериана, 4-й и 9-й армиям и 3-й танковой армии, имела разведывательные школы в Борисове, Катыне, Орджоникидзеграде, специальные лагерные пункты и конспиративные квартиры, куда направлялись агенты для подготовки и инструктажа перед заброской их в тыл Красной Армии. Абверкоманда-103 была наделена большими правами, располагала штатом кадровых работников разведки, вербовщиков, инструкторов, преподавателей, технического и обслуживающего персонала, имела необходимые средства связи и технику, практически неограниченные денежные средства за счет грабежей на временно оккупированной советской территории. О своих действиях она отчитывалась лишь перед штабом «Валли» — разведывательным органом абвера, специально созданным на советско-германском фронте для руководства

деятельностью армейскими абверкомандами и абвергруппами и организации разведывательно-диверсионной и контрразведывательной работы против Советского Союза. Этот штаб, дислоцировавшийся в местечке Сулеювек, в двадцати одном километре к востоку от Варшавы, имел три отдела: «Валли-1», осуществлял военную и экономическую разведку на советско-германском фронте; «Валли-2» руководил диверсионной и террористической деятельностью в частях и в тылу Красной Армии; «Валли-3» направлял всю контрразведывательную деятельность по борьбе с советскими разведчиками, партизанским движением и патриотическим подпольем на оккупированной советской территории в зоне фронтовых, армейских, корпусных и дивизионных тылов.

Майор Баун, послание которого привело полковника в такой восторг, являлся начальником «Валли-1» и, следовательно, его непосредственным шефом. Такая похвала, естественно, радовала.

В послании Бауна подчеркивалось, что «Валли-1» возлагает на эту операцию большие надежды, и если она удастся, то опыт абверкоманды-103 будет распространен на другие фронтовые подразделения разведки, а офицеры — исполнители ЭАК-103 получают самые высокие награды. Одновременно Баун напоминал, что обстановка на фронте требует от разведки самых решительных и неотложных мер для своевременного получения исчерпывающей информации о противнике, с тем чтобы делом ответить на претензии Верховного командования вермахта и самого фюрера к разведке в связи с неожиданным мощным контрударом Красной Армии под Москвой, вынудившим немецкие войска к отступлению.

Герлиц на миг закрыл глаза, мысленно представил Канариса в позе провинившегося школьника перед раскисевшим фюрером, который, распекая адмирала, срывал на нем злобу за неудавшийся блицкриг, и ему стало не по себе. Он тряхнул головой, как бы освобождаясь от наваждения, и, произнеся вслух: «Не дай бог оказаться на его месте!», быстро встал и засеменил на тонких кривых ножках к письменному столу.

Усевшись, вытащил из ящика коричневую папку; на обложке которой витиеватым готическим шрифтом было выведено ЭАК-103. Раскрыв ее, стал любовно перелистывать подборку документов. Лицо полковника, отмеченное печатью увядания, с набрякшей кожей, серыми, старчески слезящимися глазами, мало что выражавшими в обычной обстановке,

вдруг явственно оживилось и просветлело, когда он нашел нужные бумаги.

Это были тексты семи радиogramм, полученных от группы ЭАК-103, которая неделю назад была заброшена для сбора разведывательной информации в тыл Красной Армии на участке действия 61-й армии Западного фронта.

В телеграммах указывалось: выброска группы прошла успешно, документы и легенда оказались удачными; разведка ведется в соответствии с намеченным маршрутом; пройдены пункты Песочное, Уколицы, Сорокино, Бабиново, Мызин, Озернинский, Новогрынь. Содержались данные о замеченных на маршруте воинских подразделениях и объектах Красной Армии; выражалась уверенность в успешном выполнении заданий.

Пройдясь мелкими шажками по комнате, полковник посмотрел на часы, снова сел за стол и нажал кнопку звонка.

В кабинет вошел его адъютант, молодцеватый бравый лейтенант.

— Слушаю, господин полковник.

Распорядитесь, Курт, чтобы к десяти ноль-ноль здесь сервировали завтрак на две персоны по первой категории. И еще. Когда появится капитан Фурман, пусть входит сразу же, без доклада.

Лейтенант щелкнул каблуками.

Герлиц по-отечески относился к адъютанту, который был сыном его друга, старого коллеги по работе в разведке, погибшего при выполнении задания во время польской кампании, и считал своим прямым долгом оказывать ему помощь и поддержку, тем более что его давней сокровенной мечтой было желание обручить с Куртом свою младшую дочь.

Фурман явился в точно назначенное время. В отличие от шефа он был строен, подтянут. Продолговатое, волевое лицо с завидным румянцем, спокойный, уверенный взгляд карих глаз указывали на отлично сохранившееся здоровье, хотя, судя по сильной проседи зачесанных назад слегка рыжеватых волос с большими залысинами, ему можно было дать и пятьдесят.

— Хайль Гитлер! — едва переступив порог кабинета, четко отрапортовал Фурман.

Услышав ответное «Хайль!», Фурман подошел к полковнику.

Герлиц улыбнулся.

По вам, капитан Фурман, можно проверять часы. Герлиц пригласил его к сервированному в углу кабинета

стола. Разливая в рюмки коньяк, полковник, коверкая русские слова, сказал:

Кушайте на здоровье.

— Я вижу, господин полковник, вы делаете успехи. Это тем более похвально, что русский язык очень трудный. Признаться, мне и самому иногда приходится обращаться к словарю, хотя русский — мой родной язык.

Да, да, — закивал полковник, — отшень, отшень трудный. Но я не унывай, — он поднял рюмку, приглашая капитана выпить.

— Ваше здоровье, господин полковник, — предложил капитан.

Нет, — заявил полковник, — прежде всего за успех нашего ЭАК-103. Вот, пожалуйста, посмотрите, — и передал Фурману послание майора Бауна.

Пока Фурман читал, Герлиц, откинувшись на спинку кресла, внимательно следил за выражением его лица.

Как человек капитан ему не нравился, но с Фурманом нельзя было не считаться как со специалистом, рекомендованным самим Бауном. К тому же Фурман в совершенстве владел несколькими европейскими языками, в том числе такими важными теперь, как русский, польский, чешский. Капитан был выходцем из России, сыном мелкопоместного дворянина, военное образование получил в Петрограде. Не приняв Октябрьскую революцию, он с оружием в руках выступил против Красной Армии, служил в денikinской армии, с остатками которой и бежал за границу. Обосновался в Германии, где обзавелся семьей, имеет четырех детей.

Герлиц доверял капитану, поручал ему самые ответственные задания, но капитан был русским, а к ним, как истый ариец, полковник испытывал душевное пренебрежение и настороженность. При каждом удобном случае Герлиц пристально наблюдал за капитаном, старался вызвать его на откровенность. Но капитан всегда был подчеркнуто официален, почтителен, серьезен и непроницаем; полковнику так ни разу и не удалось проникнуть в тайники его души.

— Что ж, прекрасно, господин полковник. Мне остается только поздравить вас, — заявил капитан. — А теперь позвольте, — продолжал он, вынимая из портфеля папку с документами, — передать то, что вы просили. Вот, пожалуйста.

Схватив папку, Герлиц быстро уселся за стол. Развернув ее, он посмотрел вначале на титульный лист, затем — на последнюю страницу и радостно воскликнул:

— Ого, тридцать страниц! Превосходно, капитан, просто превосходно!

«Штаб «Валли»

Нач. отдела «Валли-1»

Господину майору Бауну

Согласно Вашему распоряжению направляю подробное описание операции ЭАК-103.

Приложение: по тексту на 30 страницах

Нач. абверкоманды-103 полковник Ф. Герлиц»

В докладной отмечалось: «Разведывательная группа ЭАК-103 состоит из 22 человек, экипированных в форму военнослужащих Красной Армии: руководитель группы в звании ст. лейтенанта, его заместитель — лейтенанта, остальные участники — красноармейцы.

Руководителем группы является Альберт — кадровый сотрудник абвера, немец, унтер-офицер Ганс Мюллер, 1914 года рождения, выступающий перед участниками по легенде как бывший офицер Красной Армии, старший лейтенант Митин Сергей Иванович, добровольно перешедший на сторону германских войск. Он прекрасно знает русский язык и условия жизни в России, так как прибыл на родину два года тому назад в порядке репатриации из России, где находился вместе с родителями со дня рождения. С участниками группы его познакомил за три недели до выхода на задание лично полковник Герлиц.

Заместителем руководителя является «Ник», Николкин Василий Михайлович, 1919 года рождения, русский, уроженец и житель Смоленской области, бывший командир взвода мотопехоты 108-й танковой бригады Красной Армии, взят в плен в октябре 1941 года, завербован капитаном Фурманом в лагере военнопленных в Брянске. До поступления в разведку служил в лагерной полиции в должности командира взвода полицейских. Зарекомендовал себя как смелый, волевой, инициативный, исполнительный сотрудник, пользующийся авторитетом у подчиненных. По легенде — Николаев Михаил Еромолаевич.

Остальные участники группы подобраны в лагерях военнопленных из числа бывших военнослужащих Красной Армии, попавших в плен при различных обстоятельствах. Все они прошли стажировку по работе в лагерной полиции. Большинство участников имеет на оккупированной территории семьи, которые по разным причинам не успели эвакуироваться в восточные районы России.

Разведывательную подготовку участники группы прошли в городе Орджоникидзеграде в школе под руководством капитана Фурмана.

В состав группы включены два квалифицированных радиста, прошедших специальную подготовку в разведывательной школе в Борисове и приближенную к боевым условиям двухнедельную тренировку по связи с Центром.

Группа переброшена через линию фронта в ночь на 12 февраля из населенного пункта Клягинской Ульяновского района Орловской области, примерно в 25 км к северо-западу от Болхова, на шести санных повозках, с легендой, что она является командой связи, выполняющей специальное задание отдела ПВО штаба 50-й советской армии. Для подкрепления этой легенды руководитель группы и его заместитель снабжены удостоверениями личности офицеров отдела ПВО штаба 50-й армии и справкой из в/ч № 1319, подтверждающей, что они с командой выезжают в районы действий 154, 325 и 340-й дивизий. Кроме того, они снабжены справками, подтверждающими, что их команда связи выполняла задания в районах действий 387-й отдельной стрелковой дивизии и 323-й стрелковой дивизии.

При переброске через линию фронта группа была ложно обстреляна с нашей стороны, чтобы в случае необходимости заброшенные могли утверждать, что, не зная о захвате населенного пункта Клягинское немцами, случайно натолкнулись на противника и отошли в свой тыл.

Перед группой поставлена задача пройти по специальному маршруту в районах расположения 61, 50, 16 и 10-й советских армий на линии Козельск, Сухиничи, Мещевск, Мосальск и разведать наличие штабов, крупных соединений и частей Красной Армии, складов оружия, боеприпасов и материального обеспечения, наблюдать за передвижением воинских частей, идущих к линии фронта, состоянием морально-политического духа военнослужащих и гражданского населения, обеспечением фронта и тыла продовольствием и снаряжением.

Разведывательную информацию добывать путем визуального наблюдения непосредственно участниками группы, из бесед с военнослужащими и гражданским населением, а также с помощью подслушивания телефонных разговоров на линиях связи с использованием специальных аппаратов подключения, для чего в состав группы включены два телефониста.

Наиболее важные сведения, добытые группой, должны пе-

редаваться в Центр по радио по приданной ей агентурной рации в зашифрованном виде, а все другие данные руководитель учитывает в своем дневнике, подлежащем обработке при возвращении в разведорган после выполнения задания. Дневник хранится в специально оборудованном тайнике.

При необходимости оказать вооруженное сопротивление группа снабжена 15 винтовками старого образца и четырьмя винтовками СВ с 1800 патронами, двумя ручными пулеметами Дегтярева с 12 дисками, тремя автоматами ППШ с 600 патронами, двумя наганами и двумя пистолетами ТТ с тремя комплектами боеприпасов к ним, 12 ручными гранатами.

Группа снабжена десятидневным запасом продовольствия и шестью тысячами советских рублей. В дальнейшем продукты питания предлагается получать в колхозах в порядке мирной договоренности с их руководителями. Меры принуждения категорически запрещены».

В выводах, подчеркивающих новизну метода ЭАК-103, указывалось:

«Большая численность разведывательной группы позволяет выдавать ее за самостоятельную воинскую единицу, выполняющую то или иное задание командования в непосредственной близости к фронту. Это позволяет скрыть действительное назначение группы.

Передвижение на санных повозках, представляющих собой своеобразный обоз, еще больше укрепляет положение группы с точки зрения безопасности. Одновременно улучшается маневренность группы, облегчается сбор разведывательной информации, более надежной становится работа на рации: каждый сеанс связи осуществляется с нового места.

Включением в состав группы в качестве ее руководителя кадрового сотрудника разведки, нашего соотечественника, достигается большая надежность и уверенность в том, что группа при любых обстоятельствах будет действовать в строгом соответствии с данными ей инструкциями и поставит успешно выполнить поставленную задачу.

Структурное построение группы позволяет вести наблюдение за поведением каждого ее члена, что исключает случаи дезертирства, отказ вести работу или прямое предательство путем добровольной сдачи советским властям.

После удачного возвращения членов группы разведывательный орган получает сразу большое количество обстрелянных, а следовательно, надежных агентов, которые впоследствии могут быть использованы для выполнения более важных задач»

Закончив чтение, Герлиц встал и, потирая руки, сказал:
— Браво, капитан. Вы превзошли самого себя. Все изложено предельно ясно, обстоятельно и объективно. Думаю, никаких дополнений или изменений вносить не следует.

В это время вошел адъютант и передал полковнику запечатанный пакет, сообщив, что его доставил курьер из штаба.

Вскрыв его и ознакомившись с документом, полковник просиял и, обращаясь к капитану на ломаном русском языке, произнес:

Ви, понимает, капитан, как есть это карашо! Вот... — и протянул Фурману только что полученную бумагу.

Это была очередная радиограмма от группы ЭАК-103. В ней говорилось:

«В Колодезы штаб 234-й дивизии и особый отдел. На Сухиничи пошли 5 аэросаней и подкрепление до дивизии. В группе все нормально».

— Молодцы ребята!

Да, да, отшень карашо! — потирая руки, заключил полковник.

Выпив по рюмке коньяка за дальнейшие успехи ЭАК-103, они оделись и вышли на улицу, где уже стоял, отливая зеленой краской, «опель-адмирал» полковника. Машина взяла курс в направлении Красного бора. Там находилась резиденция абверкоманды-103.

НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ

Неделя бесплодного поиска действовала на членов оперативно-розыскной группы удручающе. Это выматывало и физически, тем более что последние дни, как назло, испортилась погода и передвигаться на автобусе по заснеженным дорогам вдоль линии фронта стало крайне трудно. Особенно тягостными были ночные поездки, так как на дорогах создавались большие заторы из-за скопления войск, осуществлявших передислокацию на более выгодные позиции. Ездить же днем по открытым дорогам, особенно в их автобусе, стало очень опасно. В этом они лишний раз убедились после повторного нападения на них воздушного пирата в районе Мосальска. И хотя никто не пострадал и на этот раз, рисковать больше не решались. Вообще, надо заметить, авиация противника на том участке фронта действовала исключительно активно. Нападению с воздуха подвергались почти все населенные пункты, в которых им пришлось побывать. Особенно запомнилась бомбежка Серпейска, куда они прибыли позд-

но вечером. Город был объят огнем. Озверевшие стервятники расстреливали все, что попадалось, из крупнокалиберных пулеметов. Их атаки мужественно отбивали части гарнизона всеми имевшимися в их распоряжении средствами.

Из Серпейска в ночь на 20 февраля выехали в Соболевку. Дорога оказалась трудной, и до места назначения добрались только к утру. Оба сеанса связи, дневной и вечерний, вновь не дали положительных результатов. Оставалось провести последнюю проверку — в Новоселках, недалеко от Кирова, который еще был в руках противника.

После недавней пурги добраться на автобусе туда было невозможно. Решили ехать на лошадях, но с трудом удалось достать даже одну подводку. Поэтому поехали втроем, а дядю Сашу и Сергея оставили на месте. Выехали вечером, когда уже стемнело. Ветер стих, подморозило. На небе появились просветы, в которых, как в окнах огоньки, светились звезды. Вскоре из-за туч выплыла и луна, осветив нежно-голубым сиянием зимнюю дорогу, деревья и кустарники, причудливо украшенные снеговыми шапками и казавшихся сказочными.

Но по мере приближения к месту назначения, находившемуся у самой линии фронта, все явственнее ощущалось дыхание войны. На горизонте то и дело мелькали огненные всплески и вспышки осветительных ракет. Все отчетливее слышался грохот орудийных залпов, рокочущая трель пулеметных очередей, глухое уханье рвущихся мин и снарядов.

В Новоселки прибыли под утро. Остановились в первом же домике. Он был переполнен военными, и все же им кое-как удалось втиснуться, чтобы согреться и отдохнуть. После первого сеанса связи, опять безрезультатного, потянулись минуты томительного ожидания до повторной проверки в 17.00. Но и она, к сожалению, не принесла ничего нового.

Пришлось возвращаться не солоно хлебавши. Обратный путь до Соболевки преодолели значительно быстрее: дорогу уже накатали.

Прибыли в Соболевку в середине ночи. Дядя Саша и Сергей быстро согрели самовар, накормили вернувшихся товарищей, и после двух бессонных ночей они крепко уснули.

Утром 22 февраля в обусловленное время днем передали в Центр телеграмму:

«Район Сухиничи, Мещевск, Мосальск, Серпейск, Киров тщательно обследован. Радиостанция «Шмеля» в этом районе отсутствует. Находимся в Соболевке. Ждем указаний».

Центр ответил вечером того же дня, распорядившись

вернуться в Сухиничи для получения дальнейших указаний.

В Сухиничах, куда прибыли 24 февраля, от Центра поступила следующая телеграмма:

«С 21 февраля «Шмель» в эфир не выходит. Вызовы его брянским радиоцентром прекращены. Возвращайтесь в Москву. Тарову приказано выехать в Белев для связи в райотделе с представителем областного управления капитаном Васильевым и особистами. Совместно с ними продолжить розыск в районах Козельска, Белева, Болхова».

В ШПИОНСКОЙ ГРУППЕ

Антон Павлов, веснушчатый, белобрысый, веселого нрава парень, прозванный в группе Ушастиком за оттопыренные уши, лежал на полу, укрывшись шинелью, и беспрерывно вертелся с боку на бок. Бессонница его преследовала уже больше недели, с того самого дня, когда группа, перейдя линию фронта, оказалась в тылу Красной Армии. Вороша в памяти прошлое, он не мог отметить в своей, по существу, только еще начавшейся сознательной жизни ни одного события, которое вызывало бы такое мучительно-тягостное состояние, какое он испытывал сейчас. Даже уход на войну, расставание с родными и близкими, вражеский плен и пребывание в разведывательной школе противника за высоким глухим забором не порождали такого неотступно гнетущего чувства.

Размышляя об этом, Антон понял, что роль шпиона, которую он бездумно, не отдавая отчета в последствиях, согласился играть в угоду врагу, по наивности полагая, что в дальнейшем авось удастся все изменить, оказалась для него явно непосильной. После долгого душевного метания он принял наконец твердое решение добровольно сдаться органам Советской власти.

На поведение Павлова обратил внимание старший пятерки, в которую он входил, Туманский.

Начиная с первого ночлега в тылу Красной Армии в деревне Уколицы он стал за ним пристально наблюдать. Туманский заметил, что по ночам Павлов часто вскакивал, вздыхал, выходил из дома, пил воду. Днем был угрюм, избегал встреч с местными жителями, старался уединиться. О своих наблюдениях Туманский доложил командиру, и тот приказал не спускать с него глаз.

Семнадцатого февраля в Рудневском хуторе Туманский

приметил, что Антон прячет у себя в кармане гимнастерки какую-то бумагу, похожую на письмо.

Он снова доложил о замеченном Митину. Тот предложил организовать баню, пойти туда вместе с Павловым и, когда он разденется, незаметно обшарить его карманы. Так и сделали. В результате выяснилось, что Павлов написал письмо, адресованное в местный райотдел НКВД, в котором сообщал данные о шпионской группе с указанием документов прикрытия и маршрута движения и просил задержать. Письмо положили на место, чтобы Павлов ни о чем не догадался, а за ним установили неотступное наблюдение. На другой день утром Митин приказал Туманскому и Павлову идти с ним на поиск места для тайника длительного хранения, в котором можно было бы спрятать лишние вещи. Павлов по обыкновению стал отнекиваться, ссылаясь на головную боль, но командир настоял на своем. Пошли в направлении деревни Волосово. Было пасмурно, ветрено, мела поземка. Примерно на четвертом километре свернули в сторону от дороги и углубились в лес. Шли след в след, проваливаясь в глубокий снег. Наконец у одной приметной сосны, рядом с которой лежала большая коряга, решили отдохнуть. Осмотревшись, Митин объявил, что это место подходит для устройства тайника, и приказал расчистить снег между корягой и деревом, чтобы добраться до расщелины, которая образовалась у его основания.

Закончив работу, Туманский и Павлов сели на корягу отдохнуть. Командир стоял позади них. Павлов наклонился вытряхнуть из штанины снег, и в это время за его спиной раздался выстрел. От неожиданности Туманский вскочил, а Павлов упал на землю. Стрелял Митин из пистолета ТТ в упор.

Туманский в ужасе перевел взгляд на Митина. Он стоял бледный, тяжело дышал и к чему-то прислушивался. Затем, обратившись к Туманскому, процедил:

Ну что дрожишь? Не видал, как убивают на войне? Если не мы его, то он нас. Перестань трястись, обшарь карманы, все надо изъять и уничтожить!

У Туманского дрожали ноги, руки не слушались, в голове стучало.

Видя его состояние, Митин вытащил из-под полушубка флягу с разбавленным спиртом и приказал:

— Глотни!

Туманский сделал несколько глотков и почувствовал облегчение.

Когда оцепенение прошло, Митин обшарил карманы

Павлова, вытащил все, что в них было, но заявления не обнаружил.

— Куда же он дел его, сволочь? — зло выругался командир и добавил: — А ну давай обыщи еще раз!

Не найдя заявления и при повторном обыске, они сожгли все документы и бумаги Павлова, а труп забросали снегом.

Затем выпили еще немного спирта и по старым следам пошли назад. Шли медленно, осторожно, прислушиваясь к каждому шороху. Выбрались на безлюдную дорогу. Только тогда успокоились. Близ деревни Митин сказал:

Смотри не проболтайся, будем говорить, что его послали в Волосово за продуктами и для выяснения обстановки.

Вечером, когда заместитель командира Николаев провел проверку личного состава и выяснилось, что нет Павлова, поднялась паника. Николаев пристал к Туманскому. Слова Туманского об уходе Павлова в Волосово его не удовлетворили. Посыпались новые вопросы. Туманский не выдержал, вспылил, сказал, чтобы он отвязался от него, а если не верит, то пусть разговаривает с командиром.

Не добившись ничего от Туманского, Николаев пошел к командиру, но и от него ничего не добился.

— Завтра рано утром надо сматываться отсюда, вот и все, что я могу тебе сказать, — ответил Митин.

— А как же Павлов? Он не будет знать, где мы.

Вот и хорошо, что не будет.

Что, сбежал? — встревожился Николаев.

Нет, не успел, гад.

— Так где же он?

— На том свете.

От неожиданности Николаев не нашелся, что и сказать, а Митин, глядя на него, продолжал:

Что уставился, как баран на новые ворота? Или непонятно? На том свете он, говорю. Я его туда отправил самодично, как изменника. Не хотел тебя и ребят расстраивать, да, видно, от вас ничего не утаишь.

Командир рассказал обо всем, в том числе и о пропавшем заявлении. Решили собрать всех руководителей пятерок, поставить их в известность и договориться о единой линии поведения. Все согласились с тем, что надо срочно уходить из этого пункта, временно прекратить разведку, сообщить об обстановке Центру и попросить указаний. Рядовых членов группы решили пока не тревожить.

Рано утром 19 февраля выехали в направлении Смет-

ских высот. В 11. 30 связались по радио с Центром и передали радиограмму, которую составил и закодировал сам командир.

ХОД КОНЕМ

Полковник Герлиц проснулся с сильной головной болью. Ночью его мучила бессонница, а когда засыпал, снилась злая черная собака, которая все время хотела ухватить его зубами за шею, отчего он мгновенно просыпался.

«Неужели совсем расстроились нервы?» — размышлял полковник, вспоминая неприятные события минувшего дня.

День и впрямь выдался для него исключительно хлопотливым. Началось с того, что за завтраком ему доложили о бегстве из Борисовской школы трех разведчиков, убивших часового и похитивших альбом с фотографиями курсантов.

Обед оказался испорченным из-за срочного вызова в канцелярию абверкоманды, шеф которой капитан Зиг Иоганнес, будучи в нетрезвом состоянии, пытался принудить к сожительству машинистку, а когда она оказала сопротивление, нанес ей телесные повреждения, после чего учинил дебош. Жалобы на самодурство Зига поступали и раньше, и Герлиц был обеспокоен тем, что это может дойти до высокого начальства и повредить его престижу как руководителя абверкоманды.

И в довершение всего поступила тревожная радиограмма от руководителя ЭАК-103 Альберта. Нужно было срочно вызвать капитана Фурмана, но и это не удалось. Доложили, что Фурман уехал в Брянск для подбора кандидатов в разведшколу из числа военнопленных. Встречу с ним пришлось отложить на следующий день. Теперь, мучаясь головной болью, полковник с нетерпением ждал приезда Фурмана.

Герлиц кинул в рот таблетку от головной боли, запил глотком вина и, пересиливая себя, сделал несколько гимнастических упражнений.

Приведя себя в порядок, он прошел в кабинет.

Усевшись за письменный стол, полковник достал радиограмму Альберта.

«Господину полковнику лично. Обстановка осложнилась. Павлов оказался предателем. У него обнаружили письмо, адресованное НКВД. Пришлось пристрелить. Выполнил лично вместе с Туманским в лесу. Обошлось без шума, но настрое-

ние в группе подавленное. Разведку пока прекращаем. Группу увожу в безопасное место. Жду распоряжений. Альберт».

Из задумчивости Герлица вывело появление Фурмана.

Вот, капитан, смотрите, что сообщает Альберт, — сказал он, передавая Фурману телеграмму. — Положение ЭАК-103 мне представляется опасным. Надо подумать, какие дать рекомендации. Видимо, к первому сеансу связи мы не успеем, но в семнадцать ноль-ноль сегодня телеграмма должна быть отправлена.

Если все обстоит так, как сообщает Альберт, то непосредственной опасности, пожалуй, нет. Состав группы я знаю хорошо. Люди надежные. Павлов — это случайность. Он молод, сентиментален. А раз его убрали, то думаю, что все должно обойтись.

Нет нет, капитан. Поверьте моему опыту, ситуация крайне неблагоприятная. Поступок Павлова может вызвать цепную реакцию. Это — первое. Второе. Нельзя исключать, что ликвидация Павлова прошла не абсолютно гладко. Поэтому надо исходить из того, что на месте ликвидации Павлова остались какие-либо следы, улики. И наконец, при подобных обстоятельствах у разведчиков возникает чувство неуверенности что приводит к ошибкам.

В таком случае, господин полковник, остается одно: как можно быстрее отозвать группу, — вставил Фурман.

— Это было бы, капитан, пожалуй, самым разумным, но, к сожалению, есть обстоятельства, вынуждающие нас повременить с таким решением. В последних телеграммах Альберт сообщил ценную информацию о намерении русских начать наступление на Чернышено и о местах дислокации ряда штабов и частей Красной Армии. Эти данные серьезно заинтересовали командование, оно ждет поступления более подробных сведений, в связи с чем разведчикам приказано держать под наблюдением дороги Чернышено, Ульяново, Волкинское. Старица. Далее, майор Баун нам не простит, если мы не оправдаем возлагаемых им надежд на ЭАК-103. И еще. Поспешный отзыв разведчиков в данной ситуации непременно обострит у них чувство повышенной опасности: следуя через линию фронта, они неминуемо допустят ошибки. Невыгоден отзыв и в смысле воспитания разведчиков, закалки их воли, мужества, умения работать в особо сложных условиях. Проще простого бежать от опасности, преодолеть ее — значительно сложнее.

Что вы предлагаете, господин полковник? — спросил Фурман.

— Вот это мы с вами и должны решить, капитан. Надо, как говорит русшиш пословиц, «и волк ел, и овца остался целый».

— Вы хотите сказать, «и волки сыты, и овцы целы»? — поправил Фурман, глядя на улыбающегося полковника.

— О, да, да! Это есть отшень карашо!

Прохаживаясь по кабинету, полковник на некоторое время замолчал, задумался, а затем, остановившись напротив Фурмана, наставительно заявил:

Нужен ход конем! Надо создать впечатление, что линия связи брянского радицентра с нашей группой в тылу Красной Армии работу прекратила, и тем самым снизить к ней интерес противника. Если русские наблюдают за работой брянского радицентра, а я в этом не сомневаюсь, то они должны на эту удочку клюнуть, поверить, что разведчики работу закончили. Следовательно, искать дальше напрасно. Но прежде я должен знать, какие конкретно рекомендации о мерах безопасности вы дали участникам группы ЭАК-103. Это очень важно, поскольку мы принимаем решение об оставлении группы в тылу противника в сложной для них ситуации.

— Я, господин полковник, руководствовался известной вам инструкцией по этому вопросу и полагаю, что члены группы, особенно руководители, хорошо усвоили все ее положения.

— Скажите, пожалуйста, капитан, какие инструкции группа имеет на случай перехода линии фронта при возвращении?

В этом плане, господин полковник, предусмотрено два варианта. Первый. При подходе к передовой всей группой обстрелять бойцов Красной Армии с тыла, создать панику и перейти на сторону немецких войск. Второй. При переходе через линию фронта небольшими группами или в одиночку, приближаясь к немецкой заставе, поднять руки над головой, сложить их крест-накрест и произнести пароль: «Павлов цвай» и число тысяча восемьсот девяносто шесть. Пароль знает каждый член группы. Конкретные пункты перехода не назывались. Их сообщим по радио.

— Отлично. Благодарю вас, капитан.

Полковник сел за письменный стол, подал Фурману блокнот и сказал:

Ну что же, давайте сочинять текст ответной телеграммы.

Митин расшифровал две депеши, принятые радистом вечером 20 февраля. По опознавательным группам он понял, что они были зашифрованы аварийным шифром. Это был текст радиограммы, разбитой на две части. В ней говорилось:

«Альберту. Благодарю за мужество и преданность. Поступили правильно. Всех участников группы представляю к награде за работу и стойкость. Строго соблюдайте меры предосторожности. Решение отойти в безопасное место одобряю. Разведку полностью прекращать нельзя. Задание от 17-го остается в силе. Это очень важно. Используйте только опытных и надежных разведчиков. Информацию храните у себя. Радиосвязь временно прекращаем с обеих сторон. В эфир выходить только в крайнем случае. При осложнении обстановки возвращайтесь. Переход — на участке Думиничи, Черныши над Жиздрой. Маршрут уточним по радио. Желаю успехов. Дальнейшие сообщения только аварийным шифром. Полковник».

ПО СЛЕДАМ ШПИОНОВ

Капитан Васильев, с которым Таров встретился в Белеве, произвел на него приятное впечатление. Он был лет на десять старше Тарова. До перехода в территориальные органы НКВД восемь лет служил в пограничных войсках. Капитан оказался весьма общительным, располагающим к себе человеком, и Таров сразу же нашел с ним общий язык. Уже после первой беседы стороннему наблюдателю могло показаться, что они давно работают вместе.

Да-а,— задумчиво протянул Васильев, когда Таров объяснил суть задачи.— Это уравнение со многими неизвестными. Как же мы будем его решать, если нет ни точного места и никаких конкретных зацепок? Остается единственное — действовать по формуле «Ищи ветра в поле»?

Давайте думать, Владимир Николаевич! Место действия в принципе известно, вот оно (Таров обвел на карте красным карандашом районы Козельска, Белева, Болхова). Где-то тут. Район, правда, великоват, но что ж поделаешь... Ну а как решать, думаю, вам и карты в руки. Вы же бывший пограничник, умеете это делать лучше других.

— На границе все ясно. Любое происшествие — это конкретика. Видно, откуда надо танцевать, за что зацепиться, а это главное.

— Не скажите, товарищ капитан. Начальник нашего от-

дела Тимов Петр Петрович, может быть знаете, тоже пограничник, с большим стажем. Он совсем другого мнения. По его рассказам ребусов на границе бывает предостаточно, да и не менее сложных, нежели наш «Шмель».

— Не спорю, не спорю. Всякое случается и там, но с точки зрения конкретики все же яснее.

— Ладно, давайте ближе к делу. Итак, с чего начнем, какие есть соображения?

Они сидели почти весь день, обдумывая план мероприятий, спорили, обсуждали разные версии, пока не пришли к согласию. В конце концов план был готов, но оставалось главное — начинить его конкретикой (кто именно, что и в какие сроки выполняет) и приступить к практической реализации. На согласование всех вопросов с руководителями райотделов НКВД и особых отделов, дислоцированных в районе действия шпионской группы, а также подбор нужных людей, их расстановку, инструктаж и направление на места потребовалось двое суток.

Вечером 28 февраля Таров был срочно вызван в областное управление НКВД для прямого разговора по ВЧ с начальником управления Федовым. Разговор, судя по всему, не сулил ничего хорошего, и Таров волновался. Действительно, голос Федова показался ему необычно суровым, чувствовалось, что комиссар был чем-то расстроен.

Мне сегодня, — сказал он, — пришлось выслушать много неприятного от наркома по поводу недопустимо медлительного розыска действующей в нашем тылу агентурной рации противника с позывным «ДАТ». Теперь положение осложнилось. Радиостанция не работает, а где находятся агенты и что они делают, никому не известно. Это грозит серьезными неприятностями. К счастью, сегодня благодаря расшифровке перехваченных ранее радиogramм мы узнали, что информация, которую агенты передали противнику, пока не представляет серьезной опасности. Но сам факт, что шпионы безнаказанно действуют в нашем тылу вот уже две недели, говорит сам за себя. Это указывает на то, что наша розыскная работа поставлена из рук вон плохо и требует коренной перестройки.

Поэтому я прошу сделать надлежащие выводы и принять самые энергичные меры к активизации розыска. Шпионов надо взять во что бы то ни стало! Это дело чести нашей службы, тем более сейчас, когда тексты расшифрованных радиogramм указывают на следы их деятельности. Все заценки надо тщательно проанализировать и на основе анализа раз-

работать целенаправленные мероприятия по розыску. Соответствующая ориентировка в местные органы уже направлена. Тексты телеграмм передаст Барников.

После небольшой паузы комиссар спросил:

Вам все понятно? Вопросы есть?

Все ясно, товарищ комиссар!

Тогда действуйте, желаю всего хорошего. Переключаю на Барникова.

Осведомившись о состоянии здоровья и самочувствии Тарова и расспросив его об обстановке в районах работы и предпринятых мерах по розыску шпионов, Барников продиктовал тексты девяти радиogramм от агентов и пяти, адресованных им от брянского радиоцентра. (Последние две телеграммы противника расшифровке не поддались.) Затем он высказал свои рекомендации, вытекающие из текстов этих радиogramм, обратив особое внимание на поиск убитого Павлова и тщательность работы в пунктах, где побывали шпионы.

Поблагодарив Барникова за советы и распрощавшись с ним, Таров к утру следующего дня возвратился в Белев. Это был первый по календарю весенний день 1942 года.

Васильев был уже в райотделе. Он с нетерпением ждал Тарова, быстро организовал завтрак.

Когда сели за стол, капитан спросил:

Ну, чем порадовали?

Прежде всего нагоняем. Центр недоволен, что мы хлопаем ушами, а шпионы разгуливают. Приказано найти во что бы то ни стало!

Но мы же не бездельничаем.

Это мало кого интересует. Важен результат, а он пока равен нулю.

Васильев стал разливать чай, а Таров достал из кармана записи текстов телеграмм шпионов и сказал:

— Но есть и приятное. Вот, читайте! Кроме того, я договорился с руководством областного управления о выделении нам еще двух оперативных работников и группы бойцов внутренних войск, имеющих опыт несения патрульной службы. Сегодня к вечеру они будут здесь.

— Это хорошо, — заметил Васильев, углубившись в чтение шпионских донесений.

Изучение телеграмм показало, что шпионы, перейдя линию фронта, проследовали населенные пункты Песочное,

Уколица, Сорокино, Бабиново; несколько дней спустя отмечали наличие штабов воинских подразделений Красной Армии в населенных пунктах Колодезы и Ульяново; 17 февраля попали под бомбежку немецких самолетов и потеряли двух лошадей; перед прекращением связи с брянским радиоцентром сообщили, что испытывают нужду в продуктах, а достать без аттестатов трудно; 19 февраля сообщили о ликвидации Павлова, заподозренного в предательстве.

Из ответных радиogramм шпионского центра усматривалось, что 17 февраля шпионы получили задание усилить наблюдение на дорогах в направлении Чернышино, Ульяново, Волкинское, Старица.

Чекисты приняли решение идти по следам шпионов. В соответствии с этим группа под командой Макарова выехала в Песочное, Уколицу, Сорокино, Бабиново и далее по населенным пунктам к северу с задачей разведать, кто из военнослужащих находился в этих местах 13, 14 и 15 февраля и что о них известно местным жителям (численность, фамилии, имена, внешние приметы, экипировка, вооружение, транспорт, как вели себя, чем интересовались, когда и куда отбыли и пр.).

Другая группа во главе с оперработником Шестаковым занялась организацией усиленной патрульной службы при въезде и выезде из Ульяново и Колодезы, а также проверкой в близлежащих населенных пунктах, какие воинские подразделения, команды и группы военнослужащих останавливались в них на отдых (в дневное и ночное время), чем интересовались, в каком направлении отбыли.

Третья группа, возглавляемая лейтенантом Климовым, приступила к организации стационарных и подвижных постов на дорогах в направлении Чернышево, Ульяново, Волкинское, Старица, поставив задачей обеспечить круглосуточное наблюдение за появлением подозрительных лиц.

Сотрудники особых отделов усилили патрульную службу непосредственно в прифронтовой полосе с целью проверки документов и задержания подозрительных лиц с тем, чтобы захватить шпионов в случае попытки перейти к немцам через линию фронта.

Оперативный состав райотделов НКВД и особых отделов получил задание провести соответствующую работу среди местного населения в Козельске, Белеве, Ульянове.

Все участвовавшие в розыскных мероприятиях были ориентированы на то, что шпионы выдают себя за военно-

служащих Красной Армии, передвигаются на лошадях и испытывают затруднения с продовольствием.

Капитан Васильев выехал на поиск трупа убитого Павлова. Направляя его с этим заданием, Таров напутствовал:

Имейте в виду, Владимир Николаевич, что это одно из самых ответственных поручений. Так считает Центр, ибо ниточка от Павлова может потянуться ко всей группе. Подберите нужных людей, раздобудьте собак и действуйте. Задача, думаю, вам понятна и без моих наставлений. Вы же пограничник.

Все ясно. Жаль только, что нет моего Рекса. Этот пес достал бы Павлова и из-под земли. Вопрос только в том, откуда начать. В сообщении шпионов сказано, что убили в лесу, а это понятие растяжимое. Весь лес не прочлешь.

— Что ж, давайте прикинем, где это могло произойти. Телеграмма шпионов была передана девятнадцатого в утренний сеанс связи. Следовательно, расправа над Павловым была учинена раньше девятнадцатого.

— Почему?

— Потому, что, во-первых, надо было замести следы, а затем подготовиться к сеансу связи. Сделать все это девятнадцатого они явно не могли.

— Но и тянуть с этим они не могли.

— Конечно. Я полагаю, что убийство произошло восемнадцатого, в крайнем случае, семнадцатого. В это время, судя по телеграммам, шпионы могли находиться вот здесь.— Таров сделал отметку на карте.— Значит, отсюда и надо танцевать. Затем продвигайтесь к северу.

— Хорошо, будем действовать.

Таров пожелал капитану удачи, и они расстались.

В райотделах НКВД были выделены специальные уполномоченные, обязанные поддерживать постоянную связь с оперативно-розыскными группами и принимать необходимые меры по поступающим сигналам с мест. На Тарова, как представителя Центра, была возложена задача по координации действий всех оперативных подразделений, участвовавших в розыскных мероприятиях, а также поддержание связи с центральным аппаратом контрразведки.

Все было задействовано, как и предусматривалось планом. С мест стало поступать много сигналов, проверка которых требовала больших усилий, но все они оказывались ложными. На след шпионов напасть не удавалось. Они точно канули в воду. Неутешительные вести поступали и от Васильева. Прочесывание лесных массивов вокруг десятка населен-

ных пунктов в намеченном районе успеха не принесло. Пришлось продвигнуться на север и привлечь местных жителей.

Между тем положение шпионской группы становилось критическим. Разведцентр продолжал выдерживать марку, создавая видимость, что группа работу прекратила. Шпионы тоже отмалчивались. Разведка, по существу, не велась, хотя Митин и пытался ее организовать. Полученные в беседах с местными жителями и военными кое-какие данные Митин записывал в дневник.

Настроение у членов группы с каждым днем становилось все хуже и хуже. Туго приходилось с продуктами, достать их без аттестатов было трудно. Начался голод. Шпионы похудели, осунулись. Положение усугублялось тем, что группа все время находилась под страхом провала. Переезды с места на место стали опасными. Усилилось патрулирование на дорогах, среди населения прошел слух, что ищут шпионов.

В поисках выхода из трудного положения Митин и Николаев решили связаться со своими шефами и попросить новые документы, продукты, одежду, деньги. Сеанс связи состоялся 4 марта.

В тот же день Альберту ответили:

«Вы все награждены за храбрость и мужество. Поздравляем. Посылка сейчас очень опасна для вас. Старайтесь быстрее вернуться. Идите через Колодезы до Хомутова и занимайте лес, начинающийся от Усты Вертное. Если невозможно, тогда через Дубно до Шлабово и занимайте лесные чащи близ села Клинце. Будем встречать. Желаем успеха. Полковник».

Во исполнение этих указаний шпионская группа в ночь на 6 марта вышла из пункта Дмитровский и должна была следовать по маршруту Щетинино, Плохово, Сяглово, Хомутово, далее — как указывал в телеграмме полковник.

ЗАХВАТ

На четвертые сутки в руки контрразведчиков попали данные, позволявшие вести целенаправленный поиск.

4 марта в 11.30 Центр впервые после перерыва сообщил, что шпионская рация вновь вышла в эфир и после установления связи с Брянском передала противнику радиограмму, расшифровать которую не удалось.

В 17.00 того же дня состоялся второй сеанс связи между Брянском и шпионской рацией, во время которого противник

передал агентам ответную радиограмму, также не поддавшуюся расшифровке. По данным пеленгаторных пунктов, местонахождение шпионской радиостанции оставалось в прежнем треугольнике с незначительным отклонением в западном направлении.

Поздно вечером 5 марта поступило сообщение от Васильева о том, что в районе Рудневского хутора обнаружен труп солдата с простреленным черепом; за голенищем сапога на правой ноге найдено письмо за подписью «Патриот», адресованное в НКВД. В письме говорилось, что в районе под видом связистов действует шпионская группа. Она состоит из 22 человек, передвигается на четырех санных повозках. Возглавляют группу Митин и Николаев. Сомнений не оставалось: это был труп убитого Павлова.

Ночь с 5 на 6 марта прошла в хлопотах. Поставив в известность Центр о вновь полученных данных, связались с работниками на местах, осуществлявшими контроль на маршрутах передвижения, а также с особыми отделами воинских частей. Нужно было срочно ознакомить с новыми данными. Перед особыми отделами ставилась задача перекрыть подходы к линии фронта, чтобы не пропустить шпионов на сторону противника. Но вся работа была впереди.

Взяв за исходное место обнаружения трупа, начали выяснять в близлежащих селах, не останавливалась ли в них на отдых команда военнослужащих — двадцать два связиста во главе со старшим лейтенантом Митиным и лейтенантом Николаевым.

К утру 6 марта удалось выяснить, что в двадцатых числах февраля шпионская группа в течение двух дней находилась в Рудневском хуторе, откуда отбыла на четырех санных повозках в неизвестном направлении. Уехали под утро, затемно.

Для преследования шпионов по наиболее вероятным маршрутам их движения от Рудневского хутора пришлось создавать три оперативных группы. Они отбыли в северном, западном и южном направлениях.

Оперативная группа под командованием Васильева из Рудневского хутора взяла курс на Киреевское, Алимовский, Слаговищи, Дмитровский с дальнейшим продвижением в направлении Хомутова. К исходу 6 марта она достигла перегона Плахово — Сяглово. Здесь должны были действовать два контрольных поста, наблюдавшие за движением по дороге. Подъехав к посту номер один, Васильев осведомился об обстановке. Патрульный ответил, что движение слабое, за время

дежурства прошло только три грузовика и один обоз из тринадцати саней.

— Документы проверили? — спросил Васильев.

— Проверили, вроде все в норме.

— У всех?

— Нет, только у старшего обоза на первых санях.

— Фамилию помните?

— Извините, товарищ капитан, не запомнил.

— Сколько всего было людей?

— Человек тридцать.

— Как они размещались?

— На первых семи или восьми повозках по одному человеку, а на последних остальные.

— Груз проверяли?

Патрульный замялся.

— Кто вас инструктировал?

— Лейтенант Лебедев из особого отдела.

— Когда?

— Дня четыре назад.

— Плохо несете службу, старшина. Когда ушел обоз?

— Часа два назад.

Уточнив еще ряд вопросов, Васильев приказал водителю догнать обоз. Настигли его лишь через полтора часа.

Светало. Сквозь утреннюю пелену капитан в бинокль стал рассматривать ехавших. Его внимание привлекли последние сани. В трех из них было по пять человек, в четвертых — шесть. Всего двадцать один.

— Предупреди солдат, — сказал он своему заместителю, — чтобы оружие держали к бою.

Грузовик с чекистами, обогнав обоз, остановился. Васильев подошел к командиру группы, следовавшему на первой повозке.

Сколько у вас должно быть саней?

— Девять...

— А почему же здесь тринадцать?

— Пристали в пути.

— Вы знаете, кто они?

— Понятия не имею, мало ли тут ездят, за всем не уследишь. Да и ко сну ночью тянет, чуть задремлешь, смотришь, а тебя уже кто-то обогнал или вклинился в строй.

— Своих всех знаете?

— Конечно.

— Идите с нами.

Подходя к десятой повозке, чекист спросил:

Эта ваша?

Нет.

Васильев насчитал на санях пять человек.

Кто старший?

Я, а что?

Военный патруль, прошу предъявить документы!

— Пожалуйста.— Он нехотя вылез из повозки, засунул руку под полушубок и вытащил удостоверение личности на имя старшего лейтенанта Митина Сергея Ивановича.

«Он!» — пронеслось в голове. Сердце сильно забилося. По телу пробежал озноб. Мысль работала в одном направлении: как взять без перестрелки, живьем? Ориентировка гласила — их двадцать один. Рядом с Васильевым стояло пять советских автоматчиков. В то же время из грузовика стали выпрыгивать и окружать группу другие красноармейцы.

Просмотрев удостоверение и возвращая его обратно Митину, стараясь быть как можно спокойнее, Васильев сказал:

— Товарищ старший лейтенант, можете следовать дальше. И кто с вами?

Нас двадцать один человек, — ответил Митин, заметно повеселев и указывая рукой на две повозки, где в напряженных позах лежали его соучастники.

«Надо выманить их. В повозках брать опасно», — сверлила мозг мысль.

Митин засунул удостоверение под полушубок и направился к повозке.

Васильев успел шепнуть Викторову: «Они! Будем брать, ждите сигнала!»

Когда Митин снова улегся в повозку, Васильев подошел и сказал:

Извините, товарищ старший лейтенант, требуется проверить груз.

— Да у нас, собственно, никакого груза, только оружие да личные вещички.

— Все равно требуется для порядка. Распорядитесь, чтобы все вышли.

— Пожалуйста, — пожал плечами Митин, приказывая всем слезть с повозок.

Товарищ лейтенант, проверьте груз! — приказал Васильев Викторову.

Тот вместе с автоматчиками пошарил для вида в сене; тем временем красноармейцы заняли удобные позиции.

Рядом с Васильевым встал сержант Соколов. Разговори-

вая с Митиным, Васильев предложил ему закурить и, нарочно обронив пачку папирос, заметил:

— А черт, рука совсем не действует после ранения.

Митин нагнулся, чтобы поднять папиросы. В это время Васильев подал сигнал для захвата. Болевым приемом вывернули Митину руки и надели наручники. Других сбили с ног и, угрожая автоматами, заставили лечь вниз лицом, вытянув вперед руки, после чего им тоже надели наручники.

Все произошло настолько быстро и неожиданно, что шпионы опешили. Присутствовавший при этом лейтенант с первой повозки тоже растерялся и не знал, что делать. Васильев подошел к нему, объяснил ситуацию и попросил быть понятым при составлении акта задержания.

При обыске у шпионов были изъяты боевое оружие, которым их снабдили немцы, а также документы, дневник с записями шпионских сведений, рация, хранившаяся на самом дне повозки, карта местности с отметками пунктов в тылу Красной Армии, в которых они побывали, ампулы с цианистым калием для самоотравления в случае провала.

Оформив акт о задержании, шпионов этапировали в областное управление НКВД.

Домой Таров возвратился 9 марта. Встреча с Барниковым была теплой и сердечной.

Ну что же, дебют состоялся, как говорят шахматисты, поздравляю с боевым крещением. Устал небось?

— Заслуга моя здесь маленькая. Митина и его группу взял Васильев. Думаю, надо ходатайствовать о представлении его к награде.

Ну ладно, не прибежняйся. Общая организация розыска — это ведь тоже немаловажная вещь.

— Так-то оно так, но, понимаете, обидно, что Николаев и Митин вначале ускользнули, можно сказать, из самых рук. Сидели-то мы у них на самом хвосте, оставалось только схватить... Ребята даже расстроились.

Ну и напрасно. В конечном счете важен итог: шпионы обезврежены, а как это произошло — не суть важно.



ВЛАДИМИР КИСЕЛЕВ

ОТРЯД «ХРАБРЕЦЫ»

Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.
Н. Тихонов

С июля 1942 года по июль 1944 года на территории оккупированной Белоруссии действовал отряд специального назначения «Храбрецы» под командованием Александра Марковича Рабцевича. За время боевых действий отряд совершил сотни диверсий, подорваны были бронепоезд, десятки эшелонов, танков и бронемашин, около сотни автомашин, катера, сожжено несколько шоссеиных мостов и т. д. Кроме

этого, Центр регулярно получал сведения разведывательного характера, касающиеся замыслов и действий оккупационных властей, передвижения фашистов, их численности и размещения... Неоднократно советская авиация, используя данные отряда, бомбила скопление фашистских сил и техники в городах Осиповичи, Бобруйске, Жлобине, Калинковичи и их окрестностях. Потери отряда за весь период действий составили двадцать один человек.

Я вас вызвал, Александр Маркович, — сказал Рабцевичу генерал, — чтобы сообщить о решении руководства направить вас в тыл врага со специальной группой... Так что принимайте командование и начинайте подбирать людей. Надеюсь, подготовка займет немного времени... — Он говорил и следил за реакцией капитана.

В ответ прозвучало сдержанное «спасибо».

Это не удивило генерала. С капитаном он встречался дважды: сразу после начала войны, когда получил рапорт Рабцевича с просьбой направить его в тыл врага, и потом, спустя несколько месяцев, когда разгромили немцев под Москвой и Рабцевич, уже будучи командиром роты, вновь обратился к генералу с просьбой направить его в тыл врага.

Капитану исполнилось сорок четыре года, за плечами немалый опыт, опыт войны и работы в тылу врага.

После первой встречи генерал в своем отчете написал: «Рабцевич производит впечатление исключительно сильного и волевого человека». Сейчас он еще раз убедился в правильности своего первоначального впечатления.

Когда подберете людей, доложите, — после небольшой паузы сказал генерал. — А сейчас я попрошу вас познакомиться вот с этим материалом. — Он протянул Рабцевичу тоненькую папку — личное дело Карла Карловича Линке.

Линке родился в 1900 году в бывшей Австро-Венгрии в небольшом городке Герсдорфе. Подростком поступил на фабрику — сначала был чернорабочим, затем стал ткачом. В пятнадцать лет его приняли в австрийский Союз социалистической рабочей молодежи, в семнадцать — в члены Независимой социалистической партии Германии. Где бы Линке не был — в Германии или Чехословакии, он всегда оказывался в первых рядах стачечного движения. Его увольняли с одного места, он устраивался на другое. Но найти работу становилось все тяжелее. Потом его и вовсе перестали принимать... А у него уже была семья — жена, сын. Когда

жить стало совсем неведомо, он с разрешения ЦК КП Чехословакии выехал с семьей в Советский Союз. В Москве Линке стал работать ткачом на трикотажной фабрике, позже его назначили начальником цеха. Спустя некоторое время его перевели в Исполнительный Комитет Коминтерна. Работал он и в Главном управлении текстильной промышленности. Когда грянула война, Линке занимал должность заведующего павильоном Торговой палаты. Вместе с девятнадцатилетним сыном Гейнцом Линке воевал под Москвой и 7 ноября 1941 года участвовал в торжественном параде на Красной площади.

Ознакомившись с личным делом, Рабцевич вернул его генералу.

— Есть предложение, — сказал генерал, — назначить Карла Карловича Линке вашим заместителем по политической части... Линке — антифашист, он имеет огромный опыт партийной работы, что для выполнения задания очень важно. И наконец, он отлично знает психологию фашистов, а вам придется вести работу у них в тылу. — Генерал счел необходимым добавить: — Я думаю, вам будет полезно встретиться с Линке, поговорить с ним. Потом мы окончательно решим, как быть. — Он нажал на кнопку звонка. В дверях появился офицер.

Карл Карлович пришел?

Он в приемной.

— Попросите, пожалуйста, его ко мне...

В кабинет вошел стройный мужчина среднего роста, с приветливыми голубыми глазами. Генерал поднялся ему навстречу.

— Извините, товарищ Линке, если заставил ждать. Я хочу познакомить вас с человеком, имеющим большой опыт борьбы в тылу врага. — Он обернулся к Рабцевичу...

1 июля 1942 года с московского аэродрома поднялся транспортный самолет и взял курс на Белоруссию. Группа специального назначения насчитывала четырнадцать человек.

Местом первой стоянки группы выбрали дремучий лес под Кировском, в трех километрах от шоссе на дорогу Могилев — Осиповичи...

Командир группы Александр Маркович Рабцевич, или, как его теперь звали, «Игорь», отлично знал эти места. Родился он в деревне Буда Лозовая, что на Могилевщине, детство и юность провел недалеко от Бобруйска, жил и батрачил

в Качеричах. В гражданскую войну воевал в этих местах в партизанском отряде, после коллективизации работал председателем колхоза. Отсюда в тридцать седьмом году добровольцем ушел в Испанию, сюда же возвратился в тридцать восьмом, раненый и с наградой. В сентябре тридцать девятого года, после воссоединения Западной Белоруссии с Советской Белоруссией, Рабцевич был направлен в Брест, он работал там заведующим отделом здравоохранения.

При перелёте через линию фронта самолет угодил в шквальный огонь зениток противника. Только миновали его, как за самолетом увязался фашистский истребитель. Меняя курс, маневрируя, пилот ушел от преследования... И вот долгожданная команда: «Приготовиться!»

До скорой встречи, товарищи! — стараясь пересилить шум двигателей, крикнул Рабцевич и первым ступил в ночь...

Удар о землю, мягкую и вроде бы зыбкую, для него не был неожиданностью. Под ногами, как и предполагалось, болото. Освободившись от парашюта, он выждал некоторое время, посигналил фонариком. Вскоре около него собралась группа. Рабцевич хотел было объяснить, что следует делать дальше, но услышал перестук колес — очевидно, недалеко шел железнодорожный состав. Насторожился — в месте приземления так близко железной дороги быть не должно.

Светало, но над болотом лежал густой туман, ничего не было видно. Рабцевич повел группу в сторону от невидимой железной дороги. И в это время где-то совсем рядом послышалось позвякивание металла, бульканье воды — было похоже, что кто-то достает из колодца воду... Жилья тоже не должно быть в месте приземления.

Вскоре выяснилось, что их выбросили не под Кировском на Могилевщине, а в Орловской области. И находились они сейчас у железнодорожной станции Злынка.

Надо было срочно связаться с Центром, объяснить ситуацию, но во время приземления от удара была повреждена рация, и группа оказалась без связи.

Рабцевич принял решение пробираться к месту назначения...

Два месяца продолжалось продвижение группы к намеченной цели. А путь был тяжелый: бесконечные болотные топи, форсирование рек Ипути, Беседи, Сожа, Днепра, Березины... Шли ночами, избегая столкновений с фашистами...

Первая встреча с партизанами произошла в деревне Стол-

пище, недалеко от места обусловленной стоянки. Это оказался отряд имени Сергея Мироновича Кирова, комиссаром которого был земляк и друг Рабцевича — Герасим Леонтьевич Комар. Рабцевич знал его еще с гражданской войны. И только тогда Москва услышала, что группа, которую было зачислили в «без вести пропавшую», нашлась, что все бойцы живы, здоровы и готовы к выполнению заданий.

Как-то сидели за ужином. Вдруг в горницу вошли и остановились у порога человек десять — старики, женщины, дети.

— Мы, Герасим Леонтьевич,— обратился к Комару белобородый старик,— прослышали, что комиссаром у десантников будто бы немец... Так мы до него... глянуть хотим...

Линке растерялся. Не зная, как себя вести, поднялся из-за стола.

Старик подступил к нему и, сузив выцветшие, почти белые глаза, оглядел его всего от красноармейской фуражки до хромовых сапог.

Гэта как же? — вздрагивающей рукой он потрогал грудь Линке, перекрестился.

Вот народ,— усмехнулся Комар,— глазам не верят — дай пощупать... Да что ж он, из другого теста, что ли? Такие ж, як у нас, голова, руки, ноги...

Гэта так,— старик вздохнул,— и все же немец... Чудно — немец идзе против немцев...

Линке повеселел.

Я, папаша, не против немцев иду, я против фашистов... Вспомните, как у вас в гражданскую было: не русский против русского шел или белорус против белоруса, а рабочие и крестьяне шли против помещиков и буржуазии... И теперь вместе будем бить фашистов.

Герасим Комар, уже имевший опыт партизанской войны, усилил группу Рабцевича бойцами из местных жителей.

— Это шоб цябе легче было воевать,— передавая Рабцевичу своих партизан, сказал он.— Хлопцы добрые, они мигом цябе помогут связь с местным населением наладить, Антеем станешь...

Посоветовавшись с командирами партизанских отрядов, с Комаром, Рабцевич решил остановиться не под Кировском, как было намечено в Москве, а под Жлобином. Места там были глухие, болотистые и в то же время рядом с перекрестком железных дорог. Центр дал согласие.

Недалеко от станции Красный Берег в густом девственном лесу отыскивали полянку посуше, на ней вырыли землянку

для штаба, соорудили шалаши для бойцов. Сделали, и сразу на душе у всех стало как-то теплей, вроде бы до родного дома добрались. Однако здесь им пришлось пробыть недолго. Спустя два месяца фашисты блокировали этот район. Рабцевич, не вступая в бой с карателями, увел отряд в деревню Рожанов, что приютилась в междуречьи Орессы и Птичь. Но это было потом, а сейчас Рабцевич считал нужным организационно оформить отряд, так как помимо людей Комара он принял несколько человек из местных жителей, бывших военнопленных и трех бойцов разбитой карателями роты Калиниченко.

После принятия присяги Рабцевич объявил о том, что в отряде создаются две разведывательно-диверсионные группы и штаб. Первую группу возглавит Михаил Пикунов. Он должен будет уйти под Бобруйск и там начать действовать. Командиром второй группы назначался Григорий Игнатов, которого все знали как Аркадия. Местом базирования его группы были определены окрестности города Жлобина.

При штабе остались Рабцевич, Линке и часть бойцов из местных. Змушко, как начальнику разведки отряда, вменялось в обязанность обследовать окрестности и наладить связь с местным населением.

— На первых порах, — оглядев полянку, продолжал Рабцевич, — группам необходимо освоиться на местах, взять под наблюдение железные и шоссейные дороги, чтобы бесконтрольно по ним не прошел ни один вражеский состав, не проехала ни одна машина, особенно в сторону фронта. В стычки с фашистами пока не вступать...

Среди бойцов слышался недовольный шепоток. Рабцевич замолчал. Его тяжелый взгляд остановился на командире первой группы.

Пикунов поднялся, вытянулся.

— Мы тут, товарищ командир, говорим, что нам сейчас надо бы не только связь с местным населением налаживать, за дорогами наблюдать, но и громить поганых фашистов...

— Садись, — резко сказал Рабцевич. — То, что я сказал, — приказ... — И, выждав паузу, добавил: — Чтобы умело бить врага, надо его хорошо изучить... Вот осмотритесь, тогда и начнем бить, и так, чтобы каждый фашист ни на минуту не забывал, на чьей земле находится...

Спустя некоторое время, когда группы обстоятельно разобрались в обстановке, Рабцевич разрешил им приступить к боевым действиям...

Первым успеха добился Игнатов. Его группа подорвала

состав с живой силой — 800 солдат и офицеров противника было уничтожено.

По этому поводу местная фашистская газета обвинила партизан в том, что они, мол, ведут войну не по правилам, что подорвали якобы... санитарный поезд.

Как это тебе нравится, Карл? — спросил Рабцевич. — Выходит, они в сторону фронта гнали состав с ранеными...

Линке усмехнулся. Вместе они тут же написали ответ от имени отряда «Храбрецы» и через Змушко направили его в редакцию местной газеты с требованием опубликовать... Естественно, ответ в газете не появился. Да, собственно, его никто и не ждал.

Был поздний осенний вечер. На небольшой полянке среди шалашей группами сидели бойцы — сушились, рассказывали байки, смеялись...

В штабной землянке, между тем, при свете коптилки совещались Рабцевич, Линке и Змушко. Змушко, только что возвратившийся на базу, доложил о положении со связниками, сообщил о посещении своих родных мест, о привлечении им земляков к сотрудничеству с отрядом. Родом Змушко был из деревни Рудня Горбовичская, что под Калинковичами.

Говорил Змушко неторопливо, уверенно. За каждым словом чувствовался смелый человек, отлично знающий свое дело. Да и как могло быть иначе, ведь за его плечами был большой опыт чекистской работы. В органы он пришел двадцати четырех лет. А спустя три года, в тридцать третьем году, его послали на один из ответственных участков советско-польской границы... После воссоединения Западной Белоруссии с Советской Белоруссией заведовал районным отделом НКВД. В начале войны возглавил межрайонный отдел, руководил истребительным отрядом по обезвреживанию фашистских лазутчиков. Затем работал в Семипалатинске. На счету Змушко не одно дело по раскрытию вражеской агентуры...

Спасибо, Альберт, за информацию, — сказал Рабцевич, когда начальник разведки закончил свое сообщение. — Все развивается так, как мы того хотели... — Он достал из планшетки крупномасштабную карту, расстелил на столе. — Теперь давайте прикинем, что нам следует делать дальше... — Его пожелтевший от табака палец заскользил по зелено-коричневому листу карты. — Вот зона действия нашего отряда — Осиповичи, Бобруйск, Жлобин, Калинковичи... В каж-

дом из этих городов — крупный железнодорожный узел. Вот куда теперь должно быть нацелено наше внимание... Для начала давайте остановимся на Осиповичах: парк там большой, и наше присутствие просто необходимо... Ясно? Альберт, еще раз прошу тебя, предупреди командиров групп, всех, кто работает со связными: действовать как можно осторожней. Избави бог, чтобы на кого-либо из патриотов пало хоть какое-нибудь подозрение фашистов...

Конспирация в работе со связными была больным местом: еще с гражданской войны Рабцевич помнил, что бывает, когда оккупантам становится известно о связи местных жителей с партизанами.

Зимой восемнадцатого года белопольский генерал Довбер Мусницкий поднял мятеж и его корпус легионеров, созданный еще Временным правительством, занял Могилевскую губернию. Последовали грабежи мирного населения... Рабцевич вместе с Кириллом Орловским и Константином Русановым создали партизанский отряд для борьбы с белополяками. Бойцом отряда был принят и брат Александра Марковича — Михаил.

Оккупантам стало известно о том, что в партизанском отряде воюют два брата Рабцевичей. Белополяки схватили отца и бросили в бобруйскую тюрьму. Они требовали выдачи сыновей. Марк Евстафьевич мужественно перенес жестокие пытки. Но после тюремных застенков так и не поднялся...

С полянки слышалась песня. Рабцевич вышел из-за стола, открыл тяжелую бревенчатую дверь. В землянку потянуло дымком.

— Картошку пёкут! — радостно потирая руки, воскликнул Линке. — Сейчас ужинать будем...

Бойцы у костров зашевелились.

— Товарищи, к нам идите...

Командиров заботливо усадили на постеленный возле костра лапник. Появилась дымящаяся картошка, ломти хлеба...

А почему петь перестали? — спросил Рабцевич. — Он поискал глазами Храпова. — Запевай, Сергей, мы поможем... Только вот с угощением разделаемся.

Храпов тихо запел. Голос у него был сочный, чистый. Пел он без напряжения, как может петь одаренный человек. Вся полянка разом притихла, и только слышно было, как изредка потрескивали костры...

Как поет!..

— Партизанский соловей!..

Рано утром Змушко в сопровождении двух бойцов ушел в группу Пикунова. Проникнуть в Осиповичи оказалось делом нелегким. Город был сильно укреплен фашистами. Все подступы к нему закрыты. Змушко, Пикунов и его заместитель Шевчук решили хитростью преодолеть фашистский заслон. Сначала установили связь с Константином Яковлевичем Берсеневым — учителем деревни Корытное, что находилась в двадцати четырех километрах от города, он — со своими знакомыми, проживающими ближе к Осиповичам, и потом уже в самом городе... Несколько дней искали, как бы подойти к электромонтеру железнодорожной станции Федору Андреевичу Крыловичу.

Первый разговор с Крыловичем, как, впрочем, и вся последующая работа с ним, человеком энергичным и горячим, был не из легких. Узнав, кто с ним говорит, Крылович тут же попросился в отряд. Да, вообще-то, все, с кем говорили, сразу же просились в отряд.

Крыловичу было двадцать шесть лет. Еще в начале войны он попытался уйти на фронт, но на железнодорожников распространялась бронь и его не взяли... Потом пришли фашисты. Они принудили его вернуться на электростанцию. Тогда Крылович сколотил подпольную группу. Комсомольцы раздобыли радиоприемник, стали слушать Москву, писали и распространяли листовки, выводили из строя оборудование. Однако Крылович мечтал громить фашистов с оружием в руках.

Змушко пришлось проявить все свое красноречие, чтобы доказать Крыловичу, что гораздо больше пользы он принесет отряду, оставаясь работать на электростанции...

С тех пор Центр стал получать регулярно сообщения о движении фашистских составов через Осиповичи.

Впоследствии связь с Крыловичем предложили осуществлять Шевчуку. Непростым делом оказалось работать с ним. Горячий по натуре, Крылович при каждой встрече требовал одно — взрывчатку. Пойти на это ни Шевчук, ни Рабцевич не могли. В отряде не было магнитных мин со взрывателями замедленного действия, а дать связному обычное минное устройство, которое использовалось бойцами отряда при подрыве железнодорожных составов, было опасно, так как трудно было незаметно и быстро произвести закладку да и взорвать его...

На последнюю встречу Крылович пришел особенно возбужденный.

— Ну как со взрывчаткой? — едва увидел Шевчука, спро-

сил он, в голосе его звучало нескрываемое раздражение.

Вместо ответа Шевчук протянул кисет.

— Вы не уклоняйтесь, а скажите прямо... — отстранив руку, сказал Крылович. — Зачем меня тогда на каждой встрече убеждаете, что я чекист. А я хочу фашистов уничтожать, война ведь идет...

Шевчук задумался.

Да ты, горячая голова, не кипятись. — И, пообещав принести мины в следующий раз, вынул газету «Правда».

То, что случилось в следующий момент, превзошло все ожидания. Крылович не взял — схватил газету. На лице появилась радость, почти восторг. Он торопливо развернул ее, пробежал глазами по первой полосе, перелистал. Не выпуская газеты, нашарил в кармане сигареты, жадно закурил, улыбнулся.

— «Правда»! — Он засмеялся, глянул на число, почесал затылок. — Да она совсем свежая! Вот это здорово! — И с упреком уставился на Шевчука: — Да что ж вы сразу-то мне ее не показали, разве так можно?..

Шевчук хотел ответить, но Крылович уже на него не смотрел, он разглядывал первую полосу.

— Портрет Сталина, — он вновь засмеялся, — как живой!.. А вот Указ о присвоении звания Героя Советского Союза... — стал читать. — А вы мне дадите эту газету? — тихо, будто боясь, что ему откажут, спросил Крылович. — Я ее покажу товарищам.

Ну почему же не дам, — засмеялся Шевчук. — Я для вас принес... — Он достал еще несколько газет. — Здесь за целую неделю...

Вскоре Москва прислала магнитные мины. Несколько штук тут же передали Крыловичу. И наступило для него время полное тревог и ожиданий. Без мин Крыловичу было тяжело — составы шли и шли на фронт, он их видел и ничего не мог сделать. Но с минами стало еще тяжелее.

Станция почти всегда была забита составами. Но Крылович помнил приказ Рабцевича: мины ставить только на транзитные поезда. Летели дни, а с транзитными получалась прямо игра — стоило Крыловичу уйти с путей, как там появлялся очередной состав... Сразу же вернуться он не мог — это вызвало бы подозрение. Дождаться на путях нового состава было еще опаснее. И тогда Крылович решил приучить фашистов к своему частому присутствию на путях. Он умыш-

ленно стал портить электропроводку, оборудование — там провод поставит другого сечения, там заменит исправный прибор на неисправный, «посадит» мотор... А фашистскому начальству постоянно говорил, что электрооборудование в парке поставлено еще в незапамятные времена и, чтобы его постоянно не латать, пора было заменить на новое...

И вот наступило 29 июля 1943 года. День был на редкость беспокойный. Составов через Осиповичи прошло много. Крылович издергался, а поставить мину все не представлялся случай. Тогда перед уходом домой он оголил провод выходного светофора. Давно собирался дождь, и Крылович подумал, что, если он вдруг разразится, светофор непременно закоротит...

Пришел домой, поработался по хозяйству и не заметил, как сморил сон. Проснулся от настойчивого стука в дверь. Домашние всполошились. Это был охранник... Станционное начальство требовало Крыловича к себе: вышел из строя светофор, а дежурный электрик внезапно заболел.

Крылович побежал за инструментом, а вернувшись в диспетчерскую, охранника уже не застал — его угнали с новым поручением. Дежурный по станции старый немец что-то проговорил на своем языке и затем, выругавшись по-русски, послал Крыловича на пути одного.

— Полицай будет прийти, — сказал он вдогонку.

Крылович заглянул в тайник, прихватил мины.

Над станцией стояла темень, крепко пахло мокрым шлаком, кругом ни души. Где-то впереди слышалось тяжелое посапывание паровоза. Из глубины выбился слабый луч прожектора. Блеснули рельсы. Состав крался в темноту.

Крылович шагнул с путей. Уже замелькали черные силуэты цистерн. «Вот оно — то, что нужно!» — Он достал из-за пазухи мину, выдернул чеку. «Все! Механизм должен сработать через три часа, поезд к тому времени уйдет далеко...»

Крылович протянул руку в сторону поезда и разжал пальцы. Мина скользнула с руки... «Вот и все!» Он смотрел, как темнота поглощала состав. И вдруг тот, звякнув буферами, остановился. Было похоже, что состав останется в депо на ночь. Крылович уже хотел бежать к вагонам, чтобы отыскать злосчастную мину, как услышал властное: «Хальт!» Перед ним выросли два солдата, в руках автоматы.

«Неужели видели?» — застучало в висках.

Солдаты встали с разных сторон. Крыловичу сделалось жарко. «Будут обыскивать?..»

— Документы!

Крылович улыбнулся, показал пропуск, объяснил, куда и зачем идет.

Луч карманного фонаря ослепил его, потом задержался на пропуске.

— Хорошо, — наконец сказал солдат, — можете следовать дальше, но не по путям...

Со светофором, чтобы не навлечь подозрение, решил повозиться. Не торопясь, заизолировал провод, переменял лампу и только тогда пошел обратно.

Где-то впереди, словно светлячок, шарил в темноте тусклый зайчик переносного фонаря, слышались постукивания молоточков обходчиков вагонов, позвякивание металла.

«Готовят к отправлению...» Крылович пошел на свет. Перед ним оказался прежний состав с горячим. Он достал вторую мину, для верности поставил на последнюю платформу...

Без приключений дошел до станции, доложил начальству о том, что было со светофором. Думал, что отпустят домой, но дежурный немец, подслеповато щурясь, посмотрел на часы и усмехнулся.

— Спешить дома не сто-о-ит, скоро работа приходи-ит... И приказал в соседней с диспетчерской комнате заменить электропроводку.

Пришлось подчиниться...

С путей послышался знакомый голос локомотива. Раскрыл окно. «Так и есть!» Маневровый локомотив затаскивал в тупик злосчастный состав. Сомнений не было — он останется в депо. Не зная что делать, вернулся к проводке. Все валилось из рук. Опять глянул в темноту на пути. Не заметил, как в комнату вошел, словно прокрался, диспетчер — неприятный желчный старик.

— Ты, парень, чего у окна вертишься, почему не работаешь? подозрительно косясь на Крыловича, спросил он.

Вопрос заставил насторожиться: мало ли что на уме у фашистского прихвостня!..

Вновь взялся за работу. Но попробуй успокой себя, когда вот-вот грохнет! Крылович стал соединять провода и обнаружил, что забыл принести изоляционную ленту. Пошел за ней.

На станции было темно и тихо. Смолк маневровый, растолкав по путям заночевавшие составы. Парило, как перед

грозой. И тут где-то в ночи, там, где чернели стальные цилиндры, раздался хлопок — вроде бы ударили надутым бумажным пакетом. И сразу неярко вспыхнуло пламя — словно кровь, просочившись, потекла сквозь черную ткань ночи.

«Что-то теперь будет?..» В невидимой вышине черного неба Крылович уловил слабое шмелиное жужжание... «Самолет?! Вот он, спаситель!..»

Русские самолеты! — закричал он и побежал по платформе. И по станции, опережая его, понеслось эхо: «Русские самолеты! Русские самолеты!..»

Завыла сирена, вспыхнули прожекторы, осветив длинные плети составов, паутину железнодорожных путей...

Диспетчер, бледный и потный, стоял у раскрытого окна и охрипшим голосом кричал в телефонную трубку:

— Над Осиповичами русские самолеты, горит состав с горючим!

Увидев Крыловича, он зажал микрофон трубки рукой и сквозь зубы процедил:

Где тебя черти носят?.. Беги на пути, посмотри, что к чему, и сюда... начальство требует...

Станция уже была оцеплена. На путях поднялась паника. Русская речь перемешалась с немецкой... Все кричали. У горящей цистерны суеились немецкие солдаты, полицейские из железнодорожной охраны, рабочие аварийной бригады. Они пытались вытащить горящую цистерну из состава... Отцепили, но сдвинуть с места так и не смогли. Помчались искать маневровый. Нашли. Но он долго не мог попасть на нужный путь... Сквозь людской гвалт пробился истощенный крик:

До стрелки чеши, раззява, и сюды, того гляди жакнуть!

Из разорванного брюха цистерны выливалось пламя, гудело, текло...

Наконец, локомотив приблизился к горящей цистерне, стал ее оттаскивать, и в этот момент она взорвалась. Стало светло, как днем. Огонь разметало на сотни метров... Потом взорвалась вторая цистерна, третья, четвертая... Пламя перекинулось на составы с танками, авиабомбами... И уже горело все — составы, земля, небо... Все куда-то бежали, кричали... И вдруг земля словно приподнялась. Огромный взрыв потряс город. Над станцией взметнулся гигантский огненный смерч. Дождем посыпались бочки с горючим, ящики с продовольствием, колеса от железнодорожных ваго-

нов, гусеницы танков и самоходок... Бочки, падая, взрывались.

Не успели опомниться от первого взрыва, как раздался второй... И все началось сначала.

Напрасно Крылович беспокоился, что диспетчер донесет на него. Когда уже днем вдосталь насытившийся пожар угомонился и взрывы прекратились, все увидели, что от станционного здания остались только стены.

Десять часов висело пламя над городом, и десять часов земля зябко вздрагивала от взрывов...

В радиোগрамме в Центр Рабцевич сообщил:

«...В результате пожара сгорело 4 эшелона, в том числе 5 паровозов, 67 вагонов снарядов и авиабомб, 5 танков типа «тигр», 3 танка Л-10, 10 бронемашин, 28 цистерн с бензином и авиамаслом, 12 вагонов продовольствия, угольный склад, станционные сооружения. Погибло около 50 фашистских солдат».

Когда стали взрываться вагоны со снарядами и авиабомбами, разбежалась не только железнодорожная охрана, но и охрана фашистского концентрационного лагеря, находившегося в ста пятидесяти метрах от железной дороги, и узники оказались на свободе...

Через два дня Крыловичу удалось заминировать еще один состав с горючим, который взорвался в пути.

Фашисты рассвирепели, начались массовые аресты среди рабочих железнодорожного депо...

Крыловичу предложили покинуть город, но он боялся за родных. И тогда ему разрешили уйти с семьей в соседний партизанский отряд.

Отряд Рабцевича продолжал расти. Вскоре возникла возможность создать новую разведывательно-диверсионную группу и направить ее под Калинковичи. Встал вопрос о выборе командира. Нужен был испытанный и проверенный на деле человек. Рабцевич остановился на Синкевиче.

Прежде чем назначить Синкевича командиром, Рабцевич решил посоветоваться с Линке. Разговор начал неторопливо, издали.

— Давай, Карл, разберемся, как у нас на сегодняшний день обстоят дела со связниками.

Линке, готовившийся выступить перед населением на митинге, оторвался от бумаг.

— А получается у нас не то, что хотелось бы,— про

должал Рабцевич. — Возьмем Осиповичи — Бобруйск, там действует целая группа, со связниками все налажено. Прикрыт и Жлобин — там надежно действует группа Игнатова. Остались Калининвичи и Мозырь. Вот там неувязка — работает один Змушко. А ведь он еще и руководитель разведки отряда. Надо успеть вовремя побывать и под Бобруйском, и под Жлобином, проверить, как там обстоят дела, помочь... Вот и выходит — нужна новая группа. Люди у нас есть, дело за командиром...

Линке молча вздохнул, собрал в аккуратную стопку листочки, задумчиво наклонил голову пабок.

Ты, наверное, ждешь от меня кандидатуру? улыбнулся он. — А ведь ты правильно решил.

Ты что имеешь в виду? — насторожился Рабцевич.

Твое решение назначить командиром Синкевича...

На усталом лице Рабцевича обозначилось что-то похожее на растерянность.

— Откуда знаешь, что я решил?

Линке покачал головой:

Ну если бы я не знал, о чем думают мои бойцы и тем более командир, как это говорится в русской пословице — грош цена была бы мне как комиссару.

Рабцевич рассмеялся:

Ну и хитер!.. — А про себя подумал: «Честное слово, приятно работать с человеком, который так тебя понимает...

Спустя несколько дней Синкевич с новой группой отправился под Калининвичи. Надежды Рабцевича оправдались — командир группы оказался не только смелым, решительным человеком, но и способным руководителем. За короткое время Синкевич хорошо освоился со своими обязанностями, совершил не один удачный выход на железную дорогу Калининвичи — Птичь, установил надежную связь с работниками железнодорожного депо, лесозавода и мясокомбината в городе Калининвичи. А установив связь, тут же приступил к организации диверсий на этих предприятиях. Для поддержания надежной связи с патриотами Калининвичей он привлек Домну Ефремовну Скачкову — жительницу деревни Антоновка, мать четверых детей. Доставленными Скачковой минами Николай Дворянчиков взорвал токарно-механический цех железнодорожного депо станции Калининвичи, уничтожив все электрооборудование цеха и тридцать станков, а Екатерина Матвеева и Екатерина Белякова — колбасный цех с его механическими мясорубками и запасами сырья...

Осенью сорок третьего года возникла возможность

взорвать пилюраму калинковичского лесокмбината, выпускающую для фашистов железнодорожные шпалы. Доставить мины рабочему комбината Антону Клещеву Синкевич поручил Скачковой. Не легко досталась ей эта поездка. Спрятав мины в мешке с зерном, Домна Ефремовна выехала из деревни. Миновала поле, лес, выехала к железнодорожному переезду, за которым начиналась городская окраина с одноэтажными домишками, утопающими в густых садах. У шлагбаума увидела фашиста роста и веса такого, что даже жутко стало; другой фашист выглядывал из будки. Оба смеялись. Здоровый нехотя поднял руку, приказывая остановиться.

— Аусвайс!

Она отвернулась, покопалась за пазухой, протянула документ.

— А эта что? — фашист указал на мешок.

Домне будто снегу кто на спину бросил.

— Да рожь везу на мельницу.

Здоровяк не торопясь просмотрел аусвайс, нежно похлопал мешок, словно пороссячью тушу, потом ткнул его кулачищем, сказал «гут» и, махнув рукой, мол, «проезжай», пошел к будке.

Еще некоторое время Домна слышала заразительный смех немцев и постепенно приходила в себя. «Кажется, пронесло!..» Когда она совсем успокоилась, перед ней, словно из-под земли, выросли два полица. Один — молодой, высокий и узкоплечий в уголке рта длинная травинка, другой — постарше, средних лет, надутый, как верблюд, собравшийся плюнуть. В руках у полицаев новенькие карабины.

— Документы, — не вынимая травинки изо рта, сказал молодой.

— Какие тебе такие документы? — возмутилась Домна. — Эвон на переезде только что проверили.

— Документы, — настойчиво повторил молодой.

Пожилой безучастно смотрел на Домну.

Домна натянула было поводья, прикрикнула на лошадь.

Молодой, зло выплюнув травинку, схватился за оглоблю.

— Я кому говорю!..

Пришлось опять лезть за пазуху...

— Куда и зачем едешь? — вертя в руках аусвайс, спросил молодой.

Домна показала на мешок, сказала, что едет на мельницу.

— А почему в Калинковичи?

Этот вопрос не понравился Домне, тем более что он заставил насторожиться пожилого полицая.

Да где же мне еще молоть?!

Ты мне зубы не заговаривай, а отвечай конкретно! Не скажешь, поедем в управу.

Да ближе нет мельницы, нету, понимаешь ты белорусский язык?!

Полицай будто бы и не слышал ее.

— А может, ты везешь не зерно? — Он примкнул к карабину штык, замахнулся на мешок.

Но проколоть его Домна не позволила. Разъяренной тигрицей она бросилась на полицая.

Ты что, ирод поганый, детей моих без хлеба оставить хочешь или просишь, чтобы я глаза тебе повыцарапала? — Она толкнула его с такой силой, что он чуть было не свалился.

А ты че? — сказал он, и его удивленный взгляд упал на расстегнувшуюся кофту Домны. — Ты че? — повторил он, пытаясь ее обнять.

Домна, не раздумывая, влепила ему пощечину.

— Молод еще лезть... — она поспешно застегнула кофту.

Пожилой полицай, искоса наблюдавший эту сцену, вдруг заржал.

— Ну и баба, ну и молодец, ну как есть моя Нюрка. — Он отстранил молодого, подошел к Домне. — И чья же ты такая будешь? — Он оглядел ее с ног до головы...

Все еще тяжело дыша, Домна, как могла, улыбнулась.

— Скачкова я, Домна Ефремовна, из Антоновки...

Полицай взял у молодого пропуск, для приличия мельком глянул в него и отдал Домне.

А вообще-то мы проводить тебя можем, а если после мельницы часть муки на горилку променяем, и вовсе породнимся.

Полицай уселся на подводу. Молодой потянулся за вожжами. Домна замахнулась на него концами.

— Уйди, сосунок!

Пожилой едва успел схватить ее за руку.

— Уймись, баба, дай мальцу порезвиться.

Делать было нечего, пришлось подчиниться, а душа так и зашлась, пресвятую мать даже вспомнила. «Что же теперь будет? Высыпит мельник в бункер зерно... и всем станет ясно...» В ее глазах свет стал меркнуть, будто фитиль в лампе кто подвернул. Вспомнила детишек, пожалела, что

старуху мать не отвела с ними в лес. «Если меня схватят нагрянут в деревню, дом спалят, а ребятишек...»

Пожилой полицай ей что-то говорил. Слова у него были как пуховые подушки — мягкие, ласковые, но значения их Домна не понимала. «Крошки, мои крошки!..» Искоса глянула на полицая. Пожилой увлеченно и тихо, будто нашептывая ей на ухо, продолжал говорить. Молодой, внимательно слушая его, хитровато улыбался. «А оружие держат, не вырвешь...»

Когда подкатили к мельнице, от ее ворот отъехала телега, груженная белыми, словно напудренными, пузатыми мешками.

Домна была еле жива от страха.

Вместе с полицаями вошла в здание мельницы. В просторном помещении гудела паровая машина, через прорези ее чугунной дверки виднелось бушующее пламя.

«Так что же делать?»

Пожилой полицай громко спросил:

Здесь живые есть? — И его глухой голос, словно булькающая вода, ударился о запыленные стены и застрял в лохматой паутине углов.

Из боковой двери вышел средних лет мужчина. Вытирая мокрые руки о подол белой от муки рубахи и облизывая солевые губы, он недовольно спросил:

— Чего надо?

Домна вздрогнула от его неприятного голоса. Мельник показался очень похожим на того проходимца, который в прошлом году продал ей на рынке кожаные сапоги на картонных подметках. На второй день она угодила под дождь и домой пришла в одних голенищах. «Вот совпадение, — удивилась она, — даже глаза такие же маленькие, как у сурка». И тут ее осенило: Домна подошла к мельнику и схватила его за грудки, да так, что рубаха под ее цепкими пальцами, давно привыкшими к мужской работе, затрещала.

— Вот ты где мне попался, харя твоя поганая... — Она трясла его, что было в ней сил.

— Да-а что ты, бешеная, что ли? — забормотал мельник, тщетно пытаясь высвободиться.

Этого только и надо было Домне.

Вот паразит, — взъелась она пуще прежнего, — он меня еще и бешеной обзывает, гад ползучий... Да ты знаешь, кого ты, змея поскудная, обокрал?.. — У нее на глазах проступили слезы. Она сделала вид, что готова его искушать, исцарапать, уничтожить...

Полиции еле оторвали ее от насмерть перепуганного мельника, стали уговаривать. Домна не унималась. Она неистовствовала: вырывалась, кричала, плевалась в сторону мельника.

— Да вы знаете, он моих детей обворовал!..

Мельник вытаращил глаза.

— Мужики, да ей-богу она бешеная... гоните ее... а то и впрямь покусает!

— Да что ты?! — Пожилой полицай недоверчиво покосился на Домну, потом сгреб ее в охапку, ногой отворил дверь и вышвырнул во двор...

А как же с помолком? — Домна забарабанила в закрывшуюся дверь, заплакала.

На стук вышел пожилой полицай. Глаза — что у хищника, лапищи, сжатые в кулаки, хрустят.

— Сгинь, нечистая сила, и чтоб духу твоего здесь не было!

Домна испуганно попятилась от него, задом коснулась телеги, села, нащупала вожжи, дернула...

Больше в этот день у Домны приключений не было. Знакомой дорогой она доехала до Клещева, передала мину и со спокойной душой поехала к своим детишкам.

Спустя несколько дней в дневнике Рабцевича появилась запись:

«25 августа 1943 года на станции Калинковичи связными Клещевым и Беликовым взорван локомобиль и пилорама. Завод выведен из строя...»

Описывая результаты диверсий, Рабцевич не рассказывал в дневнике о том, как проходила их подготовка, и тем более о связниках. Об этом он информировал Центр. Между тем среди связных были люди не только разных возрастов, но и разных судеб.

Нелегкая жизнь выпала на долю Надежды Владимировны Пешко. В тридцатые годы она учительствовала в деревне Заболотье. Была счастлива, как может быть счастлива женщина, имеющая интересную работу, дочь, любимого мужа. И вдруг все это разом рухнуло. Погиб муж. Для Пешко мир со всеми его радостями и горестями будто перестал существовать. Она словно потеряла ощущение жизни, потеряла ее смысл. Потянулись невыносимые в своем жестоком однообразии безрадостные дни. Она работала, училась дочь, потом вместе стали работать, но все это было как бы вне ее созна-

ния — по инерции... В Европе разразилась война. Пешко не восприняла ее. Не почувствовала войну и тогда, когда она стремительно покатила по родной Белоруссии... Трудно сказать, до каких бы пор продолжался ее ужасный сон, если бы однажды она не стала свидетельницей жестокого убийства фашистами соседа по дому. На глазах у нее повесили старого больного человека. И только за то, что он был коммунистом и не пришел на регистрацию в управу. Эта смерть потрясла ее. Чужое горе отодвинуло, затмило свое. Женщина поняла, что Родине нужна ее помощь. Она укрыла у себя спасавшихся от преследования беженцев из Минска. Дом Пешко был вне подозрений, ее дочь Ревмира работала посудомойкой в столовой, где питались гитлеровские солдаты батальонов «Днепр» и «Березина».

Спасая людей от неминуемой расправы, Пешко воспрянула духом. Стала искать связи с партизанами. В этом ей помог случай. Как-то она поехала за продуктами в деревню Святое. Там жил старый друг ее семьи Иван Демиденко. Он-то и свел ее с Борисом Таранчуком, заместителем Игнатова по политической части...

Для отряда Пешко оказалась находкой. Солдаты батальонов «Днепр» и «Березина» несли охранную службу на важных фашистских объектах, участвовали в карательных экспедициях против партизан. Отряд давно искал подходы к ним, но все попытки не приносили успеха. И вот появился человек, который имеет возможность проникнуть в батальон...

На первый раз Таранчук попросил Пешко попытаться добыть данные на старших офицеров фашистских подразделений и, если удастся, их адреса.

Через несколько дней Таранчук зашел к Рабцевичу. Надо было посоветоваться, наметить план работы с Пешко.

Рабцевич с сигаркой в руке медленно ходил по хате. Он о чем-то говорил с сидевшим над картой Линке.

Почувствовав, что пришел не ко времени, Таранчук хотел было повернуть обратно. Рабцевич остановил.

— Входи, входи, Борис.

— Да я потом...

— На войне «потом» лишнее слово... Ты лучше садись, — он выдвинул табуретку, — и рассказывай, какие у тебя новости.

Таранчук стал рассказывать о Пешко, о ее жизни, о задании, которое ей дано.

— А, собственно, что тебя тревожит? — выслушав замполита, спросил Рабцевич.

Не знаю, как вести себя с этой женщиной — судьба у нее уж больно трудная. Боюсь, как бы не обидеть.

Рабцевич задумчиво затаился.

Самое главное, Борис, не бойся ей доверять... — Он достал из планшетки тетрадку в черном коленкоровом переплете, вырвал листок, торопливо стал что-то писать.

Это было обращение к фашистским солдатам. В нем Рабцевич, рассказав об успехах Красной Армии на фронтах, о неминуемом поражении фашистской Германии, призывал солдат переходить на сторону партизан...

— Отдашь это обращение Надежде Владимировне и попросишь, чтобы она передала его в один из батальонов. Только обязательно скажи, чтобы не торопилась с выбором человека — она должна быть уверена в его надежности...

С тех пор в доме Пешко солдаты стали частыми гостями. Мать и дочь, исполняя роль гостеприимных хозяек, постепенно, исподволь приступили к агитации... Уже через некоторое время Пешко удалось организовать группу из десяти человек и переправить ее в лес... Окрыленные успехом, мать и дочь приступили к подбору новой группы. Вскоре им удалось привлечь на свою сторону еще двенадцать человек. И тут случилось непредвиденное: фашистам удалось напасть на их след. Ревмира почувствовала — вот-вот ее схватят. Она решила бежать. Сославшись на плохое самочувствие, отпросилась у шеф-повара, предупредила мать и ушла в деревню Святое.

В этот день вечером гитлеровцы арестовали Пешко. Сначала от нее допытывались, куда исчезла дочь, она говорила, что не знает. Тогда ее бросили в концлагерь. Выждав момент, когда узников погнали на работу, Пешко сбежала.

Дочери в деревне Святое не застала: Ревмира ушла в группу Игнатова, оттуда с заданием была направлена в Жлобин. Надежда Владимировна тоже решила не задерживаться у Демиденко, но Таранчук попросил ее остаться в деревне.

— Пока поможете нам наладить контакт с другими связными, — сказал он, — а потом, если позволят условия, вернемся к работе в батальонах...

Спустя месяц Рабцевич передал в Центр о том, что группа солдат батальона «Днепр» с оружием перешла в один из местных партизанских отрядов...

Стоял вяжущий и холодный конец февраля сорок третьего года. Рабцевич только что возвратился в Рожанов после

встречи со связником. Ужасно устал и промерз, да бессонная ночь сказывалась.

Хозяйка заботливо накрыла на стол. Он принялся было за еду, но есть не мог. Вчера Рабцевич проводил Линке к Ваупшасову. Командир соседнего чекистского отряда пообещал выделить Рабцевичу опытного радиста, в котором он нуждался.

Необычно быстро собрался комиссар. Рабцевич удивился его проворству. А потом понял — комиссар надеялся встретиться со своим сыном, воевавшим в составе чекистской группы «Местные».

Линке пошел быстро, за ним едва поспевали сопровождающие бойцы.

— От меня привет Гейнцу, — крикнул вдогонку Рабцевич.

Линке обернулся. Во все лицо — радостная улыбка. И у Рабцевича под лопаткой что-то судорожно дернулось и неприятно заныло. Вспомнилась семья — дети, жена. Вроде бы и беспокоиться нет причин — живут в Куйбышеве, далеко от фронта, — а душа будто бы не на своем месте. «Да что это со мной? — досадливо подумал Рабцевич. — Не годится так...» Достал тетрадку, принялся составлять сообщение в Центр по сведениям, полученным от связника...

На улице заскулил хозяйский пес. Рабцевич накинул на плечи полушубок, вышел на крыльцо. Во дворе командир группы Пикунов гладил ласкавшегося пса. За калиткой стояли заснеженные, мокрые бойцы... Невольно пересчитал. «Двадцать. Все». И сразу вздохнул легко, свободно.

Приход групп на базу всегда был праздником: партизанам он сулил короткий отдых — жизнь в тепле с домашними харчами; для Рабцевича же не было большей радости, чем видеть бойцов живыми...

Пикунов доложил, что за прошедший месяц его группе удалось совершить две удачные диверсии на железной дороге, установить связь с медицинской сестрой бобруйского фашистского госпиталя Анастасией Игнатьевной Михневич, выйти на связь с официантками столовой фашистского аэродрома в Бобруйске Клавой и Ниной. И, самое главное, через них добыть сведения о количестве самолетов, базирующихся на аэродроме, ремонтных мастерских, об обслуживающем персонале...

Через два дня Пикунов с группой вновь ушел на свою базу.

Поход Линке несколько затянулся. Уже пришел радист Глушков с рацией и дружеским письмом от Ваупшасова, а Линке все не было. Рабцевич беспокоился...

Линке возвратился в начале марта. Оказалось, он по пути заглянул к Пикунову. Там провел с бойцами и населением окрестных деревень несколько бесед о положении на фронтах и даже сходил с группой на диверсию. Потом встретился с Федором Михайловичем Языковичем, который прибыл в Полесье в качестве уполномоченного ЦК КП(б) Белоруссии для дальнейшей организации партизанского движения и подполья в области. А это значило, что теперь отряду «Храбрецы» необходимо поддерживать связь не только с Минским обкомом, но и непосредственно с Языковичем, который вскоре после прибытия создал штаб партизанского соединения Полесья. Для Рабцевича эта встреча была весьма важной. Несмотря на то что в оперативном отношении отряд подчинялся только НКВД СССР, а потом НКВД БССР, многие вопросы, связанные с координацией действий разведывательно-диверсионных групп, и, главным образом, вопросы партийной жизни, агитационно-массовой работы среди населения, он решал по согласованию с подпольными партийными органами. С ними решались различные хозяйственные вопросы: размещение отряда, групп, обеспечение их продовольствием... Подпольные партийные органы постоянно информировали отряд о пленумах ЦК КП(б) Белоруссии, совещаниях руководителей партизанских соединений и отрядов, проходивших в Москве.

Языкович обещал Линке в ближайшее время побывать в деревне Рожанов... Сделать это он не успел. 7 апреля 1943 года во время проведения одной из дерзких диверсионных операций на перегоне железной дороги Брест — Гомель Языкович трагически погиб. Созданный им подпольный обком Полесья, утвержденный в апреле 1943 года ЦК КП(б) Белоруссии, продолжал действовать...

Закончив свой рассказ, комиссар решил закурить. Он достал аккуратно разрезанную на дольки газету.

Рабцевич пододвинул ему свой кисет.

— Э, нет,— Линке улыбнулся.— После твоего табака мое горло на ленточки рвется.

Засмеялись.

Рабцевич смотрел на Линке и по его глазам чувствовал, что комиссар намеревается еще что-то сказать, но, очевидно, не знает, с чего начать, поэтому спросил:

Ты все сказал?

Да нет, Игорь, не все... Пикунов женится...

Что? Как женится?

А как женятся? Конечно, со свадьбой!

А ты что?

— А что? Война ведь свадеб не отменяет...— Однако видя, что известие ошеломило командира, добавил:— Вообще-то я попросил, чтобы он немного времени со свадьбой, ну до возвращения на базу. Я говорил — всем отрядом справим свадьбу...

Рабцевич решил в ближайшие же дни побывать на базе у Пикунова, проверить, как у него обстоят дела, и заодно поговорить по душам. Но Пикунов сам пожаловал в Рожанов — в группе кончились боеприпасы... Поговорить с ним сразу Рабцевич не успел, а через день Пикунов ушел... Рабцевич сам провожал бойцов, выстроившихся на улице перед штабом отряда. На прощание он сказал несколько напутственных слов и подошел к Пикунову.

Что ж, Миша, желаю тебе удачи.— Рабцевичу вдруг захотелось обнять его, как сына. Но, увидев приближающегося комиссара, который каждому на прощание крепко жал руку и говорил что-то такое, от чего бойцы весело смеялись, отошел в сторону. Наконец прозвучала команда: «Направо, шагом арш!» Группы направились к реке Птичь... У Рабцевича заныло в груди: он будто чувствовал, что видит Пикунова в последний раз...

17 апреля 1943 года группа Пикунова возвращалась с очередной операции. Все устали, но были счастливы — удалось пустить под откос фашистский состав с военной техникой и снаряжением из двадцати четырех вагонов! Бойцы шутили, смеялись, сыпали анекдотами. В это время дозорные сообщили, что от деревни Сторонка ветер доносит запах дыма и вроде бы варева... Это было странно: вот уже полгода деревня пустовала. Крестьяне, спасаясь от карателей, ушли в лес, жили в землянках. Появление людей в Сторонке насторожило бойцов...

Разведка доложила, что в деревне местные крестьяне топят баню. Известие привело всех в восторг...

— Пожалуй, и нам не мешает погреться,— поддержал бойцов Пикунов. И, никуда не сворачивая, повел группу в баню, что стояла метрах в двухстах от околицы, прямо у перелеска — в случае чего, из нее всегда можно было уйти...

Бойцы напилили и накололи дров, натаскали воды. Санкович сбегал в деревню и добыл березовых веников. Дожда-

лись своей очереди, начали париться. Смех, добрые шутки заполнили баню.

Кваску бы сейчас! — бросил кто-то. И не успел смолкнуть голос, как на пороге в клубах пара, словно бог на облачке, в овчинном колушке и самодельной шапке появился дед Жаврид. В руке у него был большой деревянный ковш.

— Хлопцы, дак я вам кваску прыйнес.— И на лице у него появилась счастливая улыбка, отчего жиденская борода к пустому рту подтянулась.

Квас тут же плеснули в каменку. И в тот же миг вместе с взорвавшимся паром в нос ударил густой хлебный дух. Можно было подумать, что бойцы были не в бане, а в пекарне, где шло колдовство над заварными караваемми...

— Вот те квас, ай да квас!— Еще поддали.— Ну и банька! Ах да банька!..— Бойцы усердно хлестались вениками, обливались ледяной водой...

И тут из-за окна в баню пробился тоненький детский голос:

— Не... Немцы!— Мальчишка задохнулся от быстрого бега.

Враз оборвалось веселье, сделалось так тихо, что слышалось, как по половицам, гулко шлепаясь, стекала вода.

— Немцы,— прокричал ввалившийся в баню Шкарин...

В предбаннике сделалось тесно. Бойцы хватали вещи, прыгивали, втискивались в них, выбегали на улицу.

Подпоясывая телогрейку широким офицерским ремнем, Пикунов спросил у Шкарина:

— Где, говоришь, немцы?

Вместо бойца ему ответил вывернувшийся откуда-то из-под ног белесый малец.

— Да там они, дяденька,— захлебываясь, проговорил он и показал ручонкой на большак за деревню.— Дяденька, они приехали и на лошадях, и на машинах... Тикать вам надо!

Пикунов поправил серую с искусственным мехом шапку-ушанку, из-под которой вытекал тоненький ручеек, задумчиво выпятил губы.

— Командир,— сказал Шахно,— хлопец прав, уходить надо...

— Это мы всегда успеем,— ответил Пикунов,— надо сначала посмотреть, прикинуть, что к чему...— И тут же добавил:— За мной, товарищи!

Бойцы побежали к опушке леса. Недалеко от того места,

куда показал малец, залегли. До большака, на котором виднелись два грузовика и десяток подвод с фашистами, было не больше ста метров. На подножке головной машины стоял немецкий офицер. Он что-то кричал, очевидно, отдавал распоряжение.

— Командир, уходить надо, это не иначе, как каратели, — сказал Шахно.

Пикунов ответил не сразу:

Видишь, у солдат во второй машине шесты обмотаны материей, это, должно быть, плакаты, а в кабине, рядом с водителем, сидит кто-то в гражданском. Да это не иначе, как агитпоезд. А остановились они на околице — поотстал, наверное, кто-то.

Бойцы согласились с Пикуновым: давно знали, что такое агитпоезда и чем они опасны. Чуть ли не с первых дней войны фашисты создали специальные агитационные бригады, которые, разъезжая по белорусским деревням, рекламировали фашистский образ жизни, вели агитацию за выезд молодежи на работу в Германию, ратовали за своевременное обеспечение фашистской армии продовольствием и фуражом, призывали местное население к дружбе с оккупационными властями... Штатными ораторами таких бригад, как правило, были белоэмигранты или новоиспеченные изменники Родины. Опасаясь за жизнь предателей, фашистское командование обеспечивало бригады усиленной охраной.

На одном из последних совещаний актива отряда Рабцевич потребовал от командиров групп делать все, чтобы не давать возможности фашистам вести агитационную работу среди белорусского населения. И, если перед партизанами действительно был агитпоезд, а в этом сомнения уже ни у кого не оставалось, его надо было уничтожать. Ни Пикунов, ни бойцы не могли знать, что шесты в руках фашистов — это всего-навсего дорожные указатели, а гражданское лицо — переводчик, что это был не агитпоезд, а каратели и что такие же группы остановились и с другого конца Сторонки, за деревней Корытное. А не развертывались они в боевые порядки потому, что ждали сигнала начать карательные действия.

Пикунов весело подмигнул Шахно, дал команду рассредоточиться и ждать его сигнала... Рядом с Пикуновым с ручным пулеметом залег Козлов, с другой стороны пристроился Санкович, за ним другие бойцы.

Тем временем фашистский офицер спрыгнул с подножки грузовика, нетерпеливо зашагал взад-вперед, то и дело

посматривая на наручные часы. Пикунов взял его на мушку...

— Огонь!..

Ярко вспыхнул и загорелся головной грузовик, ткнулся лицом в дорогу офицер, послышались крики, стоны...

— Вот как надо произносить речи!— Пикунов засмеялся. Он рассчитывал, что среди фашистов сейчас поднимется паника, они драпанут и тогда он поведет людей в атаку... Однако фашистов не ошеломило внезапное нападение. Под градом пуль они отработанно соскакивали с машин, повозок и, заняв оборону, открывали огонь.

Пикунов понял, что ошибся, когда откуда-то из-за Сторонки с нарастающим воем стали прилетать и рваться около них мины. Надо было немедленно уходить. Лучшим вариантом отхода был стремительный бросок через большак и болото в буреломный лесной массив — пока каратели не развернулись в боевые порядки...

Он передал по цепочке, чтобы все пробирались на сухую грядку к шалашу... Бойцы побежали к большаку: лес с этого края почти вплотную подступал к дороге. Ведя огонь и тем самым отвлекая внимание на себя, Пикунов дал возможность удачно проскочить большак Шкарину, Козлову, Храпову... Сам он тоже уже было пробежал большак, оставалось лишь прыгнуть с насыпи... В это время что-то больно дернуло его за бок. Ощущение было такое, будто он с ходу зацепился за острый крюк. Земля вздрогнула, качнулась в одну сторону, в другую, и он на мгновение, всего на мгновение, соскользнул с нее...

Открыл глаза и удивился — небо в кровавых точках, в ушах звенит... До него донесся чей-то знакомый голос. Близко перед собой он увидел озадаченного Шкарина.

— Командир, да ты, никак, ранен?

— Бойцы как, успели?..— спросил Пикунов, с трудом шевеля губами.

— Да, командир.— Шкарин осторожно сволок Пикунова с большака и уже за насыпью взвалил его на плечи, подхватил два автомата и короткими шажками, широко расставляя ноги, тяжело побежал к кустам.

Боль вонзилась в обмякшее тело Пикунова.

— Подожди, друг,— умоляюще простонал он,— дай отдохнуть.

Боец сделал несколько шагов и бережно опустил его на землю. Потом глянул на свои руки и обмер — они были в крови, в крови оказалась и одежда.

— Тебя, командир, перевязать надо. — Он стал расстегивать свою телогрейку, но в это время на большаке послышался густой и гулкий топот множества сапог.

— Фашисты!

Шкарин дал короткую очередь из автомата, и из шеренги бегущих сразу вывалилось несколько фашистов. Забыв про боль, Пикунов рывком перевернулся на живот, схватил свой автомат, нажал на спусковой крючок, но выстрела не последовало — кончились патроны. Судорожно полез в под-сумок за другим магазином и нащупал полевую сумку. Страшная мысль помутила сознание. Он ранен, ему уже не уйти от карателей, а в сумке лежат донесения связных, документы... Пикунов с трудом снял с себя сумку, крикнул Шкарина:

— Бери сумку и беги к нашим, я прикрою. — Он достал новый магазин, вставил в автомат.

Шкарин продолжал лежать.

Командир, я не оставлю тебя!..

В глазах Пикунова опять появились кровавые точки. До его слуха ветер донес обрывки чужой речи. На уговоры бойца уже не было времени. Пикунов прицелился в ближнего фашиста, выстрелил, повернулся к Шкарину.

— Нельзя, чтобы документы попали к врагу! Понял?

Он больше не смотрел на товарища. Деловито положил перед собой пару лимонок, пистолет — все, что у него было... Его внимание теперь было приковано к большаку.

— Прощай, командир, — услышал он дрогнувший голос...

На следующий день, когда группа возвратилась к тому месту, где остался командир, там никого не оказалось. После ухода карателей местные жители подобрали Пикунова и перенесли в хату. У него было две раны: одна, рваная, в живот, другая в висок.

Похоронили Пикунова в лесу около деревни.

С наступлением погожих дней Линке заметил, что Рабцевич стал все чаще появляться в поле, за огородами. При-мостившись на слеге изгороди, он сворачивал сигарку и о чем-то сосредоточенно думал. Однажды Линке увидел, как Рабцевич нежно растер в ладонях землю, нюхал ее, зачем-то посмотрел на небо, на подернутые зеленой дымкой кусты.

— Игорь, — шутя сказал Линке, — уж не колдовством ли ты занимаешься?

Рабцевич тяжело вздохнул, искоса, будто не узнавая, посмотрел на него долгим внимательным взглядом.

— А знаешь, Карл, ведь я семь лет был председателем колхоза...— С досадой добавил:— Тяжело мне видеть землю-кормилицу жалкой, брошенной... Посмотри, на что она похожа.— Рабцевич широко развел руками.

И Линке словно впервые увидел поле, отдыхающее уже два года. От вынужденного безделья оно подурнело, запашило, сплошь покрылось сорняками.

— А что сделаешь...— Линке сочувственно вздохнул.— Вот прогоним фашистов, тогда и поля свои приберем, как полагается.

— Нет, Карл, не годится нам дожидаться этого времени. Да и положение обязывает...

Одной из трудных задач отряда было снабжение его продовольствием. Оружие, боеприпасы, газеты доставлялись с Большой земли, а продуктами отряд снабжало местное население. К сорок третьему году район действия отряда был поделен на две зоны — оккупационную, где стояли фашистские гарнизоны, и партизанскую, где господствовали партизаны... Партизанская зона была разделена между отрядами на так называемые участки питания. Партизанам были отведены две деревни — Рожанов и Бубновка. Но что могли дать две деревни, когда работников в них осталось — стар да мал.

— Помочь надо крестьянам, Карл,— после некоторого молчания сказал Рабцевич.— Помочь провести весеннюю посевную.

— Дело,— поддержал комиссар.

Вскоре состоялся партийно-комсомольский актив отряда.

Рабцевич говорил о весеннем севе, о крестьянских заботах. И вид у него был такой, будто он обсуждал план предстоящего боя, от которого зависела жизнь или смерть отряда.

— Так вот, товарищи,— продолжал он,— настало время, когда, как говорится в народе, день год кормит...

По рядам пошел шепоток.

— Это что ж, винтовку на плуг придется сменить?— сказал кто-то вроде бы с усмешкой.

Рабцевич не принял шутки.

— Мы должны помочь крестьянам вспахать и посеять,— твердо сказал он.— Они ведь нас кормят и поят... Ответственным за посевную на базе назначаю Процанова... В первую

очередь, помогите разделаться с посевной многодетным семьям,— закончил он.

Задымила кузница, закипела работа — ремонтировали, ладили плуги, бороны, готовились к посевной.

Процанов совсем потерял покой. И без того худой, мосластый, он еще больше осунулся, даже вроде бы вытянулся. Но когда Рабцевич, посоветовавшись со стариками, сказал ему: «Пора, Федор Федорович, начинать...» — он вывел на дальнее поле свое пахотное войско.

Было раннее утро. На высоком голубом небе от края и до края не было ни единого облачка. Из-за горизонта поднималось огромное солнце.

Перед началом работы Рабцевич решил выступить. Оглядел собравшихся. Впереди стояли дети, за ними их матери, старики, старухи, потом бойцы. Недалеко от людей покорно ждали запряженные в плуги лошади. Рабцевичу не было видно лиц в задних рядах, а он привык говорить, когда видел всех от первого до последнего человека. Он поискал вокруг что-нибудь такое, на что бы можно было подняться. Его взгляд перехватил Процанов. И тут же подогнал телегу, на которой привез семена. Рабцевич влез на нее...

Товарищи,— его глуховатый голос звучал торжественно,— сегодня у нас необычный день.— Посмотрел на лозунг, который Линке вместе с комсомольцем Сидоровым успели написать на куске красной материи и теперь натянули на двух больших шестах. Рабцевич прочел: «Товарищи, вспахать и засеять поле равносильно тому, чтобы пустить под откос фашистский состав!»

Едва Рабцевич закончил речь, как детвора закричала: «Ура!» Взрослые радостно зашумели, старушки потянулись к уголкам платков, чтобы смахнуть слезы.

Рабцевич не без удовольствия посмотрел на счастливого Линке. «Ох, комиссар, знает, как поднять дух у людей!»

Командиру дали возможность сделать первую борозду. Он прошел за плугом сотню, другую шагов и передал его хозяину. Пахота началась, и теперь он мог уходить. Полесский подпольный обком пригласил его на совещание командиров партизанских отрядов области, и ему предстояло не только подготовить выступление, но и отдохнуть перед ночным походом.

Тезисы выступления написал быстро. И хотя наперед знал, что все равно не воспользуется ими, потому что не любил говорить по бумажке, считая, что в таком случае нарушается

живое общение людей, убрал записи в карман — уважал порядок, текст или план выступления писал для того, чтобы систематизировать мысли, подумать над проблемами.

После обеда, закончив дела, решил немного поспать. Дорога ему предстояла дальняя, и без отдыха ее было не одолеть. Лег, закрыл глаза. И вдруг отчетливо увидел своего старшего сына — Виктора. Стоит мальчишка в телогрейке, лицо потное и измазанное, а кепка того гляди с головы съедет, чудом на затылке держится, в руках заводной ключ. Сын изо всех сил старается завести полуторку. А она стоит, как непокорная громада, и молчит.

Да ты свечку посмотри, сынок, — не выдержал Рабцевич и проснулся.

На прошлой неделе отряду сбросили почту. Среди свежих газет, журналов были и письма. Рабцевичу было сразу десять писем: пять от жены, три от дочери и два от Виктора. Жена писала, что им, наконец, дали его адрес. Дома было все в порядке. Дочь Люся и сын Светик, так звали в семье меньшого — Святослава, учатся, а Виктор устроился на работу. Он шофер и получает теперь рабочую карточку...

Рабцевичу захотелось курить. Он свернул сигарку, подошел к окну.

На ближнем поле, что начиналось сразу за огородами, увидел пашущего человека. «Это еще что за номер, почему не со всеми?..»

Человек шел от леса к огородам. Рабцевич признал в нем бойца, недавно пришедшего в отряд.

«Что ж он делает? Этак и себя и лошадь изведет...»

По мере приближения «пахаря» все отчетливее слышались его недобрые покрикивания на лошадь. Сам он чуть ли не лежал на плугу. Лошадь, широко расставляя дрожащие ноги, шла неуверенно, тяжело.

Рабцевич торопливо надел безрукавку, шагнул за порог. Не раздумывая, возьмет или не возьмет, перепрыгнул слегу изгороди и очутился прямо перед бойцом. Недовольно спросил:

— И много ты так намереваешься вспахать?

Боец рукавом гимнастерки устало вытер раскрасневшееся, мокрое лицо.

Товарищ командир, да разве много вспашешь на таком заморыше?..

Рабцевич грустно усмехнулся:

— Тебе хоть кто-нибудь показывал, как пахать-то надо?

— А зачем бойцу показывать, он и так все должен уметь делать, — браво ответил парень, и его скуластое лицо озарилось неуместной улыбкой.

Рабцевич решительно отодвинул его от плуга.

— Нет, дорогой, так бывает только у самонадеянных людей, а нормальному человеку, чтобы у него что-то получилось, надо показать... — Он взялся за рукоятки плуга, легонько встряхнул вожжи, сказал приветливо: — Ну, милая! — и пошел, оставляя после себя ровную борозду.

Боец сконфуженно почесал голову, побрел рядом, оправдываясь:

— Да я так, товарищ командир, я это говорил для храбрости...

— Ты вот лучше смотри да на ус наматывай, — одернул его Рабцевич. — Видишь, как я держу рукоятки? Их надо немного приподнимать, иначе лемех уйдет в самую глубину и будет не пахота, а слезы, да и лошади мука... Но и не слабо надо держать, а то только чертить по земле будешь... И помни, основная рука у пахаря левая — она регулирует ход плуга. — Рабцевич шел, слегка припадая на левую ногу, которая ступала то по непаханому краю, то соскакивала в борозду. От лошади крепко пахло потом. И он, вдыхая этот запах, невольно вспоминал, как когда-то учил своих хуторян работать на конной жатке...

В период коллективизации Рабцевичу поручили организовать колхоз в Качеричах. Беднота избрала его председателем... По теперешним временам хозяйство было крохотное — пяток хуторов да родная деревня, а забот... Ничего не было, толком не знал никто, что делать. А тут еще контра разная покою не давала. Все равно что на фронте, только не в окопах, да врага вроде бы не видно. Но без личного оружия ни на шаг... Кое-как засеяли поле. И вот хлеб поспевать стал. Предстояла уборка. И опять проблема — никто из колхозников на конной жатке работать не мог. Известное дело, хуторяне — народ, к технике не приспособленный. Всего и знали-то, что плуг да серп. Для Рабцевича конная жатка была не в диковинку. До шестнадцатого года батраком был. А помещичьи земли — не крестьянские наделы, серпом на них не управисься... И пришлось тогда ему учить крестьян работать на жатке.

Рабцевич прошел один круг, а это, если развернуть по прямой, чуть меньше километра будет, повернул на другой. Удивительно спокойно, без понуканий шла лошадь, видно, хватку пахаря почувствовала...

— Товарищ командир, я уже понял, что следует делать... — услышал он бойца.

Рабцевич остановил лошадь, разогнулся. И сразу по всему телу, наполненному блаженной истомой, пошел приятный хруст...

— Понял, говоришь? Это хорошо, сейчас посмотрим, — сказал он, уступая плуг. И как ни крепился, на непаханный край ступил, как из лодки. Что-то припоминая, он внимательно посмотрел на бойца. — Однако почему ты пахешь здесь, а не вместе со всеми? Мне помнится, утром ты был там...

— Был, — краснея, проговорил боец, — но старшина меня послал сюда, сказал, что только лебеда может расти после моей пахоты...

Вот как! — И, забыв про усталость, Рабцевич пошел за бойцом, поправляя и показывая, как надо работать.

Как-то еще весной сорок третьего года Рабцевич, просматривая газеты, полученные с Большой земли, обнаружил в «Правде» заявление английского правительства, переданное агентством Рейтер, о намерении Германии применить отравляющие вещества на русском фронте.

Известие озадачило Рабцевича. Если это действительно так, то фашисты должны подвозить отравляющие вещества к линии фронта. Вполне возможно, что специальные составы могут пройти по железным дорогам, контролируемым отрядом...

Вскоре из Центра была получена радиограмма. В ней сообщались приметы составов и автомашин, в которых фашисты могут перевозить отравляющие вещества. Помимо строжайшей секретности этих перевозок, усиленной охраны, которая обеспечивается средствами противохимической защиты, на железнодорожных вагонах, автомашинах могут быть специальные эмблемы.

Рабцевич тут же собрал командиров групп и их заместителей, зачитал им радиограмму из Центра и сообщение иностранного агентства. Обязав командиров усилить наблюдение на контролируемых дорогах, он приказал объяснить всем бойцам, связным, на что следует обращать внимание при наблюдении за дорогами, что делать и как себя вести в случае обнаружения подозрительных составов, автомашин...

Спустя некоторое время от связных городов Жлобина,

Калинковичей, Мозыря были получены сведения о том, что фашисты концентрируют там отравляющие вещества. Особого внимания заслуживало сообщение, полученное в начале июня от связного отряда Григория Науменко, с которым поддерживали тесную связь Игнатов и Таранчук.

Григорий Науменко работал электромонтером в аварийно-спасательной бригаде на станции Красный Берег. Это был восемнадцатилетний, невысокий, худощавый паренек. Выглядел подростком, однако его смелости, находчивости удивлялся даже отец, работавший с ним в одной бригаде.

Григорий рассказал о том, что на станции Красный Берег в железнодорожном тупике крахмального завода обнаружил подозрительный состав. Окна всех вагонов, за исключением того, в котором размещалась охрана, зашторены черным материалом. В начале и в конце состава на открытых платформах установлены крупнокалиберные зенитные пулеметы. Вся охрана вооружена автоматами, противогазами и близко к вагонам никого, даже немцев, не подпускает.

Григорий подсказал Игнатову, что лучшим местом для подрыва состава может быть перегон между станциями Красный Берег и Малевичи. На участке, кроме обходов, никакой охраны нет, единственная трудность — подход к дороге, поблизости нет ни жилья, ни леса...

Вот и здорово, — сказал Игнатов, — фашисты там уж наверняка нас не будут ждать.

Выбрав ночь потемней, он с группой, в которую входили Николай Росдик, Сергей Храпов, Алексей Плетежов, Иван Дашковский, Николай Брюшко и Федор Говор, отправился на диверсию. Удачно миновав реку Добысну, подошли к железной дороге. Кругом ни зги. Участок выбрали с насыпью покруче. Игнатов и Брюшко уже было взобрались на полотно, чтобы мину поставить, как со стороны станции Малевичи послышалось собачье поскуливание, шаги... Затаились. По шпалам кто-то шел. Бесшумно скатились с насыпи, отползли к своим. Шаги приближались. Изредка вспыхивал луч карманного фонаря, беспокойно шарил по шпалам. Это был обход — два автоматчика с собакой. Дойдя до того места, где только что были подрывники, собака беспокойно завертелась и, твякнув, потащила своего проводника к кустам.

«Учуяла...» Игнатов приготовил автомат к бою. Не хотелось применять оружие, но что поделаешь.

На насыпи вновь вспыхнул карманный фонарик, его луч пошарил в вязкой темноте, не достав до кустов, погас. Фашист

зло выругался, дернул собаку, отчего она жалобно заскулила, и пошел дальше. Когда их шаги затерялись в ночи, Игнатов с Брюшко вновь поднялись на полотно. Не успели они поставить и замаскировать мину, как от Красного Берега послышался перестук колес.

— Идет!

Сползли в кусты, немного отдышались и пошли прочь от железной дороги. До подхода поезда к закладке надо было отойти подальше, чтобы избежать столкновения с фашистами. Услышали взрыв, скрежет металла, увидели пламя, дымящиеся вагоны.

Григорию Науменко в эту ночь спать почти не пришлось. Едва сомкнул глаза, как за окном послышался шум остановившейся машины, затем стук в дверь.

Приехал начальник аварийно-спасательной бригады лейтенант Юган.

Григорий, собирайся, и побыстрее, — торопил он. Почему его вызывают, он догадывался. Последние сомнения развеялись при виде валяющегося состава. Место крушения уже было оцеплено, но подходить к вагонам фашисты не решались...

По приказу Югана Науменко тут же подключил телефон к линии. Потом прибывший на место происшествия жандармский офицер приказал ему пройти к железной дороге и осмотреть состав...

У Науменко мелькнула страшная догадка. Однако делать было нечего. С чувством тревоги пошел. Это оказался тот эшелон, который он видел в тупике крахмального завода. Возле разрушенных вагонов валялись какие-то баллоны — большие, голубого цвета и маленькие, коричневые, в некоторых местах трава была засыпана белым порошком. Из-под перевернутой платформы, на которой был установлен зенитный пулемет, из охранного вагона слышались стоны...

У Науменко стали слезиться глаза, поднялась тошнота. И он повернул обратно. По дороге сообразил, что надо бы собрать образцы порошка, но было уже поздно.

Жандармский офицер, выслушав Науменко, приказал ему надеть противогаз и попытаться спасти оставшихся в живых гитлеровцев.

Под обломками разрушенного вагона Науменко нашел прорезиненную сумку... Он торопился — уже светало, и с командного пункта могли заметить, что он занимается не тем, чем приказано. Когда сумка была набита, он вытащил из-под платформы тощего немца с детским лицом и поволок

его к командному пункту. У кустов остановился, чтобы спрятать сумку и передохнуть.

Наконец, к месту крушения прибыл специальный поезд с эсэсовцами и группой солдат в защитной форме.

Науменко, почувствовавшего себя плохо, отпустили домой. Едва он добрался до постели, как забылся крепким сном. Проснулся через сутки от страшной головной боли, однако нашел в себе силы подняться.

Гут, гут, молодчина,— обрадовался Юган, увидев его у себя в конторе.— Корош человек.— Он тут же выписал специальный пропуск и отправил его на осмотр участка телефонной проводки под Малевичи.

Место крушения Науменко не узнал: искореженных вагонов, паровоза, рассыпанных порошков, баллонов не было и в помине. Разрушенные рельсы и шпалы заменили новыми. И вдобавок ко всему вдоль железнодорожного полотна выросли дзоты.

Часовой скрупулезно проверил его документы, осмотрел тяжелую сумку с инструментами...

Повреждений на телефонной линии вроде не оказалось. Но в кустах оставалась сумка. И Науменко приступил к работе. Нацепив кошки, он стал лазать чуть ли не на каждый столб. Насвистывая задорную песенку, он менял изоляторы, которые еще долго могли служить, подтягивал провода... Он работал и все время думал о сумке. А когда наконец сверху увидел ее серенький краешек, даже голова закружилась. «Лежит, родимая, как и лежала...»

За два раза он перенес ее содержимое в безопасное место и там спрятал. Часовые его больше не проверяли: они видели, как он старательно работал, и думали, что в деревню тот ходил передохнуть и подкрепиться...

На стоянку к Игнатову Науменко пришел на следующий день. Игнатов тотчас составил справку о совершенной диверсии и вместе с добытыми трофеями отправил на базу в отряд. Нести трофеи было поручено Геннадию Девятову, Николаю Ежову и Аркадию Заруба. Бойцам предстояло пройти около двухсот километров.

За десять дней им удалось одолеть около ста пятидесяти километров, удачно миновать реки Олу, Березину, Ипу, Вишу. Шли, как правило, кружным путем по непроходимым болотам, лесным чащобам, далеко в стороне оставляя человеческое жилье. Наконец, выбрались в партизанскую зону. Теперь до базы рукой подать. Они торопились. В первой же свободной от фашистов деревне раздобыли лошадь и дальше

поехали, дав возможность отдохнуть и пообсохнуть десять дней непросыхавшим ногам. Ехали осторожно, ни на минуту не забывая о частых рейдах карателей в партизанскую зону. В попадающихся на пути деревнях выспрашивали надежных людей о том, что делается в соседних деревнях, убеждались, что кругом все спокойно — карателей нет и в помине, — и ехали дальше...

И вот на землю опустилась короткая летняя ночь. Решили не останавливаться, отдыхать по очереди. Ежов и Заруба удобно устроились на свежем сене... Девятов остался за возницу. Спокойно шла дремавшая лошадь. Где-то впереди вот-вот должна была объявиться деревня Первая Слободка. Там Девятов рассчитывал напоить и накормить лошадь и ехать дальше. Ну откуда могли знать жители соседней деревни, что этим вечером на станции Птичь остановился фашистский эшелон и каратели под прикрытием темноты заняли ряд деревень и среди них Первую Слободку...

— Хальт! — словно выстрел прозвучал в ночи голос.

Немцы, уходить надо... — Девятов с силой ударил вожжами лошадь, крикнул: — Но-о! — схватил вещмешок с поклажей и прыгнул на дорогу, за ним Ежов, Заруба. Лошадь, громыхая телегой, помчалась в деревню. И тут же послышалась автоматная очередь, за ней еще...

Бойцы побежали в сторону от вражеского огня. Пули, посвистывая, летели им вслед, обгоняли... Кругом ничего не было видно...

Девятов с налету ударился обо что-то жесткое, пружинистое. Послышался треск одежды. Перед ним был забор из колючей проволоки. Пошарил. Высокий. Девятов полез по прогибающейся шаткой проволоке. Его что-то ударило в спину. Он перевалился через забор, побежал. Ноги стали заплетаться. Упал. Нестерпимая боль пронзила все тело. «Неужели ранен?!» Вскочил, снова побежал, упал... «Мешок, да где же он?» Стал искать. Ему мешали высокие жесткие стебли... «Так это ж хлебное поле. Значит, недалеко должен быть лес...» Схватил мешок, побежал. Стрельба стала отставать, уходить в сторону. «Товарищи уводят...»

Уже утром около себя услышал чьи-то тихие шаги. Открыл глаза, попытался подняться и не смог...

Словно из тумана выплыли ржанные колосья, кусочек дрожащего синего неба и склонившееся над ними настороженное женское лицо.

— Кто ты? — спросил он.

— Мотя, — растерянно сказала женщина и опустилась

перед ним на колени. Это была Матрена Митрофановна Степук — жительница деревни Первая Слободка. — Жи-ив?! — Она осторожно расстегнула ему ворот гимнастерки, попробовала ее снять, но гимнастерка, мокрая от крови, присохла к телу. Попыталась разорвать... Девятов вскрикнул. — Потерпи, родимый, — ласково прошептала Мотя, — могут услышать... — Она завернула рубашку и ужаснулась: — Как же они тебя?! — Мотя сдернула с себя косынку, попыталась ею обвязать простреленную грудь, но она оказалась короткой... — Я сейчас... — Мотя, не разгибаясь, вошла в рожь, вскоре появилась с сорочкой в руках. Порвав ее на ленточки, принялась пеленать Девятова.

Со стороны деревни ветер принес звуки шагов, немецкую речь.

— Тебе здесь оставаться нельзя, — прошептала она, когда все стихло. Мотя подсунула руки ему под мышки, потащила...

Очнулся Девятов в кустах. Он лежал на одеяле, тут же был его автомат. Рядом с Мотей увидел двух женщин. Все скорбно и молча смотрели на него.

— Что, родной? — просветлев, спросила Мотя.

— Мешок, — высохшими до шуршания губами прошептал Девятов. — Где мой мешок?

— А его возле тебя не было, — растерянно сказала Мотя.

— Поищи, мне без него никак нельзя...

Женщины ушли. Девятов ждал. Прошел, наверное, час. Хотя в его положении, когда не было сил сносить страшную боль, и мгновение могло показаться вечностью. Со стороны деревни слышалась стрельба.

Поднялось над головой и медленно сползло в сторону солнце, а Моти все не было.

Она появилась, когда небо стало чернеть, густой тенью налились кусты... В руках у нее были его вещмешок и еще какой-то узелок.

— Вот, брат нашел в поле... — Мотя положила рядом с Девятовым вещмешок, присела, стала разворачивать узелок. — Тут тебе поесть и попить...

— Это по нему стреляли? — спросил Девятов. — К нашим бы уйти...

— Увернулся... — Мотя грустно улыбнулась.

На следующий день сквозь тревожную дремоту он уловил что-то похожее на скрип телеги. В его сторону кто-то ехал. Это оказалась Мотя с неизвестным мужчиной.

— Я сделала, как ты хотел, — сказала она. — Федос Рыбак отвезет тебя к своим...

Федос привез Девятова в урочище Печек, где его встретили товарищи по отряду...

Сопровождать в Москву трофеи Григория Науменко Рабцевич послал Николая Прокопьевича Бабаевского, который только что заменил Змушко, направленного в Полесское партизанское соединение.

Вслед за успехами группы Игнатова последовала целая серия удачных диверсий групп Синкевича и Бочерикова... И вообще, лето и осень сорок третьего года для отряда были временем больших побед...

Поздней осенью из Центра пришла радиограмма: в связи с приближением Красной Армии генерал приказывал отряду Рабцевича перебазироваться под Пинск.

Места эти Рабцевич хорошо знал еще с гражданской войны. Три с половиной года провел тогда он под Пинском и Барановичами. Подыскать новую базу для отряда Рабцевич поручил Линке и группе Игнатова. С ними отправил письмо своему давнему другу Василию Захаровичу Коржу, который командовал партизанским соединением на Пинщине, с просьбой помочь комиссару.

— Под Пинском будешь заходить в деревни, — сказал Рабцевич на прощание Линке, — передай привет старожилам от Виноградского — в гражданскую псевдоним у меня такой был. Как своего примут...

А едва комиссар ушел, из Москвы поступила радиограмма: в связи с наступлением Красной Армии отряд должен немедленно перебазироваться на новое место...

Дорога отряду выпала тяжелая. Обозные лошади вязли в глубоком снегу. Сани приходилось тащить на себе. Иногда встречались деревни, свободные от фашистов. Можно было бы отдохнуть, просушиться... Но почти всюду в таких деревнях свирепствовал тиф.

Наконец добрались до деревни Бунос. У большинства бойцов сопрела и развалилась обувь. Людям требовался отдых. Рабцевич знал, что где-то поблизости находится штаб Пинского партизанского соединения, он надеялся встретиться с Василием Захаровичем Коржем.

Синкевич, посланный в разведку с группой бойцов, без особого труда нашел штаб и проводил туда Рабцевича.

Корж жил в пятистенном бревенчатом доме, перенесенном

в лес партизанами из соседней деревни. Узнав о приезде Рабцевича, он вышел ему навстречу. Дружья обнялись, расцеловались.

Дружба между ними началась еще в гражданскую войну, когда Корж пришел в отряд Кирилла Прокофьевича Орловского...

Перед Великой Отечественной войной работали почти рядом: Корж — в Пинском обкоме партии, Рабцевич — в Бресте...

— Ох-хо-хо, какой важный стал! — войдя в хату, сказал Рабцевич. Он весело оглядел Коржа с ног до головы, вновь обнял, похлопал по спине. — А ты знаешь, Вася, тебе чертовски идет генеральская форма. — И засмеялся. Смех у него был легкий, заразительный.

Поездка Рабцевича оказалась весьма удачной. Кроме Коржа, он повидался с первым секретарем Пинского подпольного обкома партии Клещевым. Вместе они уточнили место базирования отряда, наметили запасные стоянки, скоординировали партийные и боевые действия. На душе у Рабцевича стало полегче. Самое главное: не в одиночку придется воевать и на новом месте.

Обрадовал Рабцевича и Линке. Он подобрал весьма удачный участок для базы отряда недалеко от деревни Липники. Это была небольшая возвышенность среди болотистых топей и под боком у железных дорог Пинск — Лунинец, Барановичи — Лунинец.

На новом месте все пришлось начинать сначала. Стали ставить рубленые временки, о землянках не могло быть и речи, очень уж близко стояла вода. Одну хату тут же отвели под санчасть — у шестерых бойцов был обнаружен тиф...

Вскоре из Москвы прилетел Бабаевский. Он привез с собой не только взрывчатку, мины, но и обмундирование для вконец оборвавшихся бойцов. Не забыл прихватить и почту.

Особый восторг вызвали письма. Рабцевичу опять было несколько. Получил и Линке, но на этот раз письма не вызвали у него радости. Рабцевич знал о горе комиссара. В то время, когда он был на Пинщине, из отряда «Местные», где сражался Гейнц, пришло известие о его гибели. Это произошло 22 января 1944 года...

Линке сидел над нераспечатанными письмами и молча смотрел в распахнутую настежь дверь. В его глазах стояли слезы.

В начале апреля отряду удалось выйти на связь с молодежной подпольной организацией «Запорожцы» из деревни Купятичи. Синкевич передал руководителю организации Федору Лисовцу магнитные мины, предложил взорвать авиационный склад на аэродроме под деревней Галево.

На собрании организации они решили, что на взрыв пойдут четверо и каждый возьмет по мине. В числе подрывников оказались: младший брат Федора Григорьевича Лисовца Александр, Иван Михайлович Пекун, Иван Платонович Пекун и Сергей Петрович Журбило, который работал на аэродроме и хорошо знал не только расположение склада, но и подходы к нему. Запорожцы трижды ходили к аэродрому, и все неудачно. Больше того, последний выход едва не кончился трагически.

К аэродрому подползли со стороны поля. В кустах затаились, выбирая удобный момент для броска на склад. Казалось, все продумано до деталей... На вышках через каждые десять минут вспыхивали прожектора. Их лучи старательно прощупывали забор, штабеля авиабомб, кусты, подступы к ним и гасли. До следующей вспышки времени было достаточно, чтобы проникнуть на аэродром, заложить мину и вернуться в кусты...

Кругом стояла тишина. Спала деревня, спали немецкие казармы, спокойно было и на вышках... Поползли. И надо же так случиться, что под кем-то треснул сухой куст. В тишине этот треск прозвучал выстрелом. На ближней вышке тут же вспыхнул прожектор... Положение ребят — хуже некуда: впереди склад, к которому теперь не подобрешься, чуть пошевелишься — мигом прошьют из пулемета, сзади — открытое поле на семь километров.

Запорожцы перевели дух только тогда, когда прожектор потух. Осторожно отползли и по полю вернулись к деревне...

На очередной встрече с Федором Лисовцом Синкевич сообщил, что фашисты скоро будут отмечать свой праздник и было бы очень хорошо, если бы запорожцы подорвали авиасклад именно в этот день...

Девятнадцатого апреля в деревне начались приготовления к празднику. Фашисты наводили порядок в домах, чистили, мыли, подкрашивали танки — в то время в Купятичах стояла эсэсовская танковая часть. Под вечер повсюду на улицах появились флаги со свастикой, слышалась музыка, песни...

Запорожцы надеялись, что на этот раз у них все пройдет

удачно: гитлеровцы начнут гулять с вечера, а напившись, не будут так бдительны. И каково же было их удивление, когда они увидели, что вдоль забора прохаживается солдат с автоматом. Часовые были и с другой стороны, и с третьей...

Александр Лисовец предложил Пекунам заползти на склад со стороны деревни Галево, сам он с Сергеем Журбило остался со стороны поля дожидаться, когда разойдутся часовые и погаснут прожектора, чтобы пробраться на аэродром. Потом, когда мины уже будут поставлены, все должны двигаться домой самостоятельно...

Сергей Журбило приподнял проволоку, хотел юркнуть под нее и почувствовал, что зацепился. Попробовал поднять проволоку повыше, не получилось. Колючка впилась в тело-грейку... Сергей клял свою нерасторопность, неуклюжесть. Он не знал, что фашисты прошлый раз, обнаружив следы, по низу всего забора натянули еще по паре струн колючей проволоки... Стараясь унять охвативший ужас, Сергей собрал все, какое осталось, благоразумие, напрягся и осторожно отодвинул от себя проволоку. Едва заполз за штабель, как вспыхнул прожектор с одной стороны, потом с другой. Их лучи пробежали над Сергеем, за ним... Он достал мину...

Запорожцы заложили на складе четыре мины, и все они взорвались почти разом, спустя десять часов, утром, когда фашистские солдаты щеголяли по деревне в парадных мундирах. У кромки леса, там, где был аэродром, небо рвалось в клочья, дыбилась земля. Было похоже, что из-под земли со страшным грохотом и огнем выбиваются какие-то дьявольские силы...

Две недели фашисты боялись входить на территорию аэродрома.

Гитлеровский праздник храбрецы отметили еще одним сюрпризом.

Неизвестно, кому на ум пришла эта идея. Только в отряде все сразу заразились ею. Сергею Сидорову через связных добыли краски, и он принялся за работу. Из молодых сосенок он сделал раму, натянул на нее простыню и стал рисовать Гитлера. Оригиналом для этого служила карикатура, взятая из газеты.

Сергей рисовал на поляне перед жилыми постройками, и поэтому вокруг него всегда было шумно, звенели шутки, прибаутки и даже частушки. За его работой пристально следили Рабцевич и Линке.

— А ничего получается зверюга, — сказал Рабцевич, когда на белом полотне стал вырисовываться портрет фюре-

ра. — Ты для большей выразительности челку ему сделай подлиннее, выдели зубы и зазубри их да глаза по-лягушачьи выкати...

Наконец, портрет был готов. Его решили выставить на обозрение фашистов. Выполнить это задание поручили группе Бочерикова, которая и отправилась в ночь на 20 апреля к деревне Люсино на шоссе Лунинец — Ганцевичи.

Еще до рассвета подобрали подходящее место — заброшенное поле. Портрет укрепили на больших шестах метрах в пятистах от шоссе. Дорога здесь как раз делала изгиб, и портрет хорошо был виден с одной и другой стороны. Пускай любуются... А чтобы плата за просмотр соответствовала военным ценам, вокруг портрета поставили несколько противопехотных мин, заминировали и сам портрет...

Первая машина появилась не скоро. Уже давно рассвело, полицаи выгнали свое стадо на молодую травку, поднялось и стало припекать жаркое весеннее солнце, а шоссе по-прежнему было пустынно. Кое-кто стал уже поговаривать, что место для демонстрации подобрали не совсем удачное, и тут со стороны Лунинца послышалось нарастающее тарахтение машины. Сразу смолкли разговоры...

Это был грузовик. Солдат гнал машину, словно старался из нее выжать все, на что она была способна. Машина, взлетая на многочисленных выбоинах, гремела пустым кузовом. Портрет солдат заметил. Он долго смотрел на него, даже скорость сбросил и потом оглядывался, пока не скрылся из виду.

Все надеялись, что солдат остановится, выйдет из кабины... Уже решили, что, если он вздумает направиться в сторону портрета, снять солдата, чтобы не портил обедню...

Бойцы зашумели:

— Стоило в такую даль да через болото тащиться?

— Ничего, товарищи, — успокоил Бочериков, — сейчас этот фашистик домчит до своих, расскажет, что по дороге повстречал, и тогда начнется потеха.

И действительно: не прошло и получаса, как со стороны Ганцевичей показалась легковушка, полная фашистов. Напротив портрета она остановилась. Фашисты некоторое время молча глядели на своего фюрера, потом на шоссе вылез солдат. Боязливо озираясь, он набрал в горсть камней с обочины и осторожно, словно гончая перед тем, как поднять птицу на крыло, пошел к портрету. Остальные замерли у раскрытых окон. Сделав несколько шагов, солдат остановился, кинул перед собой камень, как обычно бросают гальку

по воде, чтобы она, отскакивая, летела возможно дальше, вновь пошел...

Тем временем с одной и другой стороны шоссе показалось сразу несколько машин. На грузовике ехали солдаты, они браво пели песню... Не доезжая до легковушки, машина остановилась. Смолкла песня. Фашисты столпились на обочине шоссе, будто на смотровой площадке. Все глядели на сверкающий на солнце портрет. Потом несколько солдат во главе с офицером отделились от группы и, держа автоматы наизготовку, пошли вслед за первым солдатом, который, не дойдя метров тридцать до портрета, швырнул в него камень. Камень, угодив Гитлеру в зубы, выдрал клоч...

— Ну как же он так! — воскликнул Сидоров. — Я старался, а он...

Бойцы крепились, чтобы не рассмеяться.

— Ты уж погоди со своими шуточками, — одернул Сидорова Бочерилов, — дай до конца представление досмотреть...

С обочины дороги что-то закричали. Солдат в ответ огрызнулся и, швырнув оставшиеся камни в фюрера, повернул обратно. Автоматчики пропустили его и пошли дальше. Не успели они сделать и десяти шагов, как взорвалась первая мина. Они побежали назад и напоролись еще на пару мин...

С обочины опять закричали. Оставшиеся в живых фашисты остановились и стали из автоматов расстреливать портрет, очевидно, намереваясь сбить его с шестов, но не тут-то было, ведь не зря бойцы выбирали сосенки покрепче...

Больше часа стоял истерзанный в клочья портрет Гитлера. И не было ни одной машины, которая не задержалась бы на обочине. Фашисты стреляли в портрет, кидали камнями, палками, а он стоял...

Комедия продолжалась до тех пор, пока не приехали минеры и не сняли портрет.

Приближался праздник 1 Мая, а настроение у храбрецов было невеселое. Еще не опомнились от гибели комсорга группы Синкевича — Литвиненко, подорвавшегося во время минирования шоссе, как обрушилось новое горе — погиб любимец отряда Сергей Храпов, которого отличали умная храбрость, живой и веселый нрав. Он никогда не унывал. Бывало, люди измотаются на задании, измучаются, одно желание — лишь бы добраться до костра, до печи, закрыть глаза, а он вдруг затынет задорную песню или впрыгнет

в круг повалившихся от смертельной усталости бойцов, ударит ладонями о колени и начнет лихо отплясывать «Яблочко»... Откуда только силы брались? Все умел этот парень: петь, плясать, стихи читать и воевать...

Необычная выпала судьба на его долю. Родом он был из подмосковного города Луховцы. С детства мечтал стать артистом. До войны был призван в армию. Там сбылась его мечта. Сергея приняли солистом в ансамбль песни и пляски Белорусского военного округа...

21 июля 1941 года ансамбль давал концерт на заставе под Брестом. А утром началось фашистское нашествие. Сергей Храпов стал защитником Брестской крепости. Тяжелый, нечеловечески тяжелый бесконечный бой... С осени сорок второго года он стал бойцом отряда «Храбрецы». И вот теперь...

На базе, где собрался почти весь личный состав отряда на открытое комсомольское собрание, было непривычно тихо. На войне люди в какой-то мере привыкают к смерти, потому что идут с ней рядом и через нее. Смерть Сергея словно выбила всех из седла.

Все ждали членов партии, которые в штабной хатке проводили собрание. Наконец, открылась дверь, появился Линке. Он был как всегда подтянут, только лицо осунулось и резче обозначились морщины. За ним шли Рабцевич, Бабаевский, Побажеев и все остальные члены партии.

Василий Козлов открыл комсомольское собрание. Минутой молчания почтили память павших товарищей. Потом Козлов предоставил слово Линке.

Комиссар отряда заговорил о Первомая, рассказал о том, что его самого неоднократно арестовывали за участие в этом празднике. А в тридцать первом году он впервые прошел с демонстрацией по ликующей Красной площади... Он говорил о фашистской чуме, борьбе с которой посвятил всю свою жизнь, о задачах отряда, каждого бойца, командира.

— Мы с вами, — сказал он, — не должны позволить фашистам лишить нас возможности строить счастливую жизнь. — Его голос зазвенел металлом: — Клянемся, что не будет от нас пощады оккупантам, за смерть наших товарищей мы отомстим фашистам!

И все собрание в один голос ответило:

— Клянемся!

Прямо с собрания бойцы уходили на задание. Для усиления групп Линке пошел с Игнатовым, Бабаевский — с Синкевичем, Побажеев — с Бочериковым...

Действия партизан на какое-то время парализовали движение на железных и шоссейных дорогах.

В ответ фашисты провели серию карательных экспедиций. В поисках партизан они вторглись в Логишинские леса. Однако диверсионно-разведывательные группы, предупрежденные местным населением, вовремя вышли из опасной зоны...

Одновременно с карательными мерами фашисты в срочном порядке усилили охрану железных дорог. На железной дороге Пинск — Лунинец на протяжении всего пути на расстоянии пятисот — тысячи метров друг от друга ими были построены доты, оснащенные радио- и телефонной связью, мощными прожекторами, вооруженные пулеметами. В некоторых дотах разместили караулы. На расстоянии двухсот метров друг от друга на ночь выставляли посты. В дни интенсивного движения составов расстояние между постами сокращалось до ста метров. Помимо этих постов выставляли секреты, отдельные участки подходов к путям минировали. С обеих сторон от железной дороги метров на сто пятьдесят — двести был вырублен лес. Часовые при малейшем подозрительном движении или шорохе, доносившемся из леса, открывали огонь из автоматов. Тут же на проческу местности высылали наряды солдат. Если фашистам почему-то не хватало своих сил, на помощь прибывал бронепоезд. Огнем пушек, минометов, пулеметов он уничтожал все живое. После его ухода от деревень, которые попали под обстрел, оставалась груда пепла да изрешеченные траурно-черные печи, от леса — высокие расщепленные пни. Кроме того бронепоезд раз в сутки, в двенадцать часов ночи, проходил весь участок дороги от Пинска до Лунинца и уже самостоятельно, где считал нужным, наводил «порядок». Фашисты в своей газете хвастливо объявили о неприступности железной дороги на этом перегоне.

Рабцевич решил подорвать бронепоезд. Выполнить задание поручили группе бойцов под руководством Синкевича.

Восемь раз выходила группа к железной дороге в междуречье Ясельды и Бобрик и восемь раз возвращалась ни с чем. Был обследован каждый клочок земли. Незаметно появиться на железнодорожном полотне и тем более заложить мину оказалось невозможно. Операция усложнялась еще и тем, что в километре от железной дороги и параллельно ей пролегалo шоссе Пинск — Лунинец, которое патрулировали мотоциклисты. В случае тревоги на железной дороге

шоссе тут же перекрывали. Это, естественно, могло помешать отходу группы. И тогда Синкевичу пришла идея атаковать бронепоезд...

Между станциями Ясельда и Парахонск Синкевич обнаружил едва заметную канаву, тянущуюся из леса в сторону насыпи. Ползущего по ней человека даже в четырех-пяти метрах не было видно. Синкевич хотел было по ней выбраться на пути, но она метрах в пяти от насыпи внезапно обрывалась, и дальше надо было пробираться уже по бугру. Скрытно подползти к насыпи она помочь не могла, однако при подготовке атаки на бронепоезд могла пригодиться. Место это оказалось удобным еще и потому, что расстояние от насыпи железной дороги до кромки леса здесь было наименьшим...

Четырнадцатого мая на подрыв бронепоезда вместе с Синкевичем вышли Иван Касьянов, Михаил Чмут, Павел Кожич, связные Николай и Федор Косяк.

Через шоссейную дорогу перебрались засветло. Проверили, не обнаружил ли кто их переход, и только тогда углубились в лес. Засветло подошли и к железной дороге. На опушке леса у канавы залегли.

В половине десятого из дальнего дота вышли солдаты. Часть их пошла в сторону станции Ясельда, часть — к станции Парахонск. Солдаты шли медленно, тщательно осматривали рельсы, насыпь, по пути выставляли посты. Один солдат встал метрах в ста от канавы справа, другой — слева на таком же расстоянии. Остальные пошли дальше. Часовые осмотрелись, пошли навстречу, не дойдя метров пятидесяти друг до друга, остановились, о чем-то громко и весело переговаривали и разошлись.

Стемнело сразу. Периодически, то с одной стороны, то с другой, стали вспыхивать прожектора, в небе то и дело зависали ракеты. Иногда их над дорогой висело сразу по нескольку штук. Холодный свет ракет ровно заливал округу.

Синкевич, подождав, пока потухнет прожектор и сгорит очередная ракета, пополз из леса. За ним Касьянов, Чмут. Оставшиеся в охране взяли на прицел часовых.

Ползти по узкой канаве налегке не трудно, но с двадцатикилограммовым зарядом тола, запрятанным в мешок, — проблема...

В воздухе зависла новая ракета. Бойцы втиснулись в землю. Каждому казалось, что ракета висит именно над ним. Потом опять вспыхнул прожектор, его луч пробежал

над головами, перекинулся на полотно, стал хлестать по лесу справа, слева и потух. Часовые разошлись. Бойцы вновь поползли. И вдруг в руках Синкевича задергался шнур, который он тянул за собой: это из охранения подали сигнал «Внимание!».

Синкевич увидел, что со стороны дальнего дота по путям движется несколько человек.

«Час от часу не легче! Если гитлеровцы решили выставить дополнительные посты, часового поставят и у канавы. Что делать? Тогда даже не развернешься, чтобы отойти...» Синкевич решил не ждать, пока погаснет ракета, осторожно двинулся дальше, за ним — товарищи.

Немцы приближались. Их было трое. Один шел со стороны канавы. Все отчетливее слышался хруст гравия под подошвами их сапог.

Обидно. До насыпи осталось совсем немного, и бронепоезд вот-вот появится...

Что-то заставило фашистов остановиться. Синкевич при свете ракеты заметил, как один из них показал рукой в сторону канавы.

— Кажется, хана, братцы. Не хотелось ввязываться в бой, да, видно, придется...

От группы отделился солдат и, держа автомат наизготовку, пошел к канаве. Остановился буквально в пяти шагах от места, где притаились разведчики. Его надтреснутый голос, казалось, прозвучал над самой головой. С насыпи ему что-то ответили, и фашисты... ушли.

Из тягостного оцепенения Синкевича вывел протяжный и властный паровозный гудок. Это извещал о своем появлении бронепоезд. И вот вдалеке блестящая игла его прожектора проколола лес и затем, вытянувшись над полотном, высветила перед собой рельсы, шпалы. Теперь нельзя было терять ни секунды. Синкевич дал знак товарищам: вперед!

Разведчики достигли бугра, у которого кончалась канава. Синкевич подтянул мешок с взрывчаткой, готовясь к решающему броску.

Бронепоезд шел на большой скорости. Тяжелый стук его колес нарастал. Столбами замерли часовые, они словно приготовились приветствовать его...

Пора! Разведчики метнулись к насыпи.

Луч прожектора бронепоезда резал темноту, не задевая бойцов, они оставались вне поля видимости, как и рассчитали. Секунда, две... и бойцы на полотне. Их наверняка заметят часовые, однако предпринять что-либо уже не успеют. Поза-

ботиться об этом — задача тех, кто оставлен для прикрытия группы.

Бронепоезд, похожий на одноглазое чудовище, сопя, надвигался на разведчиков. Синкевич выдернул из взрывателя чеку и бросил мешок на рельсы...

Завизжали, завыли тормоза, но было поздно...

Спасаясь от взрыва, разведчики прыгнули в канаву.

Взрывная волна ураганным ветром прокатилась над смельчаками, лишь опалив их своим горячим дыханием.

На месте взрыва стало светло. Горел перевернутый паровоз, бронированные вагоны; с обеих сторон железнодорожного полотна безумно метались лучи прожекторов... Но ни Синкевич, ни его боевые товарищи уже не обращали на это внимания. Задание выполнено. И теперь им важно было, как можно быстрее добежать до леса и успеть до появления карателей преодолеть шоссе...

Вслед за взрывом бронепоезда последовали диверсии на других железнодорожных перегонах. Успехи отряда взбесили фашистов. Стремясь покончить с партизанами, они бросили в лес один за другим несколько карательных отрядов. Но безрезультатно: не вступая в открытый бой, разведывательно-диверсионные группы и местные партизаны уходили в безопасные места... Тогда фашисты предприняли попытку уничтожить базу отряда. В карательной экспедиции применили танки, артиллерию. Однако и это не принесло им успеха. Рабцевич, умело маневрируя силами, увел карателей от своей стоянки...

12 июля 1944 года на станции Малковичи отряд «Храбрецы» встретился с передовыми частями советских войск...

После парада в Минске многие бойцы и командиры отряда были направлены на фронт, другие — на работу в органы госбезопасности. Получили новое назначение командир и комиссар. Линке вызвали в Москву, Рабцевич оставался в распоряжении минского НКВД.

Рабцевичу дали сутки для отдыха. Он вернулся в дом, где остановился и решил отдохнуть. Последние сутки были хлопотными: он прощался с бойцами и командирами отряда, писал отчет, встречался с руководством НКВД...

«Хорошо бы сегодня не было поезда и Карл не уехал бы», — было последнее, о чем Рабцевич подумал, засыпая.

Он закрыл глаза, и побежали, полетели картины прошлого.

Приснилась ему шоссейная дорога. Она запружена народом, повозками, машинами. Все спешат. Лица испуганные, сосредоточенные. В этой толпе пробирается он с сыном Виктором. Кругом несмолкаемый грохот: бьют орудия, строчат пулеметы...

— Воздух! — истошно кричит кто-то.

Поднимается паника. Машины, люди сворачивают с шоссе.

Рабцевич с сыном падают в траву. С воем проносятся над землей самолеты, сверкая в утренних лучах солнца. Они почти касаются шоссе. На них большие черные кресты. Пулеметные очереди вспахивают землю. Слышатся стоны, крики, проклятия. Рабцевич поднимает голову и видит вдали Брест. Город в разрывах снарядов...

Рабцевич ввинчивает запал, но перед ним уже не мина, а граната. Идет бой. Кайзеровцы наступают. Их так много, что уже не может справиться перегревшийся пулемет. Рабцевич кидает гранату, еще, еще... Бой обрывается. Командир 6-го гренадерского полка Западного фронта прикрепляет Георгиевский крест на его гимнастерку и вручает ему погоны унтер-офицера... Рабцевич возвращается в окоп, а там стоит шум: солдаты читают большевистскую газету.

Как все, едрен корень, правильно пропечатано, — скручивая сигарку, говорит один из солдат, — ведь, если здраво пораскинуть мозгами, выходит ни мы, ни немцы-солдаты не хотим войны...

Это точно, — поддерживает его другой. — Мне завсегда плуг милее винтовки... Да будь она...

И вот говорят все солдаты разом:

Долой войну!

Хватит нам убивать друг друга!

— Мы такие ж, как и оне, крестьяне, рабочие!..

— Айда к ним!

Солдаты вылезают из окопа.

— Товарищи немцы, братья, погодьте, не стреляйте!..

На немецкой стороне тоже слышатся возбужденные голоса. Солдаты идут навстречу друг другу. Ни у кого нет оружия...

— Сволочи, что делаете? — кричит ротный. Размахивая пистолетом, он намеревается остановить своих солдат. Подскакивает к Рабцевичу, хватая за грудь: — А ты, скотина?! Как ты смеешь, ты же георгиевский кавалер!..

Да пошел ты!.. — Рабцевич выхватывает у него пистолет, отбрасывает в сторону, идет дальше.

Солдаты встречаются. Начинается братание. Кругом смех, восторженные возгласы... Рабцевич обнимается с каким-то молоденьким немцем. Они находят крепкий ящик, должно быть из-под снарядов, садятся. Закуривают из одного кисета. Немец весело лопочет. Рабцевич не знает немецкого языка, но ему все понятно. Немец рабочий, у него есть жена и маленький Шульц. Он сегодня же поедет домой...

— А я, — Рабцевич вздыхает, — я землю люблю... — Он радостно смотрит на немца, и вдруг его лицо уплывает, размазывается, и он видит перед собой Линке. — Вот чудеса! Так это же Карл!

Линке что-то говорит.

Рабцевич открывает глаза. Перед ним действительно стоит сияющий Линке. В руках охапка свертков.

— Спишь?.. А я тут сухой паек получил... Завтра в шесть часов утра ту-ту, поеду в Москву! Ха! Вставай, провожаться будем!

6 ноября 1944 года в «Правде» был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года. В нем говорилось: «За образцовое выполнение специальных заданий в тылу противника и проявленные при этом отвагу и героизм присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»...

Далее следовали фамилии награжденных, среди них Александр Маркович Рабцевич.

Стали поступать поздравления. Их было много.

В конце мая сорок пятого года его поздравил Линке. Рабцевич взял конверт в руки. Знакомый почерк. Радостно забило сердце. «Жив!»

Оказалось, после приезда в Москву в июне сорок четвертого Карл Карлович получил новое задание: его направили на территорию Словакии, охваченную антифашистским восстанием. Там пробыл семь месяцев. Был ранен. Сейчас вновь в Москве, но чувствует, что пробудет в столице недолго, готовится к отъезду...

Так оно и вышло: вскоре Линке уехал в Германию, где принял активное участие в создании государства трудящихся на немецкой земле, став одним из первых его генералов...

Впоследствии министр Национальной обороны ГДР товарищ Гейнц Гофман скажет о нем: «После освобождения Германии он отдал весь свой большой опыт социалистическому строительству, усилению и укреплению рабоче-крестьянских сил. Его имя неразрывно связано со строительством вооруженных сил, особенно с созданием и развитием национальной армии Германской Демократической Республики».

Рабцевич надеялся увидеться со своим бывшим комиссаром, строил планы... Но встрече этой состояться было не суждено...



СЕРГЕЙ АНАНЬИН

ПОДВИГ КОМСОМОЛЬЦА

Тринадцатого июня 1942 года, в субботу, в пионерском саду на проспекте Революции, главной улице старинного города Воронежа, было полным-полно ребятишек.

Было...

Около семи вечера к городу прорвался фашистский бомбардировщик — линия фронта проходила в ста пятидесяти километрах в Курской области. Черные, свистящие и визжащие бомбы посыпались на малышей. Качнулись,

брызнув оконными стеклами, тяжелые каменные дома, с трех сторон окружавшие сад.

Медленно опускалась вскинутая в небо земля, обломки растерзанных яблонь, груш, обуглившиеся ветки сирени и еще что-то окровавленное. Люди плача шагали по перекопанной бомбами земле — не наступить бы невзначай. И опять сильные взрывы неподалеку, в зоопарке, также заполненном ребятишками...

Подавленные увиденным, молча сидели в Брикманском саду, что недалеко от их домов, Костя Феоктистов и Валя Выприцкий. Валя — русский, голубоглазый, выше Кости почти на голову, в мае ему исполнилось восемнадцать. Он закончил школу в прошлом году, а Костя две недели назад.

— Не верится, — взволнованно говорил Костя, — что это мог сделать человек! Да люди ли фашисты! Значит, правда, что они уничтожают даже маленьких детей, ведут войну на истребление советских людей!

— А ты в этом сомневался?

— Сомневался — не то слово. Не знаю, как яснее высказать. Воспитали нас такими, что ли, но ни ты, ни я, вообще ни один советский человек и в мыслях не допускает, чтобы нам захватывать чужие земли да еще убивать людей. Когда мы с мамой получили похоронку на брата, Бориса, — ты знаешь, он закончил Сумское артиллерийское училище за несколько дней до войны, — я считал, что он погиб, так сказать, в честном бою, что ли. А сейчас думаю, а может, он был только ранен? А когда наши были вынуждены отступить — это было где-то в районе Минска, подошел к Борису гитлеровец, вытащил пистолет и спокойно пристрелил. И Бориса и других раненых. Сбросили же сегодня бомбы на малышей, хотя летчик видел, что здесь нет ни промышленных предприятий, ни железнодорожных станций.

— Наш командир истребительного батальона Антон Иванович Башта знакомил нас с «Памяткой немецкому солдату», — сказал Валя. — Ничего человеческого в ней не найдешь. Гитлер требует от своих офицеров и солдат, — я запомнил это дословно, — чтобы каждый для своей личной славы убил ровно сто русских, все равно, женщина это или старик, девочка или мальчик. Памятка призывает уничтожить в себе жалость и сострадание и не думать: за всех думает фюрер. В одном из выступлений Гитлер призвал «истребить славянские народы — русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов». И еще Гитлер цинично

заявил: «Мы варвары, и мы хотим быть варварами. Это — почетное звание». А ты прав: раненых они добивают. Сам видел...

— Сам? Где ты мог видеть? Ты что-то скрываешь. Куда ты исчезал в конце прошлого года и этой весной? Скажи. Или не доверяешь? Боишься, проговорюсь?

Да из тебя слова не выколотишь! Верю тебе, как себе, а сказать пока не имею права. Не обижайся. И извини: мне надо в батальон.

В этот же вечер Костя повидал друзей — Бориса Сухоедова, Виктора Козлова и Бориса Лачинова. Говорили все о том же: что делать? В армию шестнадцатилетних не берут, в истребительный батальон тоже. Позавидовали Вале Выприцкому — и постарше, и рослый.

— Что же мне делать, Валя? — спросил Костя, когда они встретились на другой день. — Тебе хорошо — нашел свое место: мечтал стать военным и вот стал бойцом истребительного батальона. Я не могу оставаться в стороне. Брат погиб, отец на фронте, все воюют, а я?..

В голосе Кости чувствовалось такое отчаяние, что Вале стало жалко друга.

— Поклянись, что никому ни слова...

— Клянусь!

И Валя поделился своей тайной.

Когда напали фашисты, он кинулся в военкомат, но там отказали — возраст непризывной. Пошел в управление НКВД. Упросил взять разведчиком. Прошел специальную подготовку и в составе разведывательно-диверсионной группы был направлен на Украину, в Ворошиловградскую область. Матери сказал, что едет в военное училище. Вернулся через месяц, в декабре 1941 года. Опять учеба, прыжки с парашютом, и в апреле 1942 года опять в разведку на Украину.

— Значит, можно и мне попытаться? — обрадовался Костя.

— Я тебе ничего не говорил. Не забывай о клятве. Постарайся в управлении НКВД попасть к красивой черноволосой девушке Рае Соболю или к Юрову.

Костя попал к капитану государственной безопасности Василию Васильевичу Юрову.

С просьбой послать в разведку ежедневно обращалось немало воронежцев — и молодых и пожилых. А этот совсем мальчишка. Учиться ему, а не воевать, и Юров отказал.

Но паренек продолжал упрашивать:

— Не смотрите, что я небольшого роста. Мне уже шест-

надцать с половиной. Физически я крепкий, стрелять умею и плаваю хорошо. Ну я прошу вас...

— Нет, нет, Костя... Иди в клуб Дзержинского, разыщи Антона Ивановича Башту и передай, что я рекомендую взять тебя в истребительный батальон.

Антон Иванович внимательно выслушал, но сказал, что в истребительный батальон принимают только комсомольцев.

Костя побежал в свою школу. Через три дня, улыбаясь, подал Баште новенький комсомольский билет.

— Молодец! Теперь все в порядке. Сейчас все оформлю.

По дороге домой, на Рабочий проспект, Костя не раз вытаскивал из кармана пиджачка удостоверение в красной обложке.

«УНКВД по Воронежской области
Истребительный батальон гор. Воронежа

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего тов. ФЕОКТИСТОВ КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ является бойцом 2-й роты истребительного батальона г. Воронежа при НКВД по Воронежской области и имеет право ношения и хранения винтовки и финского ножа.

Действительно по 31 декабря 1942 года».

Маме, Марии Федоровне, нарочито небрежно и спокойно сказал:

— Меня зачислили в истребительный батальон... Так — военная учеба, буду помогать чекистам вылавливать вражеских сигнальщиков, если будут подавать световые сигналы фашистским самолетам, охранять склад боеприпасов в Ботаническом саду...

Мария Федоровна, активная общественница, в недавнем прошлом депутат райсовета и горсовета, не расспрашивала, лишь грустно вздохнула, вспомнив погибшего на фронте старшего сына и мужа, Петра Павловича, человека мирной профессии — был главным бухгалтером Рыбтреста, а сейчас где-то под Сталинградом. Прислал письмо, что вступил в партию.

В батальоне Костя встретил своего учителя математики Андрея Константиновича Шишкина. Андрей Константинович командовал взводом. Он и обрадовался и встревожился: Костя — лучший его ученик, помогал отстающим, даже

старшеклассникам, очень талантлив — нередко предлагал свое, оригинальное решение той или иной задачи. Ему бы учиться, а не воевать...

Встреча учителя и ученика была одной из последних: через два месяца начальник Придаченской оперативной группы УНКВД Петр Ельчинов проведет бойцов истребительного батальона через реку Воронеж на правый берег, в центральный район города, куда удалось ворваться гитлеровцам. В этом бою Андрей Константинович погибнет.

Да, все сложилось не так, как предполагал Костя.

28 июня 1942 года утром к Воронежу прорвалось несколько десятков вражеских бомбардировщиков, вечером налет повторился. И так каждый день — утром, днем и вечером, в одни и те же часы. Центральный, правобережный район города, находящийся на горе, запылал огромным костром. Костя поражался, зачем понадобилась эта бомбежка — налетало по 50—100 самолетов, а в городе войск Красной Армии не было. Было лишь несколько мелких подразделений войск НКВД. Бойцы-чекисты заняли оборону узкой лентой от реки до Задонского шоссе и поклялись погибнуть, но задержать гитлеровцев до подхода регулярных войск (вскоре подошла 132-я Сибирская дивизия, занявшая вместе с бойцами-чекистами оборону).

С 1 июля перерывов в бомбежках почти не было. Никто из воронежцев тогда не знал, что еще 28 марта в ставке Гитлера состоялось совещание, посвященное подготовке к летнему наступлению на всех фронтах, и фюрер объявил: «Начало операции — под Воронежем...» А 5 апреля Гитлер подписал директиву № 41, в которой говорилось: «...Началом должно послужить охватывающее наступление или прорыв... в направлении на Воронеж. Цель этого прорыва — захват города Воронежа».

Удар на Воронеж получил название операции «Блау» (с 30 июня — операция «Брауншвейг»).

28 июня немецко-фашистские войска прорвали фронт в Курской области и покатались на Воронеж. Где они находятся — никто не знал. 4 июля в разведку к Дону была направлена группа чекистов во главе с капитаном госбезопасности Алексеем Чепцовым. Примерно в одиннадцати километрах от Воронежа, в редком Шиловском лесу группа наткнулась на гитлеровцев, уже переправившихся через Дон, и потеряла двух человек. Последними отходили Анато-

лий Павлюкевич и автор этих строк. Увидели красноармейцев, обрадовались, а они, молодые, еще не обстрелянные, приняли нас за гитлеровских шпионов, поставили к дереву и уже навели автоматы... В последнюю минуту появился их командир, приказал отвести нас к особистам. Те разобрались...

С утра 5 июля все чекисты Воронежского управления оповещали жителей, не успевших выйти из города и укрывавшихся в бомбоубежищах и подвалах, что надо немедленно уходить, потому что гитлеровцы уже прорвались к городу. Но многие не рискнули уйти под все продолжающейся бомбежкой...

Бойцы истребительного батальона получили приказ выходить из города в одиночном порядке и собираться в селе Анна. С разрешения Башты Костя побежал домой, беспокоясь о матери. Бежать под бомбежкой пришлось почти через весь город. Успокаивал себя, что под полом их одноэтажного кирпичного домика есть глубокий погреб, добротно вырытый отцом. А если прямое попадание?

К счастью, фашистские летчики пока не добрались до Троицкого района, и Рабочий проспект, немощеная, заросшая травой улица, почти не пострадал.

Выходили из города вместе с друзьями, Сухоедовыми. На тележку положили наскоро собранные вещи. Кое-что Костя успел спрятать в погребе.

Костя и Борис Сухоедов с трудом вытолкнули тележку в гору, к Транспортной улице. За ними с узлами шли Мария Федоровна и родители Бориса. Костя чувствовал себя виноватым перед матерью: осенью прошлого года они эвакуировались в Актюбинск, оттуда он пытался удрать на фронт. Мария Федоровна поймала его на станции и дала слово вернуться. И вот вернулись!

Шли в сплошном потоке людей, спешивших воспользоваться кратковременным перерывом в бомбежке и выйти из пылавшего города на левый берег, на Придачу, и дальше — на восток. Прошли Брикманской сад на Транспортной улице, вышли к мосту через железную дорогу Курск — Воронеж — Москва. Идти надо было проспектом Революции до Петровского сквера, от него по улице Степана Разина, круто спускавшейся к реке Воронеж, к Чернавскому мосту. А впереди, над проспектом Революции, опять повисли тучей фашистские самолеты. Успеть бы!

Чернавский мост тогда соединялся с левым берегом, с Придачей, дамбой длиной более километра. По краям дамбы

росли древние дубы — дамбу построили еще в XVIII веке. Вот тут-то и налетели фашистские истребители. Конечно, летчики отлично видели, что на дамбе женщины, дети, старики. На бреющем полете летали они вдоль дамбы и расстреливали людей из пулеметов, пока не кончились патроны. Уцелели немногие. Среди них Феокистовы и Сухоедовы. Уже без тележки, побросав все, что надеялись спасти, еле живые, прошли Придачу и заночевали в поле. Потом через Новую Усмань добрались до села Рождественская Хава. Все ближайшие к Воронежу села были до отказа забиты беженцами.

Еще дорогой Костя упрашивал Бориса Сухоедова:

— Давай вернемся в Воронеж драться с фашистами. Ну, Боря...

Борис и сам рвался на фронт, но все же сдерживал Костю.

— Вот отведем родителей в безопасное место, тогда... А где это безопасное место, никто не знал.

Переночевали в Рождественской Хаве, а утром Костя исчез. На столе Мария Федоровна, уходившая поискать что-нибудь поесть, нашла записку. Сын написал, что ушел на фронт. Через день на фронт ушел и Борис Сухоедов.

Так случилось, что Костя, еще не выйдя из села, увидел пропылившийся грузовик, в кузове которого сидели несколько человек в чекистской форме. Среди них капитан государственной безопасности Юров. Костя с радостью кинулся к нему. Юров тоже узнал паренька.

— Теперь-то не откажете? — спросил его Костя и, не дожидаясь ответа, подтянулся и перемахнул в кузов.

— Ловко! — одобритительно заметил один из чекистов. — И далеко тебе ехать, паренек?

— В Воронеж. К вам, в управление.

— В Воронеже уже фашисты, дружок.

Костя приходил к нам проситься в разведчики, — пояснил Юров.

— Ну, в разведчики — это еще надо подумать, а в нашем хозяйстве можешь быть полезным. Ишь какой ловкий! Родители где?

Отец на фронте, брат погиб, а мама... Наш эшелон с эвакуированными фашисты разбомбили под Воронежем, на станции Графская, — соврал Костя.

Значит, мама погибла?

— Что вы! Жива. Только мы... потеряли друг друга... Возьмите. Все равно удеру на фронт!

Уговорил.

Чекисты возвращались в район Воронежа для выполнения специальных заданий. С каждым километром все отчетливее слышался грохот боя. Часто встречались спешившие на восток люди. Они останавливали машину, отчаянно размахивая руками, предупреждали, что немецкие танки уже прорвались на Придачу и идут сюда...

Машина пошла медленнее. Часа через три въехали во двор дачи Юго-Восточной железной дороги в поселке Сомово, что в двадцати километрах от Воронежа. Здесь, в Сосновке, как называлась эта часть Сомова, уже действовал штаб Центральной оперативной группы НКВД, созданный на Воронежском боевом участке (как вначале назывался Воронежский фронт) для разведывательной и контрразведывательной работы. Начальником опергруппы был капитан госбезопасности Василий Соболев, заместителем — пограничник Николай Беленко. Здесь же сосредоточились разведывательные группы. Такие группы действовали во всех районах области, ставшими фронтовыми или прифронтовыми. Они выявляли и разоблачали гитлеровских шпионов, диверсантов, террористов, а кроме того, активно занимались разведывательной работой за линией фронта.

В тот же вечер Костя с группой чекистов, направлявшихся на линию фронта, пришел в Отрожку, крупный железнодорожный узел. Станцию бомбили вражеские самолеты. Все пути были забиты горевшими вагонами. С трудом пробрались в чудом уцелевший деревянный домик линейного отделения милиции, в котором расположилась оперативно-чекистская группа младшего лейтенанта госбезопасности Михаила Назарьева.

Назарьеву очень не хотелось брать в отряд мальчика. И он пытался отговорить Костю.

— Разведка — не приключение, а очень опасный и тяжелый труд, — резко сказал он.

— Знаю.

— Убить могут. Фашистам наплевать — взрослый ты или еще совсем молодой.

— Знаю. Не пугайте. Твердо решил.

«Немногословен», — подумал Назарьев и пытливо посмотрел на Костю.

Дешевый костюмчик темного цвета мальчикового покроя, воротник когда-то белой рубашки выпущен на ворот пиджака,

брюки короткие, не по росту, хромовые стоптанные ботинки, носков что-то не видно; волосы темные и густые, гладкие, уши большие, и верхняя часть немного оттопырена. Говорит, родился 7 февраля 1926 года в Воронеже. Значит, сегодня ему ровно шестнадцать лет и пять месяцев.

— Ну, если решил твердо, то слушай, какая обстановка в Центральном районе, где сейчас гитлеровцы, что надо разведать и как лучше и безопаснее это сделать.

От Назарьева Костя узнал, что гитлеровцам не удалось захватить Воронеж с ходу. На подступах к городу фашистов задержала Сибирская дивизия и воины-чекисты. Им на помощь подоспели свежие части Красной Армии, вступавшие в бой с марша, со стороны Отрожек. Кровопролитные бои шли в районе областной больницы и сельскохозяйственного института. А это совсем близко.

Назарьев показал по карте, где находятся наши части, а где — гитлеровские, сказал, что, по сведениям разведчиков, немцы пока не трогают местное население — не до него; передвижение по городу днем свободное, за исключением нескольких улиц. В городе немало ребят, разыскивающих своих близких, поэтому меньше вызовет подозрений, если Костя не будет таиться, а, если задержат, скажет, что ищет маму: мол, потеряли друг друга во время бомбежки...

Инструктаж длился долго. Назарьев с удовлетворением заметил, что Костя слушает очень внимательно, вопросы задает дельные.

Несколько часов Косте можно было поспать, но сон не шел. Ближе к рассвету Костя вместе с помощником Назарьева Кузнецовым был на берегу реки между селом Отрожки и Придачей, напротив рощи, прозванной воронежцами Архиерейской. Роща была в руках у гитлеровцев. На берегу наших войск не было. Следуя совету «не таиться», Костя дождался рассвета, поплыл на правый берег, правда, стараясь плыть бесшумно. Вот когда пригодилась детская игра «в рули»: по ее правилам надо было хорошо и быстро плавать, неслышно нырнуть и схватить, кто поближе, за ногу. Сначала Костя отставал от ребят, но — такой уж характер! — специально приходил на речку тренироваться и наловчился.

Автоматная очередь полоснула воду неподалеку. Как захотелось нырнуть поглубже и уйти под водой назад! Заставил себя приподнять руку, как бы говоря этим: «Вижу, что стреляете!» — и поплыл уже нарочно шумно.

На берегу, за деревьями, увидел офицера и несколько солдат. Подсчитал, как учил Назарьев, всего двенадцать.

Вот она — первая встреча с врагом лицом к лицу!

Внешне будто бы люди как люди, а какие-то неживые, словно роботы. Форма серо-зеленая, лица тоже серо-зеленые, то ли от бессонницы, то ли от страха. И передвигаются как заводные. Такие могут пристрелить, не задумываясь...

Но надо запоминать, запоминать — разведчику записывать ничего нельзя!

Сказал, что в городе осталась мама — «муттер, муттер». Черт их знает, поняли или нет! Офицер что-то приказал солдату — вот когда пожалел, что не учил немецкий язык! Солдат повел через Архиерейскую рощу, уже поредевшую от артиллерийского обстрела, от бомбежек, к высокой железнодорожной насыпи. Успел рассмотреть, что в роще, как и говорил Назарьев, гитлеровцев действительно немного — войска были по ту сторону насыпи, в Ботаническом саду, ближе к Отрожкам. В подвальной части небольшого здания заметил четыре пулеметных гнезда. По насыпи в сторону Отрожек прошло четыре танка. С насыпи, когда вскарабкались на нее, была видна Березовая роща. И там танки. Пять... восемь... Кажется, десять. Замаскированы березовыми ветками.

Сердце стучало уже не так громко.

У входа в Ботанический сад встретился куда-то спешивший офицер. Солдат вытянулся, доложил ему, приложив руку к козырьку. Офицер на ходу буркнул раздраженно что-то. Солдат повел Костю, ткнув его стволом автомата, вверх по улице Ленина. На каждом шагу следы ожесточенных боев, много трупов красноармейцев, все молодые. В подвальных этажах уцелевших домов немцы оборудовали пулеметные гнезда. Прошли мимо Костиной школы. Во дворе пушка. Свернули на Транспортную улицу, к Брикманскому саду. У входа часовой. В саду много людей. Задержанные, что ли?

Конвоир что-то сказал часовому, толкнул Костю за решетку сада и ушел.

В саду знакома каждая тропка, ведь сад почти рядом с домом. Прислушался, как учил Назарьев, к разговорам. Люди говорили, что делается в городе. Это важно, надо запомнить! Значит, по улицам пока ходить можно. О фашистах все говорили с ненавистью, высказывали надежду, что их скоро прогонят.

Обошел сад, запомнил, в каком месте гаубичная батарея, и известной ему лазейкой в глубине сада выбрался

в примыкавший к саду двор и дальше дворами, через низкие изгороди пошел к своему дому, решив, что, если задержат, скажет, что живет здесь. Издали увидел высокий тополь у калитки. Уцелел! И дом уцелел! А вошел — расстроился: гитлеровцы успели изгадить комнаты, кухню, на полу пустые бутылки от французских вин. Откуда французские вина? Потом, когда Костя доложит Назарьеву, окажется, что эта мелочь важна: для захвата Воронежа Гитлер перебросил из Франции войска. Бутылки, поломанную мебель, всякую гадость отнес в свою комнату на то место, где рядом со шкафом с подшивками журнала «Нива», в тайнике под полом спрятал наиболее ценные вещи. Верил, что фашисты здесь ненадолго.

На улице разговаривали незнакомые женщины.

— Фашисты говорят, будто Турция и Япония объявили нам войну, что Ленинград взят и война будет закончена через месяц. Вот беда-то!

— Брешут! — не выдержал Костя. — Не верьте им и другим передайте, чтобы не верили!..

Улица Урицкого забита солдатами. В Первомайском саду через узорчатую железную ограду были видны танки: два около ограды, выходящей на проспект Революции, два около летнего театра, один у ресторана... У конфетной фабрики на Кольцовской улице четыре большие пушки, из них стреляли по Отрожкам... Как много надо запоминать разведчику!

С любопытством и страхом вглядывался в гитлеровцев, но они не обращали на него внимания, и это успокаивало. Жалко было тех, кто не успел выйти на левый берег и сейчас ютится в подвалах разрушенных домов. Все хмурые, явно голодные. И самому есть захотелось. Шел и все время думал, не прозевать бы комендантского часа: в Брикманском саду слышал, что до шести можно ходить, а потом всех подряд расстреливают. А часов-то нет!

К вечеру дворами и развалинами, уже опасаясь попасться на глаза немцам, Костя добрался до прибрежных улиц, круто спускавшихся к реке. Они пострадали меньше. Гитлеровцев здесь не было. На улицу Цюрупы вход запрещен — висит фанерное объявление, написанное с грубыми ошибками по-русски. Там, у здания военкомата, заметил офицеров в эсэсовской форме. Их особенно надо опасаться.

Как учил Назарьев, пробравшись поближе к берегу, залег в развалинах дома, стал высматривать, где шагают патрули, рассчитал, сколько времени проходит, пока солдаты

расходятся в разные стороны и опять сходятся на несколько минут, и, когда стемнело, по-пластунски пополз к реке, тихо переплыл, потом лугом на Придачу, оттуда бегом в Отрожку.

Встретил его Михаил Назарьев, обнял за плечи. Пока Костя переодевался, успел выспросить главное.

— Спасибо, Костя! Очень ценные сведения. Страшно было?

— Страшно, но привыкнуть можно.

Назарьев рассмеялся, вытащил из полевой сумки бумагу, попросил как можно подробнее описать, что он видел и слышал.

— А что писать? Вот это, например, представляет интерес: на доме санчасти управления НКВД и на некоторых других уцелевших каменных домах надпись мелом: «Ахтунг! Нихт анбреннен!» — «Внимание! Не поджигать!»

— Очень важная деталь. Не обратил внимания, есть гитлеровцы в этих домах?

— Есть. Похоже, штабы какие-то.

— Вот поэтому и важно. А надпись понимай буквально. В гитлеровском приказе «О поведении войск на Востоке» сказано, что сохранять только те здания, которые используются в военных целях, а все остальные — уничтожать. Никакие исторические или художественные ценности не имеют значения.

Назарьев порадовал Костю, сказав, что 7 июля создан Воронежский фронт и к городу спешат войска Красной Армии.

В районе Ботанического сада и сельскохозяйственного института не прекращались бои. 11 июля бойцы подразделений войск НКВД выбили немцев из Архиерейской рощи (пригодились и Костины сведения), а через несколько дней и из района сельскохозяйственного института. Мужество и героизм чекистов были отмечены представителем Ставки Главнокомандования.

Командованию Воронежского фронта постоянно нужны были разведывательные сведения, и разведчики ежедневно ходили и в оккупированную (правобережную) часть Воронежа и за Воронеж.

20 июля Костя вместе с разведчицей, назвавшейся Валей, молодой и красивой женщиной, пробрался лугом со стороны Придачи к домику Петра Первого, от которого уже давно оставались одни развалины. Домик находился на берегу реки, на «ничейной» земле. Здесь Петр I строил суда

и струги для похода на Азов. Из развалин домика хорошо просматривался правый берег, теперь чужой. О Вале Костя знал, что в разведку она пошла добровольно, оставив в Ново-Усманском районе малолетнюю дочку, а до войны работала учительницей.

Ночью незаметно пробрались в город, где и расстались. У Вали было свое задание — разыскать наших разведчиков, оставленных в городе, и получить собранные ими разведданные. Позже Костя узнал, что через несколько дней Валя благополучно перебралась на левый берег, а когда до наших окопов оставалось всего несколько шагов, поднялась, и тут ее догнал осколок снаряда шестиствольного миномета. Встречавший Валью заместитель начальника Центральной оперативной группы НКВД на Воронежском фронте Николай Беленко с трудом разобрал текст на залитых кровью листках, которые Валя принесла с той стороны.

Костя выполнил свое задание и благополучно вернулся. В Отрожке его ожидали две приятные встречи. Сначала увидел он Антона Ивановича Башту. Антон Иванович обрадовался ему, но упрекнул, почему не пришел на сборный пункт истребительного батальона в село Анна. Узнав, что Костя стал разведчиком и уже дважды ходил в тыл врага, уважительно пожал руку. Он-то, занимавшийся разведкой еще в гражданскую войну, отлично знал, что это за работа. Башта сказал, что истребительный батальон пока помогает охранять отроженские мосты. Фрицы бомбят мосты по несколько раз в день, но попасть никак не могут, зато в батальоне ежедневно вдоволь свежей рыбы. Пригласил на уху.

Вторая встреча — с Валецким. Валя тоже не раз ходил в разведку в оккупированный Центральный район Воронежа, но обстоятельства так складывались, что ему никак не удавалось выяснить судьбу родных. Только вчера он пробрался на улицу Урицкого, но гитлеровцы его задержали и заставили копать окоп совсем недалеко от дома. И вдруг по улице идут мама, Екатерина Павловна, и сестренка, одиннадцатилетняя Галя. Сердце так и упало: значит, не успели уйти от фрицев! Кинулись к нему, но он успел приложить палец к губам и отвернулся: мол, мы не знакомы. Так и прошли мимо, встревоженные, ничего не понимая...

Друзья попросили, чтобы в разведку их послали вместе.

Пошли 24 июля. До линии фронта их провожал чекист Александр Кононов. Перешли два отрожеских моста, затем

свернули вправо в лес, к сельскохозяйственному институту. То и дело приходилось прижиматься к земле — гитлеровцы обстреливали этот район из орудий, снаряды рвались совсем близко. Пока дошли до сельскохозяйственного института, обсыпало землей с головы до ног. От здания института остались одни стены. На фасаде крупные рванины от снарядов, он весь изрешечен осколками, а на скульптуре Ленина — ни одной царапины! Пошли дальше к линии фронта, проходившей через Ботанический сад, как воронежцы по-старому называли Парк культуры и отдыха. Дошли до нашего переднего края, проползли заминированный нашими саперами участок — через минное поле их провел сержант-сапер и, используя где кустарник, где овраг, оказались в Троицкой слободе. Здесь им знакома была каждая тропка. Дворами отошли подальше. На стенах домов объявления, отпечатанные типографским способом.

«Все гражданское население обязано немедленно покинуть город Воронеж. Разрешается только минимальный багаж. Население собирается на южной окраине города, откуда будет отправлено через Дон. Распределение населения происходит по плану западнее Дона. Приказам жандармерии нужно обязательно подчиняться. Исключения невозможны.

Комендант».

— Боятся фрицы русских людей! — заметил Валя. — Когда был здесь последний раз, мне рассказывали, что кое-кто из жителей уже начал прихлопывать фашистов. Эх, стукнуть бы хоть одного, да нельзя нам! И никто к ним на службу не идет добровольно. Среди интеллигенции вербует предателей некто под кличкой «Богдан», он подчиняется немцу Шульцу, а среди остальных какой-то Зайдель. Да, говорят, охотники не находятся. Пойдем, надо торопиться.

Люди не хотели покидать свои дома. Разведчики видели, как офицеры и солдаты силой выгоняли жителей на улицу. Молчаливая толпа тянулась за маслозавод, где был основной сборный пункт. Там беженцев разбивали на колонны, во главе каждой ставили транспортфюрера и под конвоем гнали за Дон (в семи километрах от Воронежа), в село Хохол, на центральный сортировочный пункт. Молодых, здоровых уводили куда-то дальше. Как рабов...

Рабочим проспектом прошли мимо дома Кости — он еще стоял, зияя разбитыми окнами, потом дворами на улицу

Урицкого — это недалеко: Вале не терпелось узнать, что с близкими. Костя остался в палисаднике, Валя вбежал в дом. Вернулся через несколько минут, расстроенный.

— Пока живы,— ответил он на молчаливый вопрос друга.— Идут на сборный пункт, иначе убьют.

На проспекте Революции у входа в Первомайский сад ребята увидели виселицу: старик в фуфайке и брюках железнодорожника висел на толстом проводе, почти перерезавшем его шею. А через дорогу, у Дворца пионеров, еще одна виселица, там казнили женщину.

— Как похожа на нашу разведчицу Иру Плохих, пропавшую без вести,— тихо сказал Валя.— Сволочи!..

Ребята молча шли по проспекту Революции, внимательно смотрели по сторонам, стараясь все запомнить. Несколько раз заговаривали с редкими прохожими. Постепенно вырисовывалась картина страшных злодеяний фашистов. В Петровском сквере, откуда немцы украли бронзовый памятник Петру I, привязали к решеткам сквера пленных красноармейцев и изрезали их до смерти; по утрам почти на каждой улице находят расстрелянных женщин и детей — нарушителей комендантского часа. Особенно зверствует карательный отряд СД, а также тайная полиция.

С громадным трудом разведчикам удавалось сохранить спокойствие. Наконец, дошли они до Кольцовского сквера. Вокруг чудом сохранившегося памятника поэту фашисты устроили солдатское кладбище. Ребята насчитали сто сорок крестов и сбились со счета.

Пора было уже возвращаться. Переходить линию фронта приказано было у Троицкой слободы, местность здесь пересеченная, много оврагов, заросших густым кустарником. С нашей стороны, в случае чего, должны были прикрыть огнем. Разведчикам оставалось пройти совсем немного, когда они наткнулись на гитлеровцев, которые прятались за кирпичной стеной разрушенного дома. Ребятам даже показалось, что солдаты обрадовались им. Сунули в руки лопаты и жестами показали, что надо углубить находившийся перед стеной окоп.

Немного поработали, и Валя решил выглянуть из окопа, проверить, наблюдают ли за ними гитлеровцы, и тут же раздался выстрел. Валя сполз в окоп, голубые глаза его помутнели.

Не думая, что гитлеровцы могут и его пристрелить, Костя с трудом вытолкнул тело друга из окопа, вылез сам. Взял Валу под мышки, оттащил подальше в кусты. Помочь

ему уже было нельзя. Петляя, Костя кинулся в кусты. Вслед раздалась автоматные очереди.

Линию фронта Костя перешел ночью напротив Придачи. Переплыл реку, несколько километров бежал, но так и не согрелся: била нервная дрожь.

Утром снова стал проситься в разведку, но ему твердо сказали: «Отдохни».

В разведку пошел 1 августа. Вдоль высокой дамбы пробрался к разрушенному Чернавскому мосту, скрытно переплыл реку. До рассвета прятался в развалинах, а утром дворами стал подниматься к проспекту Революции, и тут его остановил солдат и повел в сторону Военного городка. На проспекте Революции, на улице Кирова, на площади 20-летия Октября новые виселицы. На груди повешенных фанерные листы с корявыми надписями по-русски: «Несмотря на приказ, я вернулся в эвакуированную область и наказан за непослушание и шпионаж».

Костя тревожно подумал: «Неужели и меня вздернут на ближайшем столбе?..» Но солдат довел его до Военного городка, втолкнул в ворота и что-то сказал часовому.

В Военный городок фашисты согнали сотни воронежцев, все были возбуждены, никто не знал, что их ожидает. Прислушиваясь к разговорам и сам задавая вопросы, Костя выяснил, что отсюда гитлеровцы гонят людей куда-то, а куда — никто и не знает; что вступил в силу приказ всех обнаруженных в городе расстреливать на месте, что бургомистром опустевшего Центрального района, в который входил и Военный городок, гитлеровцы назначили какого-то Михайлова; что вышел первый (и последний) номер газеты «Новая правда» (без указания фамилии редактора); что фашисты грабят немногие уцелевшие дома, все ценное вывозят; увезли в Германию на переливку бронзовый памятник Петру I. Памятник этот был сооружен еще в 1860 году. В школе № 29, что на улице 20-летия Октября, фашисты создали, по их словам, «гражданский госпиталь», куда якобы для лечения свезли несколько сот больных, инвалидов, стариков, женщин с детьми. А вскоре помощники начальника карательного отряда СД Бруха Циммерман и Золя часть людей расстреляли во дворе школы, а остальных куда-то увезли (лишь после изгнания гитлеровцев воронежцы узнали, что 450 человек, в том числе 35 малолетних детей, расстреляли в Песчаном логу).

Ночью Косте удалось сбежать. Развалинами добрался до реки, переплыл на другой берег. Сообщенные им сведения

представляли большую ценность. Выявленные Костей крупные огневые точки утром были подавлены артиллерией и «кукурузниками». Прояснилась судьба не успевших выйти из города жителей, судьба которых всех тревожила. Подтвердились сообщенные другими разведчиками сообщения о том, что появляться на улицах Центрального района нельзя.

11 августа в разведку пошли несколько человек. Пошел и Костя Феокистов вместе с Юрой Павловым. Нужно было разведать правобережную часть города — от Архиерейской рощи до Чернавского моста, где якобы гитлеровцы концентрировали войска для перехода в наступление. До войны Юра жил в этом районе, отлично знал все дворы, через которые можно было прошмыгнуть незаметно.

Ночью Костя и Юра переплыли реку у Архиерейской рощи. В то время деревья росли и на самом берегу реки, ветви свисали в воду. Держась за них, Костя и Юра переждали, когда патрулировавшие автоматчики пойдут в разные стороны, ползком заползли в гущу рощи, до рассвета скрывались в воронке от снаряда, а потом начали разведывать прибрежную полосу. Оказалось, немцы подтянули новые части к роще, в районе стадиона «Динамо» и Ботанического сада тщательно замаскировали орудия. Ребята где перебежали, а где ползли параллельно берегу. В правобережной части города, от улицы Оборона Революции и дальше, в направлении разрушенного Чернавского моста, солдат и военной техники стало значительно больше. На перекрестке улиц Анатолия Дурова и Крестьянской, Средне-Смоленской и Солдатского переулкa появилась артиллерия, у Терновой церкви два шестиствольных миномета, в ограде Успенской церкви дальнoбойные и зенитные орудия, шестиствольные минометы, на колокольне бывшего Митрофановского монастыря наблюдательный пункт — оттуда отлично видно все, что делается на левом берегу, на Придаче.

Видимо, гитлеровцы, не сумев прорваться в направлении железнодорожного узла Отрожки по железнодорожным мостам, решили переправиться на левый берег, где наших войск не было, а уже оттуда захватить Отрожку, перерезав железную дорогу на Москву.

Разведчикам надо было добраться до Чернавского моста. Самое сложное — перебегать бесчисленные улицы, круто спускавшиеся к реке. Хорошо, что они неширокие и густо заросли травой.

Костя шел впереди, Юра примерно в двухстах метрах сзади.

Когда Костя перебежал Средне-Смоленскую улицу, слышался крик:

— Хальт! Хенде хох!

И по-русски:

— Стоять! Руки вверх!

Оглянулся — эсэсовец с двумя солдатами. И откуда они появились? Совсем рядом! Костя вынужден был остановиться. И еще три автоматчика бегут туда, где Юра, но мальчик успел шмыгнуть во двор разрушенного дома.

«Молодец! — обрадовался Костя. — Удерет. Не впервые ему!»

Эсэсовец и солдаты повели Костю в сторону видневшегося перекрестка — там улица Сакко и Ванцетти пересекает Средне-Смоленскую.

По дороге автоматчики успели обыскать Костю, но ничего подозрительного не нашли.

«Куда ведут? — думал Костя. — Почему сразу не застрелили?»

Вели по середине улицы.

«Если эсэсовец на перекрестке повернет налево — значит, на улицу Цюрупы, там штаб, если направо — там на Девичьем рынке виселица».

Эсэсовец повернул направо. Значит, решили повесить!

От перекрестка к Девичьему рынку небольшой подъем. Слева сгоревшая районная библиотека, пепел от книг покрыл всю улицу.

Прошли библиотеку, прошли еще один полностью разрушенный небольшой дом — в этом районе все дома одноэтажные, у третьего дома, от которого сохранились кирпичные стены, эсэсовец вошел во двор, махнув рукой, чтобы шли за ним.

Автоматчики подтолкнули Костю к глубокой воронке, поставили на самый край ее. Эсэсовец встал перед ним в нескольких шагах, потянул руку к кобуре пистолета. Тянул медленно, Костя успел заметить — наш ТТ, а выхватил быстро и сразу выстрелил. Больно ударило в подбородок слева.

Падая в воронку, Костя инстинктивно повернулся и полусогнутые руки смягчили удар.

Первая мысль: живой! Только бы не дернуться, притвориться мертвым!

Что-то тяжелое ударило рядом с головой.

Потом рассмотрел: большущий камень. В голову целил, гад!

С трудом удержался, чтобы не шелохнуться.

Наверху стало тихо. Но надо еще полежать. Лежал долго. Кружилась голова. Сколько же так лежать? Если рот не закрывать, кровь не так льет, дышать легче.

Наконец решился подняться, встал на камень, брошенный эсэсовцем, выглянул из воронки. Никого. Лег на то же место, где лежал, — а вдруг кто вернется проверить? Только бы не шевельнуться! Наверху ни голосов, ни шагов. Рискнуть? Поднялся с трудом. Очень кружилась голова. Еще раз встал на камень, осторожно выглянул — пусто вокруг.

Лег на то же место и так, как лежал. Вот только кровь хлещет. Почему-то решил, что надо пролежать не менее часа, и стал отсчитывать минуты, не замечая, что считает очень быстро.

Двадцать минут... Сорок... Шестьдесят. Пора! А то совсем истечешь кровью! Льет и льет!

Прислушался. Тихо. Встал на камень, качаясь от слабости. Никого. Как вылез — потом и рассказать не мог.

Через пробитую снарядом кирпичную стену дома виднелась улица. Туда нельзя, заметят. В соседнем дворе или в следующем — разве вспомнишь! — в сторону Девичьего рынка был большой деревянный ящик. Приоткрыл, перевалился на высохший мусор. Здесь можно было переждать, пока совсем не стемнеет. А до темноты еще часов пять-шесть. Мучительно хотелось пить.

Кровью залита грудь. Костя попытался оторвать от рубашки клочок, но сил не хватило. Ему удалось стянуть рубашку и обвязать подбородок и шею.

Ящик деревянный, а будто огненный. Пить! Ой как хочется пить! И день, как назло, жаркий!

...Когда очнулся — стемнело, видимо, уже наступила ночь.

С трудом выкарабкался из ящика, пошел дворами к реке. В этом месте одноэтажные домики сохранились, но дворы огорожены заборами. Каждый забор — почти непреодолимое препятствие.

До берега идти минут десять — пятнадцать, а добрался туда Костя лишь к рассвету. Залег почти у самого берега в саду, заросшем бурьяном. Переход взял последние силы. Когда совсем рассвело, увидел гитлеровских солдат, точнее, сначала услышал. Один из них наигрывал на губной гармош-

ке уже знакомую мелодию: это была самая популярная в то время в Германии песня, Костя ее знал. Были там такие слова: «Сегодня нам принадлежит Германия, а завтра — весь мир!..» «Черта с два! — невольно подумал он. — Весь народ поднялся на русской земле, здесь и смерть найдете!..»

Боясь шелохнуться, пролежал в душном бурьяне весь день. А вечером гитлеровцы стали запускать осветительные ракеты. В мертвенно-бледном свете их Костя рассмотрел, что по берегу патрулируют автоматчики. Вот они сходятся, вот расходятся. А ну-ка, сколько минут пройдет, пока они опять сойдутся? Часов нет, придется считать. Подсчитал и понял, что можно проскочить, пока патрули поворачиваются спиной друг к другу.

Чуть правее сада идет улица Коммунаров, совсем узенькая здесь. От нее еще вправо шагов через пятнадцать спускается к реке заросшая травой и заваленная пустыми банками из-под консервов канава. Вот по ней и надо ползти к реке.

Опять расходятся. Пора! Костя переполз улочку и по канаве, обдирая до крови руки острыми железками, сполз в реку. Плыл под водой пока хватило сил. Вода освежила. Пробовал глотнуть и не смог, а так хотелось пить...

С трудом добрался до середины реки и понял, что силы уходят. А надо доплыть во что бы то ни стало! Ведь неизвестно, вернулся ли Юра, а сведения очень и очень важные.

Обязан доплыть! Во что бы то ни стало! Плыл, не вынимая рук из воды, чтобы не было всплесков. И про себя повторял: «Доплыву! Доплыву! Меня ждут!..»

...На рассвете 13 августа 1942 года начальник штаба 6-й краснознаменной дивизии позвонил в штаб Центральной оперативно-чекистской группы НКВД и сообщил, что на Придачу возвратился раненый разведчик Костя Феоктистов, он находится в разведбатальоне, где ему оказали первую помощь, но ранение серьезное и надо его срочно доставить в госпиталь. За Костей выехал секретарь партийной организации группы Валериан Матвеев.

— Юра вернулся? — первое, что спросил его Костя.

— Вернулся. Помолчи. Тебе нельзя разговаривать.

Бережно поддерживая совсем ослабевшего Костю, Валериан Матвеев повез его в медсанбат, в поселок Сомово. Там сняли окровавленные бинты и установили, что пуля

попала в подбородок слева и вышла из шеи справа, ниже уха на три пальца. Челюсти и зубы остались целы. Костя все время просил пить, а глотать не мог. Врач заподозрил, что прострелен пищевод, и потребовал срочно отвезти раненого в эвакуогоспиталь. На том же «газике» Матвеев привез Костю в госпиталь, находившийся от Сомова примерно в тридцати километрах, в селе Макарье Рождественско-Хавского района.

— Просто чудо! — сказал врач, — осмотрев Костю. — И пищевод цел, и челюсть. Будешь рассказывать товарищам, не поверят!

— А мы дадим Косте справку... — пошутил Матвеев.

— Пить! Хочу пить! — просил Костя.

Через резиновую трубку врач влил Косте два стакана питательной жидкости. Ему стало легче. Хотя и с трудом, но кратко рассказал, что видел и что с ним произошло.

Через две недели Костя появился в штабе Центральной оперативно-чекистской группы НКВД. Улыбаясь, доложил:

Удрал! — И добавил: — Пить уже могу сам. Дайте водички.

Евгения Левикова и Зинаида Исаева кинулись за кипяченой водой.

Федоров, врач, лишь перед войной закончивший институт, торопил сестру поскорее снять грязный бинт. Медсестра торопливо сняла насквозь пропылившиеся бинты — надо же пешком пройти по проселочным дорогам тридцать километров!

— Отстегать бы тебя, — говорила она, тщательно дезинфицируя раны на подбородке и шее, — да вроде неудобно отлупить героя... Ну, ну, не морщись, все страшное позади. Больнее было, когда фашист в тебя выстрелил. Скажи спасибо, что чудо случилось. Жизнь у тебя вся впереди. А метки от пули останутся на всю жизнь. Гордись ими. Почетные. За нашу Родину кровь пролил...

Все-таки доктор Федоров решил отвезти Костю в сомовский медсанбат. Там его еще раз осмотрел врач, залил ранки чем-то едучим, забинтовал и облегченно сказал:

— Будешь жить, герой! Но чтобы больше не удирать! Понял?

В медсанбате и разыскала сына Мария Федоровна.

— Мама! — обрадовался и испугался Костя. Он боялся, что мама будет ругать его.

Мария Федоровна обняла сына. «Совсем мальчишка. Уши еще больше оттопырились. Похудел, что ли? — Вспомнила: в детстве насильно заставляла пить молоко, специально купила козу, привязывала ее на длинной веревке к тополи, вокруг которого росла густая трава...— Господи, когда это было! А глаза не мальчишеские — глаза взрослого, много испытавшего человека...»

Костя прижался к матери, как давным-давно в детстве, и тихо сказал:

— Не сердись, мама... Думать только о себе — человеком не станешь...

«25 января 1943 года войска Воронежского фронта, перейдя в наступление в районе Воронежа, опрокинули части немцев и полностью овладели городом Воронеж. Восточный берег реки Дон в районе западнее и юго-западнее города также очищен от немецко-фашистских войск. Количество пленных, взятых под Воронежем, к исходу 24 января увеличилось на 11 000 солдат и офицеров. Таким образом, общее количество пленных, взятых в районе Воронежского фронта, дошло до 75 000 солдат и офицеров».

Это радостное сообщение Костя и Мария Федоровна услышали по радио уже в Узбекистане, куда их отправили чекисты, решительно отклонив просьбу Кости оставить его в разведке. В том же году они возвратились в родной город, а вскоре Константин Феоктистов поступил учиться в Московское Высшее техническое училище им. Баумана.

За мужество и отвагу, проявленные в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны, Президиум Верховного Совета СССР наградил Константина Феоктистова орденом Отечественной войны I степени.

Есть у Константина Петровича и высокая чекистская награда — почетный Знак «50 лет ВЧК — КГБ».

Остается сказать, что ныне Константин Петрович Феоктистов летчик-космонавт, Герой Советского Союза, профессор, доктор наук, один из конструкторов космической техники.

Совсем не случайно еще в юности одной из самых любимых книг Кости Феоктистова была книга Константина

Эдуардовича Циолковского, впервые в истории человечества строго научно доказавшего возможность полета человека в космос. И не случайно герой Великой Отечественной войны, разведчик, стал не только достойным учеником, но и продолжателем дел великого русского ученого К. Э. Циолковского.

Я имею моральное право (и обязан!) поведать о его первом подвиге. Мне не надо было ничего придумывать, потому что во время войны я воевал на том участке фронта, где показал себя настоящим советским человеком комсомолец Костя Феоктистов.



ТЕОДОР ГЛАДКОВ, БОРИС СТЕКЛЯР

РАССКАЗЫ ПОЛКОВНИКА БОНДАРЯ

Мы встретились в Ровно, в те последние дни щедрого украинского лета, когда уже спадает зной, но воздух еще долго хранит мягкое тепло, смешанное с бодрящей утренней и вечерней прохладой. Город готовился отметить свое семисотлетие и был очень хорош в предпраздничном наряде. Во всей красе открылся взорам прохожих великолепный, заново перестроенный областной театр, взметнули ввысь переливающиеся хрустальные струи фонтана перед гостини-

цей «Мир», пышными многоцветными коврами украсили площади и скверы десятки тысяч кустов роз.

Были и другие приметы большого праздника — рапорты заводов и фабрик, научных и учебных учреждений о трудовых успехах в юбилейном году. Город готовился принять гостей.

Увы, нам в эти дни пришлось заниматься вещами, далекими, казалось бы, от общего праздничного настроения. Да и собеседники наши принадлежали к тем людям, достижения которых никак не отражаются в торжественных реляциях, а лишь в сухих строках служебных отчетов, на которых, к тому же, стоит гриф «совершенно секретно».

Не хотелось в юбилейные дни вспоминать о тяжелых, страшных годах в жизни Ровно. Но город сам напоминает о них на каждом шагу... Мемориальная доска на новом доме, что почти напротив театра, — здесь были повешены гитлеровцами герои-подпольщики. Еще одна мемориальная доска на стене бывшей тюрьмы (здание давно перестроено под фабрику) — в ней замучены и казнены сотни патриотов... Величественный и скорбный мемориал на улице Белой — здесь расстреляны десятки тысяч военнопленных, местных жителей, согнанных со всей округи. Не завершённый еще памятник в городском предместье Сосенка, здесь во рвах и оврагах расстреляны десятки тысяч советских граждан.

По далеко не полным данным в Ровно немецко-фашистские захватчики и их пособники уничтожили свыше 102 тысяч человек — это в полтора раза больше, чем было в городе населения до войны. Еще многие тысячи были убиты в городах, селах, на хуторах Ровенщины, и не только в период оккупации, но и в послевоенные годы. Эти преступления — уже дело рук бывших прислужников оккупантов, буржуазных националистов — бандеровцев, мельниковцев, бульбашей.

Мертвых не воскресить, но память о них требовала и требует покарать злодеев, проливших на нашей земле море людской крови. А кровь людская — не водица, что остается после растаявшего прошлогоднего снега. Она взывает к отмщению, и не только потому, что того требует справедливость, но для гарантии, чтобы такое не повторилось никогда, чтобы никому не вздумалось снова разжечь пожар войны, посягнуть на святая святых — свободу и независимость народов, на жизнь человеческую.

В СССР уже сменились поколения чекистов. Немного осталось сегодня в органах госбезопасности ветеранов Ве-

ликой Отечественной. Но розыск преступников продолжается.

Нам повезло: живет в Ровно человек, который как никто другой, знает историю многолетней борьбы местных чекистов. Уже немолодой, роста ниже среднего, худощавый, в пепельных вьющихся волосах почти не заметна седина. Подвижен, как ртуть, движения не только быстры, но и точны, что характерно для старого спортсмена и солдата. Одевается щеголевато, что, прямо скажем, не часто встречается у людей, которые много лет носили военную форму. А свою первую солдатскую гимнастерку полковник Евгений Ильич Бондарь (так назовем нашего главного собеседника) надел 26 июня 1941 года, ровно через неделю после того, как получил на руки свидетельство об окончании средней школы. В тот же день принял он и боевое крещение.

Всю войну, за исключением короткого периода учебы в 1943 году в военном училище, прошел Бондарь в полковой разведке. Защищал Киев и Сталинград, воевал на Калининском фронте, освобождал Украину, форсировал Эльбу. Получил солдатскую медаль с гордой надписью «За отвагу» и мечту каждого офицера-фронтовика орден Красного Знамени, два ордена, которыми по статуту уже никогда больше награждать не будут, — Отечественной войны I и II степени, еще одну медаль — «За боевые заслуги», и еще один орден — Красной Звезды.

Ранило за войну Бондаря три раза. В строй возвращался быстро. Ранения, правда, считались по тогдашним меркам не тяжелыми. С одним особенно повезло — пуля разорвала мягкие ткани над правым глазом и ухо. Зажила рана за три недели. Но возьми немецкий автоматчик на полсантиметра правее — свинец угодил бы точно в висок.

Намечался Бондарю, тогда лейтенанту, еще один фронт — дальневосточный. Но эшелон, в котором следовала его часть, успел добраться лишь до Новосибирска. Боевые действия на Дальнем Востоке завершились разгромом Квантунской армии и капитуляцией Японии.

Когда-то Бондарь собирался поступить в один из ленинградских технических вузов. Не отказывался от этого намерения и на фронте, особенно когда дело пошло к окончанию войны. Но все планы изменились в один день. Лейтенанта Бондаря вызвали в штаб дивизии, и здесь незнакомый подполковник предложил лихому войсковому разведчику пойти учиться в специальное учебное заведение, где готови-

ли сотрудников для работы в органах государственной безопасности.

По окончании училища Бондарю дали направление в центральный аппарат МГБ. Он отказался. Ему не нравились ни большие города, ни многолюдные учреждения. Сам попросил послать его на Ровенщину. Ехал сюда — думал, на несколько лет. Оказалось — на всю жизнь...

Профессиональная память Бондаря намертво держала в своих глубинах сотни эпизодов, имен, мельчайшие детали множества операций, которыми руководил или в которых участвовал. Услышав нашу просьбу — рассказать о поисках и обезвреживании военных преступников, Бондарь загорелся.

Хорошая мысль! Давно пора это сделать. Есть, конечно, несколько романов и повестей о том, как происходила очистка Западной Украины от фашистско-националистической нечисти. Но нужны и строго документальные свидетельства самих участников событий. Нужны не для нашей славы — для самой истории, для воспитания молодого поколения. Сборник «Чекисты рассказывают», мне кажется, для таких публикаций самая подходящая и авторитетная трибуна.

...Итак, мы приступили к записи рассказов полковника Бондаря о некоторых, наиболее типических поисках, проведенных ровенскими чекистами в разные годы, в которых он так или иначе принимал участие.

РАЗГАДКА «НХ»

Евгений Бондарь хорошо помнит майское утро 1951 года, когда получил он, должно быть, самое необычное для себя задание. Причем не от непосредственного начальника, а руководителя областного управления МГБ.

— Полюбуйся, — сказал полковник и подвинул капитану стопку фотографий. Бондарь взял первый лист — крупными рисованными буквами на нем было выведено: «Волынь в борьбе».

— Что это? — он в недоумении поднял глаза на начальника.

— Смотри дальше!

Бондарь быстро просмотрел всю папку. То были фотокопии рисунков, собранных, судя по всему, в одном альбоме. По содержанию — злобная антисоветчина, изготовленная явно с провокационной целью. Вот три солдата Советской Армии отнимают у старой крестьянки мешок с зерном.

Вот оуновцы, вышедшие из леса, срываю́т с сельсовета красный флаг и водружают свой — с трезубом. Вот стилизованные, беспардонно облагороженные портреты лесовиков в схронах, у костров. Вот какие-то люди в городской одежде, значит, приезжие «моска́ли», не иначе, под охраной солдат ломают сельскую церковь. На них угрюмо взирают крестьяне. Тут же — связанный священник.

Подобные картинки Бондарю уже попадались в бандитских схронах и раньше. Иногда их сдавали местные жители вместе с подброшенными националистическими листовками. Видел он нечто подобное и на страницах оуновских газет.

— Это добро нам прислали из Москвы, — объяснил полковник. — И не только нам, но всем управлениям МГБ западных областей Украины. Суть дела заключается в том, что этот альбом с провокационными целями сейчас широко распространяется на Западе. Его подбрасывают в посольства, журналистам-международникам, делегатам сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Замысел провокаторов понятен — убедить общественное мнение Запада, что на Украине, дескать, идет массовая вооруженная борьба против Советской власти.

Нам поручено срочно разыскать автора альбома и пресечь его антисоветскую деятельность. Для розыска создана оперативная группа. Возглавите ее вы. Кроме вас, в нее включены капитаны Маркелов и Мудрицкий. Утром доложите план мероприятий...

Сотрудника Клеванского райотдела госбезопасности Михаила Андреевича Маркелова Бондарь знал хорошо. О капитане Мудрицком из управления МГБ по Сумской области, находящемся на Ровенщине в командировке, слышал как об опытном чекисте.

Вернувшись в свой кабинет, Евгений Ильич еще раз тщательно изучил рисунки. Первая мысль была — а не состряпаны они там, за океаном, или где-нибудь в Мюнхене? Но потом от этой мысли отказался. Он достаточно хорошо знал Волюнь и быстро понял — художник явно местного происхождения. В этом убеждало многое: чисто волынские пейзажи, детали одежды, построек, достоверность устройства схронов и т. п. Нет, так мог нарисовать только хорошо все знающий человек. Мнение Бондаря, кстати, совпадало с предположением, что оригиналы рисунков нелегально переправлены на Запад откуда-то с западных областей Украины.

В Ровно в то время жило всего несколько профессиональных художников. Одного из них Евгений Ильич немного знал — это был заслуженный фронтовик, орденосец, в период Сталинградской битвы они даже служили в одной армии, правда, тогда не встречались. Вечером того же дня капитан отправился к художнику за консультацией.

Николай Александрович встретил чекиста приветливо. Что требуется от него — понял мгновенно, не понадобилось ему особенно долго и объяснять, что дело — сугубо конфиденциальное.

— Прежде всего мне нужно знать, кто это изготовил, — спросил Бондарь, — профессиональный художник или самоучка?

Хозяин взял листы. Вначале внимательно просмотрел их невооруженным взглядом, потом достал из ящика стола тяжелую трофейную лупу в медной оправе.

Бондарь терпеливо ждал. Через полчаса эксперт отложил в сторону рисунки и решительно заявил:

— Автор, безусловно, профессиональный художник-график, причем способный и достаточно высокой квалификации. Вот эти листы, — он выхватил из стопки несколько картинок, — гравюра по дереву, так называемая ксилография. Изображение вырезается на деревянной пластинке, пальмовой или самшитовой, в наших условиях сгодится и вишневая. Краска наносится тонким слоем на выпуклую поверхность рисунка, потом сверху плотно прижимается лист бумаги, и оттиск готов. А вот эти, — эксперт кивнул на вторую стопку, — выполнены тушью. Чтобы с них сделать репродукцию, нужно изготовить клише в цинкографии.

— Значит, профессионал... — задумчиво протянул Бондарь.

— Без сомнения, — живо откликнулся художник. — Тому есть еще одно подтверждение: подпись автора выполнена в чисто профессиональной манере художника-графика.

— Как, разве есть подпись?! — разволновался капитан.

— Есть, — подтвердил Николай Александрович. — Взгляните, — он протянул Бондарю лупу и указал на крохотную звездочку, которую чекист и сам раньше приметил, но не придал ей значения.

— Живописцы обычно подписывают полотна фамилией, графики же, чаще всего, ставят только инициалы, причем нередко как бы маскируют их в рисунке. Видите — похоже на звездочку. На самом деле здесь наложены друг на друга буквы «Н» и «Х».

— Значит, — протянул Бондарь, — нам нужно искать художника с инициалами «Н» и «Х».

— Или «Х» и «Н», — добавил Николай Александрович.

В назначенный начальником срок Бондарь представил руководству план мероприятий, суть которых сводилась к установлению личности бандита, который обладает способностями к рисованию, получил соответствующее образование и потому мог быть автором рисунков. Кроме того, были изложены соображения касательно того, где мог укрываться и работать неизвестный пока художник.

По распоряжению начальника УМГБ в опергруппу Бондаря были переданы все обнаруженные и захваченные ранее листовки, лозунги и другие печатные документы националистов. Изучив их с лупой в руке, капитан в ряде случаев обнаружил уже знакомые ему инициалы «Н» и «Х». Он уже был убежден, что инициалы художника-бандита надо читать именно в этом, а не в обратном порядке. Дело в том, что, просмотрев церковный календарь, он нашел там лишь десять имен на «Х», из которых на Украине встречались только Харламий, Харитон и Христофор. Между тем на «Н» имелось несколько десятков имен, половина из которых была весьма распространенной. Потом Бондарь изучил клишированные заголовки оуновских газет. И здесь авторство «НХ» не оставляло сомнения.

В июле капитан купил только что вышедшую книгу Героя Советского Союза Дм. Медведева «Сильные духом». С особым интересом прочел страницы, относящиеся к атаману пресловутой «Полесской сечи» Тарасу Боровцу, известному среди оуновцев под псевдонимом «Бульба». В одном месте Медведев упоминал об открытке с рисованным портретом «Бульбы», попавшей в руки разведчиков. С материалами о деятельности атамана Бондарю приходилось сталкиваться. Он вспомнил, что видел в них такую открытку, и немедленно затребовал ее из архива. И вот уже она лежит перед ним. На фоне символического задника, где фантазия художника объединила и пышные нивы, и заводские трубы, и какие-то аллегорические фигуры, изображен был атаман с грозно насупленными бровями, одетый в немецкую генеральскую форму. Рукой он опирался на саблю. В уголке — знакомые уже инициалы.

Бондарь разыскал фотографию «Бульбы» и сравнил с открыткой. Если отвлечься от явной стилизации, сходство несомненно. «Бульба» написан с натуры или по памяти. Выходит, знал таинственный художник атамана «Полес-

ской сечи». Не исключено, что знал он и других руководителей-керивников оуновцев на Волыни. И вот уже на столе Бондаря громоздятся пухлые тома. Тысячи страниц, рассказывающие о кошмарных кровавых преступлениях националистов. В годы оккупации Ровенщины они были активными пособниками оккупантов и разыскивались теперь как изменники Родины и военные преступники. Часть их была ликвидирована уже в первые месяцы после освобождения Волыни Красной Армией, другая еще раньше уничтожена партизанами. Некоторые явились с повинной, кое-кто обезврежен и осужден. Но остатки их еще скрывались в скронах, иные же бежали на Запад и пребывали там под крылышком спецслужб бывших союзников — американцев и англичан, продолжая из-за кордона свою антинародную деятельность.

Внимательно скользит взгляд чекиста по документам. Одни накарябаны дурным почерком на грязных клочках оберточной бумаги, другие отпечатаны на тончайшей рисовой бумаге, доставленной из-за границы. Это бандитские грипы — тайные записки.

И вдруг... Есть! Знакомые инициалы: Нил Хасевич, бандитская кличка «Зот».

Несколько дней изучали чекисты старые и новые дела и ни разу больше не встретили даже упоминания о человеке с такими же инициалами. Между тем «Зот» обрастал, так сказать, плотью и кровью. Не сразу, не вдруг, но удалось собрать достаточное количество информации и целенаправлено приступить к его поискам.

Из обнаруженных документов, а также показаний некоторых захваченных бандитов было установлено, что Нил Антонович Хасевич родился в 1905 году в селе Дюксин бывшего Деражинского района Ровенской области в семье дьякона. Закончил ровенскую гимназию. В возрасте тринадцати лет на Оржевском переезде попал по неосторожности под поезд и потерял ногу. Это очень важная примета, к тому же она позволяет сделать важные выводы об образе жизни оуновца.

Что еще известно о нем? Другие приметы — полный, лицо круглое, одутловатое, черты лица мелкие, носит пышные усы. Что ж, вкупе с главной — отсутствием ноги (ходит на деревяшке или резиновом протезе) «Зота» уже ни с кем другим не спутаешь. Но тот ли это человек, которого необходимо разыскать в кратчайший срок?

Тот! В этом Бондарь перестал сомневаться, когда, изучив

множество документов, сделав кучу запросов, получив и проанализировав соответствующее количество ответов, допросив не одного уже обезвреженного оуновца, установил абсолютно достоверно следующее. После окончания ровенской гимназии Нил Хасевич учился в Варшаве в Академии изобразительных искусств. Входил там в так называемую «Украинскую громаду» — националистическую студенческую организацию. Был хорошо знаком с лидером варшавских оуновцев Степаном Бандерой и его женой Ярославой Опаровской. Принимал активное участие во всех акциях нового предводителя националистов, кроме того, как художник уже тогда оформлял бандеровскую пропагандистскую продукцию.

Бондарь отправился на родину бандита и здесь установил, что в этих местах «Зота», вернее, Нила Хасевича очень хорошо помнят и до сих пор с содроганием произносят его имя. Еще бы! В период оккупации этот «щирый украинец» был назначен гитлеровцами... судьей в селе Деражно (ныне Костопольского района) и выполнял свои обязанности как их преданный холуй. Эта деятельность Хасевича принесла его землякам много страданий и горя. По приговорам судьи карали местных жителей за невыполнение поставок продовольствия немецко-фашистской армии, невыход на принудительные работы, укрывательство бежавших из плена красноармейцев, окруженцев и евреев, помощь партизанам. Случалось, судья лично участвовал в экзекуциях, а если присутствовал на них, то обязательно делал зарисовки, когда, скажем, полицаи пороли крестьян плетью и шомполами-цепочками немецкого производства.

Дальнейшие следы Хасевича терялись. Так, в 1944 году, уже после изгнания гитлеровцев, его видели на хуторе Пеньки, встречали и в других местах. Местные жители, с которыми беседовали в разных селах и хуторах чекисты, рассказали, что в том же 1944 году «Зот» принимал личное участие в убийстве многих поляков и уцелевших от немецких расправ евреев.

Но куда же все-таки девался «Зот» после освобождения территории Западной Украины от немецко-фашистских захватчиков? Дело стало проясняться, когда чекисты установили еще несколько кличек, под которыми известен был Хасевич в среде националистов: «Старый», «Бей» и цифровая «333». Выяснилось, что Нил Хасевич был близким человеком к самому командующему отрядами УПА края и руководителю краевого провода ОУН пресловутому «Климу Савуру» и его заместителю «Горбенко». Но «Клим Савур»

(настоящее имя Дмитрий Клячковский) был убит на Ровенщине 12 февраля 1945 года в ходе чекистско-войсковой операции. После ликвидации «Савура» Хасевич некоторое время находился в референтуре пропаганды одного из самых страшных бандеровских убийц, проводника ОУН на «северо-западных украинских землях» («ПЗУС») Богдана Козака по кличке «Смок». В годы оккупации «Смок» также сотрудничал с оккупантами — служил в Виннице в «Украинском полицейско-охранном батальоне», которым командовал бывший петлюровский генерал Омелянович-Павленко. «Смок» был ликвидирован в феврале 1949 года.

Тогда чекисты пошли по следам «Горбенко». Под этой фамилией скрывался некий Ростислав Волошин-Березюк, который, в годы оккупации работал в Ровенском гебитс-комиссариате, оставаясь одновременно активным оуновцем. Националисткой была и его жена, состоявшая при немцах в руководстве ровенской женской организации ОУН.

Волошин также был убит в ходе очередной чекистско-войсковой операции, а его жена Нина Волошина по кличке «Домаха» арестована. На допросах она показала, что хорошо знала «Бея»-Хасевича, который в период фашистской оккупации одно время сотрудничал в Ровно как художник в издаваемом на немецкие деньги грязном листке «Волянь». «Домаха» показала также, что «Бей» был направлен ее мужем в подполье уже в качестве одного из главарей краевого провода. Она, Волошина, выполняла долгое время при нем обязанности связной.

Выявляя шаг за шагом связи «Зота», Бондарь и его группа установили, что Хасевич скрывается на территории, где остались еще недобитые осколки бандгрупп «Буйного», «Орлана», «Черного», «Ореста», «Острого». Из укрытия в укрытие «Зота», которым очень дорожат, перевозят на велосипеде. Из одного перехваченного донесения стало ясно, что «Зот» не только основной изготовитель националистической литературы и документов, но, после захвата или гибели других атаманов, вообще крупная фигура — руководитель технического звена центрального и краевого проводов ОУН и единственный в Ровенской области член так называемой УГВР («Украинской головной вызвольной рады»).

Установив, на какие бандгруппы опирался «Зот», Бондарь, Маркелов и Мудрицкий в который раз обратились за поддержкой к своим надежным, проверенным помощникам — местным жителям. Затем в ходе розыска чекисты при учас-

тии солдат приданного армейского подразделения ликвидировали остатки бандгрупп «Буйного» и «Ореста» в Клеванском районе, «Бориса» и «Тараса» в Острожском.

В бункере, где укрывался «Буйный», Бондарь обнаружил много зашифрованных документов и грипсов. Однако долгое время не удавалось подобрать к шифру ключи, пока капитан не обратил внимания на одну антисоветскую брошюру. Вернее, не на саму брошюру, а на ее четырнадцатую страницу. Рассматривая ее в отраженном свете, он разглядел, что над некоторыми буквами видны следы легких уколов тонкой иглой. Брошюра и оказалась, как выяснилось, кодовой книгой для переписки краевого провода ОУН.

В последующие дни чекисты расшифровали всю захваченную документацию. Значительная ее часть была передана другим сотрудникам, поскольку имела прямое касательство к делам, им порученным. Но один из грипсов словно специально предназначался для группы Бондаря: «Заготовили для вас 5 килограммов бумаги, вишневое дерево».

— Это для «Зота», — убежденно сказал капитан Маркелову. — Вишневая древесина может требоваться только ему, для изготовления клише.

Адрес, по которому не успел переправить грипс «Буйный», удалось установить: замаскированный бункер на хуторе в километре от села Суховцы. Но на хуторе было шесть домов, под каким именно скрывается «Зот», чекисты не знали. Начинать решили с той усадьбы, что располагалась ближе к лесу.

Операцию по захвату «Зота» капитан Бондарь назначил на 4 марта 1952 года. По опыту знал — готовить ее завершающий этап нужно тщательно, соблюдая все меры предосторожности. Вечером 3 марта Бондарь, Маркелов и Мудрицкий выехали на лошаднях в село Радуховка, расположенное в трех километрах от Суховцев. Солдат с собой не взяли, оставили их в Клевани обсушиться после дальней дороги. Сигнал немедленно выехать к хутору капитан должен был передать по телефону.

Действительно, прибытие чекистов в Радуховку ничьего внимания не привлекло. Остановились они на ночлег в помещении сельсовета, где имелся телефон. По устоявшемуся обычаю, о предстоящей операции между собой не говорили — все уже было обговорено, каждый знал свои обязанности и место в предстоящей схватке.

Едва чекисты, не раздеваясь, задремали на столах, как их разбудил отчаянный стук. Бондарь отворил дверь. В ком-

чату даже не вошел, а ввалился человек. На запорошенном снегом полушубке отчетливо расплывалось мокрое темное пятно. Кровь?.. Кто такой? Откуда взялся? Что случилось?

Незнакомец оказался местным уполномоченным по заготовкам Николаем Радзивиловцем. Он был у кого-то в Суховцах, засиделся в гостях и уже в темноте пошел в Радуховку. Проходя мимо крайней хаты хутора, принадлежавшей некоему Лаврину Стасиву, он буквально нос к носу столкнулся с человеком, державшим в руках автомат.

— Ты кто? — воскликнул неизвестный (впоследствии установили, что то был бандит «Назар»).

— А ты кто? — оторопев от неожиданности, спросил в ответ заготовитель. Видимо, испугавшись, бандит нажал на спусковой крючок. Пуля ударила Николая в правый бок. Второго выстрела, к счастью, не последовало — у «Назара» заклинило патрон. Выругавшись, бандит метнулся куда-то в темноту, а Николай, зажав рукой кровоточащую рану, побежал в Радуховку.

Выслушав заготовителя и оказав ему первую помощь, Бондарь сказал Маркелову:

— Меняем план, Михаил. Радзивиловец мог нагнать на «Зота» панику. Придется приступить к захвату немедленно, а тут — глянь в окно — еще снег, как назло, повалил. Уйдут бандиты из схрона, ищи ветра в поле...

Капитан подошел к телефону, позвонил в Клевань и приказал прибывшим солдатам немедленно выступать, взяв с собой служебно-розыскную собаку. На санях выехали в Суховицы. Не дожидаясь прибытия солдат, Бондарь встретился с председателем колхоза, секретарем партбюро, председателем сельсовета и секретарем комсомольской организации. Коротко объяснил, что на хуторе скрывается в бункере бандит, которого необходимо захватить.

— Оружие есть?

У колхозников нашлись охотничьи ружья. Вместе с ними чекисты направились к усадьбе Стасива. Часы показывали 5 утра, но на дворе было еще совсем темно. По команде капитана хату и дворовые постройки окружили, взяли под прицел двери и окна. Бондарь постучал. Отворил хозяин. Опытный чекист мгновенно отметил, что Стасив открыл ему слишком быстро, словно ждал кого-то. Почувствовал и волнение в голосе хуторянина, хотя тот и пытался держать себя в руках. Быстро оглядев хату, Бондарь спросил:

— Кто есть в доме?

Никого, один я...

— А хозяйка где же? — очень естественно удивился капитан.

— С вечера ушла к родственникам... В Новоселки.

Бондарь знал это место — километрах в пяти от хутора.

Капитан вышел на двор, попытался найти следы крови на земле, но, если они и были, их начисто замел так некстати поваливший с ночи густой, совсем не мартовский снег. Он вернулся в хату и объявил о начале обыска. Два часа чекисты в присутствии понятых обстукивали каждую досочку, прощупывали каждую щель. Ничего подозрительного, ничего компрометирующего. Нашли несколько писем из Сталинграда от сына, служившего в городе-герое в армии. Бондарь быстро просмотрел — хорошие письма, видно, настоящий советский парень, патриотично настроенный, вот, с гордостью пишет, что служит не где-нибудь, а в городе, чье название знает весь мир. Неужели родители такого хлопца пособники бандитов?

Капитан отправился в Новоселки за хозяйкой. Когда вошел в хату, тоже сразу отметил для себя — приходу его хоть и удивились, но уж очень неестественно, словно играли в удивление. Отметил и то, что жена Стасива почему-то пряла — явно не ко времени занятие, да и не ходят для этого к родственникам в гости.

— Давно вы здесь? — спросил он Стасив.

— Два дня, — с простодушным видом ответила женщина.

Стоп! Хозяин говорил, что жена его пошла к родне лишь вчера вечером. Явное и несогласованное вранье могло означать только одно — его пытаются сбить с толку, бандиты укрываются где-то на усадьбе Стасивов, но где их искать? Без помощи хозяев придется перекапывать черт те сколько, только случай поможет найти схрон, но на него рассчитывать не стоит. Нужно убедить хозяев, что для их же блага будет лучше, если они укажут бункер.

Капитан предложил женщине одеться, сесть в сани, и вместе они вернулись на хутор. В кухне, усадив заметно растерянную хозяйку за стол против себя, капитан напористо сказал:

И не стыдно вам, мамаша? Сын в Советской Армии служит, да еще в Сталинграде. Я, между прочим, в этом городе воевал. И не только за Сталинград, но и за Украину нашу. Ранен там был... Ну скажите мне, что вам плохого Советская власть сделала?

Женщина понурилась:

— Ничего... Я ей тоже ничего плохого не сделала... —

В голосе ее сквозило отчаяние. Бондарь был опытным психологом. По множеству деталей, по тому, как нервно перебирала женщина фартук, как смотрела горестно на фотографию сына, приколотую к стене, как беспомощно озиравлась на безнадежно молчавшего мужа, чекист понял — эти люди не сознательные пособники бандитов. Скорее всего, давно запуганы, да и забитость с панских времен, усугубленная годами непреходящего страха перед фашистами, называется.

В лоб, без подготовки, спросил, как выстрелил:

— Сколько у тебя сидит?

Женщина молча подняла три пальца. Не давая хозяйке опомниться, передумать, капитан продолжал задавать быстрые вопросы:

— Где?

— В дровяном сарае.

— Безногий?

— Да...

— Кто приходил?

Женщина описала. По приметам выходило — «Назар». Тяжело вздохнув, встал с лавки хозяин. Похоже, что и он стряхнул с себя застарелый, как давняя болезнь, страх.

— Пошли, укажу схрон...

В сарае Лаврин указал рукой на место, где был вход в бункер. Капитан только присвистнул: сарай чуть не в два человеческих роста был завален дровами. К тому времени добрались, наконец, из Клевани на лошадях солдаты. Двенадцать километров они преодолевали почти три часа — так завалил нежданный снег дорогу. Осторожно, под прикрытием направленных на место возможного лаза автоматов, трое солдат стали сноровисто разбирать поленницу. Когда отлетели в сторону последние чурбаны, обнаружили лаз в бункер, точнее — затыкавший его сноп соломы, обмазанный засохшей глиной.

Каждому из участников операции ранее уже не раз и не два доводилось брать с боем бандитский схрон, каждый знал, чего можно ожидать от его озверевших обитателей. Они знали также, что теперь, когда дровяное укрытие разобрано, оуновцы слышат каждое их слово. И капитан громко крикнул:

— Зот! Вы обложены со всех сторон. Предлагаю сдаться без боя. От имени Советской власти обещаю, что в этом случае вам будет оказано снисхождение...

Глаза всех были прикованы к входу в бункер. Сноп даже

не шелохнулся. Не слышно было и никаких голосов. Выходит, бандиты пренебрегли возможностью избежать кровопролития.

Капитан поднял глаза — взгляд его остановился на балке, проходившей почти точно над лазом. Его осенила хорошая мысль. По указанию чекиста солдаты принесли колодезную цепь, перебросили ее через балку и свободный конец закрепили за проволоку, стягивавшую сноп вместо веревки. Взмах руки — и, дернув за другой конец цепи, солдаты вырвали сноп из лаза. В то же мгновение из мрачной дыры загревели автоматные очереди. Солдаты тут же опустили сноп-затычку. Выстрелы оборвались.

— Выходите! Иначе забрасаем гранатами! — крикнул Бондарь. Ответом было молчание. Выходит, переговоры не состоялись. Жаль... Но его, капитана Бондаря, совесть чиста. Он дал «Зоту» и его охранникам последнюю возможность сохранить свои жизни.

Чекист вынул из сумки гранату РГД и шепнул командиру отделения:

— По моему сигналу выдерни затычку на секунду и сразу опусти...

Потом так же шепотом сказал Маркелову и Мудрицкому:

— После взрыва смотрите во дворе, откуда потянет дымом, и бейте туда дымовыми ракетами...

Объяснять что к чему не потребовалось, офицеры мгновенно поняли его замысел. Снова взмах рукой. Сержант точно — на полметра, не выше — вырвал тяжелую затычку и тут же отпустил цепь. Этого хватило, чтобы метнуть в лаз гранату. Глухо грохнул под ногами взрыв, и вот уже донесся со двора крик Маркелова:

— Вижу дымы!

В трех местах из-под снега пробивались чуть дрожащие под утренним светом едва приметные дымки, значит, в этих местах скрыты выходы отдушин хитроумной системы воздухообеспечения бункера. В каждую отдушину выстрелили дымовой ракетой. Никакого вреда обитателям бункера дым причинить не мог, но наверняка должен был заставить их покинуть убежище. Выждав немного, капитан дал сигнал солдатам поднять затычку и снова повелительно крикнул. Не спуская с открывшегося лаза дула автомата:

— Кто жив — выходите! Иначе пустим в ход гранаты!

Никто не вышел на поверхность. Это могло означать только одно — бандиты мертвы или тяжело ранены и самостоятельно подняться на поверхность не в силах. Но это

не означало, что они не станут стрелять по тому, кто первый рискнет спуститься в схрон. Выходит, надо лезть в эту черную дыру ему самому. В который раз...

Живых в бункере не оказалось. При свете аккумуляторного фонаря Бондарь увидел три трупа. У одного отсутствовала нога — «Зот». В руке бандит продолжал сжимать автомат. Последнюю очередь, это было видно по позе, он выпустил не в лаз, а в одного из своих охранников — «Павло», должно быть, сделавшего попытку сдаться. «Павло», как потом установило следствие, сам умел рисовать и резать по дереву. Видимо, он помогал «Зоту» изготавливать клише. Второй охранник «Богдан» был убит разрывом гранаты.

В трех комнатах бункера «Зота» было обнаружено шесть стволов оружия, ручные гранаты, запас продовольствия, патронов и свечей на несколько месяцев, тысячи антисоветских листовок, матрицы прокламаций, приспособления для графических работ. В личном архиве Нила Хасевича Бондарь нашел страшные рисунки: карандаш художника-убийцы профессионально точно зафиксировал предсмертные муки советских людей, казнимых фашистами и их пособниками. Некоторые документы удостоверили связь одного из руководителей националистических банд на Волыни с иностранными разведками.

Так завершилась карьера несостоявшегося художника...

КОНЕЦ РОВЕНСКОЙ «ОДЕССЫ»

На рассвете 12 августа 1948 года безмятежную тишину глухого леса близ села Медведково в Сосновском районе грубо разорвали автоматные очереди, взрывы гранат, одиночные pistolетные выстрелы...

То предприняли отчаянную и безнадешнюю попытку вырваться из сжимающегося кольца чекистско-войсковой цепи собравшиеся здесь тайно на совещание и застигнутые врасплох главари оуновских банд со своими охранниками. Почти никому не удалось уйти в спасительные дебри — кого взяли живым, а кто навсегда затих, сраженный меткой пулей или осколком гранаты.

Метрах в ста от зияющего, словно медвежья берлога, входа в замаскированный бункер командир чекистской опергруппы увидел валяющегося в болотной жиже очень худого, должно быть, высокого человека с узкой головой на длинной, тонкой шее. Под острым хрящеватым носом темнели густые, спускающиеся книзу усы, глубоко посаженные черные гла-

за полны были бессильной ненависти. Неудобная и странная поза, в которой лежал человек, говорила опытному взгляду о серьезном ранении в бок. В руке бандита тускло синел парабеллум. Он поднял руку и, похоже, собрав последние силы, отшвырнул пистолет в бездонную топь.

— Не стреляйте! — глухим голосом крикнул раненый (лейтенант и не думал стрелять в не представляющего уже опасности врага). — Я «Далекий»!

И ткнулся лицом в землю. Тяжело бухая сапогами по вязкой почве, подбежали солдаты.

— Обыскать и перевязать! — приказал лейтенант сержанту. — Уложите поосторожнее на телегу и не спускайте с него глаз. Других пленных к нему ни в коем случае не подсаживать, лучше, чтобы они его не видели вообще.

— Может, прикрыть его шинелью? — понимающе спросил сержант.

— Правильно, прикройте...

Опустив автомат, лейтенант зашагал к лазу. Этот бункер ему предстояло осмотреть с особой тщательностью. Еще бы! Ведь здесь укрывался главарь диверсионно-террористического подполья на Ровенщине, руководитель так называемого краевого провода ОУН «Одесса», известный под бандитскими кличками «Далекий», «Богослов», «Тома» и «Юрий». Этого преступника ровенские чекисты искали уже два года.

К моменту задержания «Далекому» было тридцать четыре года. Он родился в зажиточной семье в Станиславской области. Его характер — вероломный, коварный, жестокий — формировался в Станиславской духовной семинарии, где Степан Янишевский проучился три года после окончания гимназии в Перемышле. Да-да! Убийца, на совести которого лежала ответственность за гибель тысяч советских граждан, когда-то всерьез готовился стать священником.

Воссоединение Западной Украины с СССР поломало все планы Степана Янишевского построить духовную карьеру, а он мечтал именно о епископской митре, а вовсе не о сереньких буднях скромного сельского попа. И этого он никогда не мог простить Советской власти.

Два года Янишевский, человек достаточно образованный, никак внешне не высказывая свои антисоветские взгляды, преподавал школьникам историю в родном селе. И все два года убежденный националист Янишевский ждал своего часа. Связывал он его с военной мощью фашистской Германии. Дождавшись прихода оккупантов, Янишевский на-

правился во Львов и здесь получил от своего оуновского руководства распоряжение поступить на службу к гитлеровцам для оказания им помощи в наведении на захваченной советской земле «нового порядка», который, как известно, должен был начаться с физического истребления десятков миллионов граждан нашей страны, в том числе и украинцев. Янишевский приезжает в Винницу, чтобы, в соответствии с идеологией ОУН и конкретным приказом его керовников, стать солдатом 102-го «Украинского полицейско-охранного батальона». Это карательное подразделение по приказу фашистских властей сформировал и командовал им старый петлюровский генерал Омелянович-Павленко. Янишевский ни одного дня не прослужил в батальоне рядовым — он сразу получил должность инспектора уголовно-административного отдела. В октябре 1941 года этот отдел перешел в прямое подчинение гитлеровских органов полиции безопасности и СД, а затем был преобразован оккупантами в криминальную полицию Винницы.

Грамотный, энергичный, жестокий, люто ненавидевший все советское, Янишевский хорошо зарекомендовал себя в глазах гитлеровского начальства, быстро выдвинулся и занял пост заместителя начальника криминальной полиции Винницы, на котором прослужил свыше года. Фашистский прихвостень уже в ту пору по локоть запятнал свои руки кровью советских людей. Это к нему стекались доносы изменников и полицаев об оставшихся в городе коммунистах и комсомольцах, советских активистах, семьях командиров Красной Армии, лицах, подозреваемых в связях с подпольем и партизанами. Под руководством Янишевского и при его личном участии винницкие полицаи выявляли, хватали и передавали фашистам евреев. Янишевский лично выезжал для ареста и допроса подпольщиков в Ситковецкий, Погребщенский, Ильинецкий и Дашевский районы.

Душа в душу работал все это время изменник со своим непосредственным начальником, давним приспешником гитлеровцев мельниковцем Иваном Смерекой, который одно время был и редактором фашистской газеты «Винницкие вести». Жена Смереки Зоя также была агентом гитлеровской разведки. Почти весь личный состав полицейско-охранного батальона и уголовной полиции состоял из кадровых националистов. Это факт, от которого никак не открититься нынешним закордонным защитникам ОУН — УПА. Все их так называемые «идейные борцы», клявшиеся в своей приверженности «неньке Украине», начинали как подлые

изменники, ставленники гитлеровских оккупантов, палачи и убийцы.

Чего стоил один Богдан Козак, по кличке «Смок», агент абвера в Житомире, который по рекомендации Янишевского был зачислен в винницкую полицию, а позднее, когда к этим краям приблизилась наступающая Красная Армия, ушел в оуновскую банду и возглавил впоследствии зловещую СБ — «службу безпеки» ОУН на Волыни. Не только в названии — во всех методах своей работы СБ была точным подобием гитлеровских карательных органов. Методы эти были несложны и сводились в основном к пыткам и безжалостным убийствам всех сторонников Советской власти. Убивали эсбисты и оуновцев, сдавшихся с повинной или только подозреваемых в таком намерении.

В 1946 году ровенским чекистам уже было достоверно известно, что Степан Янишевский по кличке «Далекий» не ушел с гитлеровцами на Запад, а скрывается на территории области. У ряда захваченных или ликвидированных террористов были обнаружены грипсы и другие документы, из которых следовало, что свои бандитские акции они совершали по приказу «Далекого». Руководствуясь принципами гуманизма и в соответствии с законом, «Далекому» было передано предложение явиться с повинной. Он это предложение отверг. Более того, ответил на него несколькими терактами над местными жителями.

Для поимки опасного оуновского главаря были образованы три опергруппы, которые возглавили лейтенанты госбезопасности Владимир Илляш, Андрей Голубцов и Павел Распутин. Бондарю поручили координировать деятельность этих опергрупп.

Собирая материалы о «Далеком», чекисты установили, что у него была лютая вражда с керивником группы УПА «Север» Федором Воробцем по кличке «Верещака» и бывшим сослуживцем эсбистом «Смоком». Вражда доходила до того, что «высокие стороны» вынуждены были укрываться друг от друга, спасая свои жизни.

С одной стороны, это затрудняло поиски «Далекого», наверняка строго соблюдавшего законы конспирации, но с другой — открывало перед чекистами определенные возможности для оперативных мероприятий. Действительно, «Верещака», в конце концов арестованный, на следствии с явным злорадством рассказал все, что знал о своем конкуренте «Далеком». Так обозначился, пока еще достаточно смутно, район возможного местонахождения Янишевского.

В начале 1947 года в руки чекистов попала записка частного содержания, адресованная одному из связных «Далекого» бандиту «Круку» его невестой Галей. В конце письма Галя передавала «Круку» привет от отца, мамы и сестры Марийки. По некоторым деталям можно было предположить, что Галя живет где-то в Костопольском районе. Чекисты несколько недель объезжали сельсовет за сельсоветом, выясняя, живет ли там девушка по имени Галина, у которой живы и отец, и мать, и, к тому же, есть младшая сестра Мария.

Через месяц они такую Галю нашли! Более того, нашли и надежное тому подтверждение: заявление, поданное в сельсовет, с какой-то мелкой просьбой. Написано оно было тем же почерком, что и записка «Круку». За Галиной установили наблюдение, и, в конце концов, чекисты захватили «Крука» в тот момент, когда он возвращался со свидания с девушкой в свое убежище. От «Крука» ниточка потянулась к Пустомитевскому лесу...

Два месяца чекистские группы скрупулезно, квадрат за квадратом обследовали лесной массив. На одном из привалов чекист из группы Илляша заметил замаскированные объедки. Когда разгребли сначала листья, а потом землю вокруг, нашли вход в бункер, оставленный его обитателями, похоже, совсем недавно. Это была большая удача, потому что в бункере оказалась часть весьма объемного архива «Далекого».

Поиск продолжался. Через несколько дней чекисты из группы Илляша почти было захватили в лесу вооруженного бандита. Они были одеты под деревенских парней и сумели подойти к оуновцу довольно близко, но в последний момент бандит, видно, что-то почуял, выхватил оружие и, отстреливаясь, попытался скрыться... Пришлось его застрелить. Убитый оказался командиром личной охраны «Далекого» Калиной. Потом уже выяснилось, что в момент этой встречи и сам «Далекий» был неподалеку, но, слышав выстрелы, ушел в лесную чащу, бросив даже свои вещи.

И снова долгие хождения по лесу... Опергруппы были небольшие, и чекистам приходилось соблюдать все меры предосторожности, чтобы самим не попасть в бандитскую засаду. Когда шли цепочкой, замыкающий держал автомат стволом назад, не снимая при этом пальца со спускового крючка, чтобы в случае внезапного нападения с тыла немедленно открыть ответный огонь. Однажды все же попали в засаду, очутились под сильным, по счастью, недостаточно

метким автоматным и пулеметным огнем. Чекисты сумели отбить нападение оуновцев и уничтожили двоих бандитов. Один из убитых был опознан — «Скорый», из личной охраны «Далекого».

Вскоре опергруппа Илляша захватила двух известных бандитов «Индуса» и «Хмеля», а группа Распутина — двух связных. Всего же три чекистские группы обезвредили в ходе поисков свыше двадцати опасных преступников. «Далекий», чувствуя, как сжимается вокруг него кольцо, метался. Перебирался даже на время на Житомирщину. Но оттуда снова вернулся в Медведевский лес, видимо, полагая, что здесь его повторно уже искать не будут. В этом и был его просчет.

Илляш и Бондарь такую возможность предусматривали и вели за Медведевским лесом непрерывное наблюдение. И вот, наконец, «Далекий» взят, и взят живым.

...Долго вели ровенские чекисты следствие по делу Янишевского — «Далекого». Тысячи документов, скрупулезно проверенных, проанализированных, аккуратно подшитых, бесстрастно и неопровержимо свидетельствовали о безграничной глубине человеческого падения, раскрывали анатомию предательства. Они содержали прежде всего доказательства тысяч тяжелейших кровавых преступлений, в них прослеживался весь путь измены палача и убийцы.

Вернемся в последние дни сорок третьего года... Почуяв, что фашистской оккупации подходит конец, оуновцы ушли в подполье, чтобы оттуда продолжать вооруженную борьбу против Советской власти и Красной Армии. Еще при немцах они создали глубоко законспирированную сеть своих банд-групп и руководящих органов — проводов. Гитлеровцы им помогали — обеспечивали оружием, боеприпасами, снаряжением. На Волыни были созданы два провода. Прибывший на Ровенщину из Винницы Янишевский возглавил вначале, как уже было сказано, СБ группы УПА «Север», а затем нового провода «Одесса». Непосредственный его керивник Богдан Козак — «Смок».

Поначалу «Далекий» попробовал было совершить нападение на подразделение Красной Армии, да еле унес поги. В первом же бою советские воины наголову разбили банд-формирование, сам атаман получил серьезное ранение, но сумел скрыться. Впредь «Далекий» о таких нападениях и не помышлял. Занялся менее опасным, как полагал, делом — бандитизмом.

Чем занимался Янишевский как керивник СБ? Давая

показания следователю, он так ответил на этот вопрос: выявлял и ликвидировал «советскую агентуру», партизан и сочувствующих. Терроризировал население освобожденных районов, препятствовал добровольному вступлению и мобилизации мужчин в Красную Армию. Уже одно это объективно являлось прямой помощью издыхающему, но еще продолжающему оказывать яростное сопротивление германскому фашизму.

Из показания Янишевского: «После изгнания немцев из Ровенской области и восстановления Советской власти по моему указанию участниками ОУН было убито и замучено большое количество советских активистов и местного населения, которое активно помогало органам Советской власти».

Как рассказали бесстрастно справки сельских и районных Советов, в зоне, где действовали банды «Далекого», только с декабря 1944 по март 1945 года было убито и замучено свыше 250 советских граждан. Это — не считая подло убитых выстрелами в спину советских военнослужащих, партийных работников, служащих местных учреждений, учителей, колхозных активистов, работников органов госбезопасности и милиции.

В архиве «Далекого» были найдены утвержденные им смертные приговоры — их многие десятки — оуновцам, якобы уличенным эсбистами в измене или просто в недостаточном рвении. Перед казнью их пытали, добиваясь признания, что они являются «чекистскими агентами». Самой распространенной была пытка «станок», которую «Смок» позаимствовал у немцев. Несчастному связывали руки в запястьях, ноги в щиколотках, затем руки опускали ниже и вокруг колен, а под коленями пропускали палку. Затем жертву подвешивали, положив концы палки на опоры. Человек висел вниз головой и спиной, вверх ступнями, по которым его и били палками до тех пор, пока он не сознавался во всех грехах, какие ему приписывали мучители.

Член центрального провода ОУН, присутствовавший при одном таком допросе, сказал, что, если бы его самого подвергли этой пытке, он признал бы себя не только чекистом, но даже абиссинским негусом. Обреченных после допроса расстреливали, вешали, душили удавками из конского волоса, связанными бросали в колодец, иногда рубили им головы топором или отпиливали пилой.

Чудовищные зверства преследовали одну цель: запугать рядовых оуновцев до полного онемения, повязать их крова-

вой круговой порукой, пресечь мысль даже о малейшем неповиновении кривникам. Особенно свирепствовали эсбисты после того, как правительство УССР объявило об амнистии всем оуновцам, которые добровольно сложат оружие и явятся в органы Советской власти с повинной.

Да, не мог сквозь зубы не признать на следствии «Далекий»: «Препятствуя Красной Армии в ее борьбе против немцев, участники оуновского подполья явились предателями украинского народа и своей деятельностью помогали только немцам».

Как выяснилось — не только немцам... Еще до того, как в поверженном Берлине был подписан Акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии, оуновские атаманы уже заглядывали вперед, в сторону США и Англии. Теперь они уповали на военный конфликт между союзниками по антигитлеровской коалиции. Так появилась директива «Далекого» подчиненным ему боевикам: «Нам нужно делать все, чтобы ослабить Советский Союз, и в случае если советские и англо-американские войска выступят друг против друга, то ОУН — УПА организуют вооруженное восстание в советском тылу».

Чекисты обнаружили еще одну директиву подобного рода. Она предписывала бандитам ориентироваться на скорое начало третьей мировой войны, предлагала им усилить диверсионную работу и террор, срывать зернопоставки, а в случае начала боевых действий срывать мобилизацию и т. п.

Кровавый террор продолжался и после завершения Великой Отечественной войны, когда весь советский народ, в том числе и трудящиеся западных областей Украины, приступил к заживлению ран, нанесенных войной, восстановлению разрушенного ею хозяйства. Народ мечтал мирно трудиться, на благо всей страны и каждого трудящегося в отдельности. Выстрелами, взрывами и поджогами оуновцы ему в этом препятствовали. Только на Ровенщине бандиты убили свыше тысячи человек. В первую очередь ответствен за их гибель «Далекий», который к этому времени захватил в свои руки командование краевым проводом «Одесса».

Именно тогда, к слову сказать, и предложили ему чекисты сдаться. На суде «Далекий» пожалел о своем отказе сделать это. Объяснил его страхом, не верил, дескать, что его не расстреляют немедленно после сдачи без следствия и суда Лгал, конечно...

До «Далекого» доходили советские газеты, у него был радиоприемник, он читал в газетах обращения расканившихся бывших оуновцев, слышал их выступления по местному радио, призывы к тем, кто еще укрывался по схрамам, сдать оружие. Нет, не чекисты, сами оуновцы по приказу того же «Далекого» мучительными способами убивали каждого, кто, по их подозрению, мог явиться с повинной.

Но расправа над своими была лишь сопутствующим моментом в преступной деятельности бандитов. Главной задачей по-прежнему оставался террор над советскими людьми. Вот только малая толика кровавых преступлений бандгрупп «Далекого» на Ровенщине.

19 июня 1945 года убит председатель сельсовета села Микулин Кузьма Михайлович Котовец. 25 марта 1947 года в селе Деревянче Клеванского района зверски умерщвлены бандгруппой «Пьявки» служащие райпотребсоюза Александр Исаев, Иван Немировский, Иван Волков. Их обезображенные тела сброшены в колодец. В августе того же года в Жобринском лесу замучена активистка Мокрена Чирук. Прежде чем задушить женщину, бандиты выкололи ей глаза. 8 июля 1948 года в Сапожинском лесу задушен завхоз маслозавода Роман Бондарь.

Оуновцы убивали людей и поодиночке, и большими группами. Села, население которых особенно активно поддерживало мероприятия Советской власти, по приказу «Далекого» подвергались «пяткованию» — в них расстреливали каждого пятого жителя, независимо от возраста и пола. Убивали даже в большие религиозные праздники — есть сообщение об убийстве семьи, собиравшейся в Петров день идти в церковь. Бандит Адам Чирук, цинично присвоивший себе в качестве «псевдо» название прекрасного цветка «Барвинок», рассказал на следствии, как он по приказу краевого провода в селе Опилевка Деражинского района расправился с семьей сельского активиста Дубенчука: ему, его жене, дочери и сыну «Барвинок» отрубил топором головы. В селе Жобрин в доме Андрея Столярчука топора не оказалось: ему самому, его жене и сыну бандиты порубили головы лопатой. 11 мая 1948 года в селе Завидов Острожского района во время киносеанса в помещении школы выстрелами в окно убиты уполномоченный по заготовкам Василий Никифоров и местный житель Трофим Олейник...

Три года шло следствие. Уж больно длинен был список

преступлений. Тысячи документов должны были изучить следователи, выслушать показания многих свидетелей, изучить вещественные доказательства, произвести экспертизы.

Лишь после того, как вся эта работа была проделана, С. П. Янишевскому было предъявлено обвинительное заключение по обвинению его в совершении преступлений, предусмотренных сразу несколькими пунктами статьи 54 тогдашнего Уголовного кодекса УССР.

Завершая свой рассказ о деле «Далекого», полковник Бондарь обратил внимание на один характерный в психологическом аспекте эпизод:

Как-то Янишевского допрашивал молодой сравнительно следователь, лишь недавно прибывший в наши места с Урала и еще мало знавший нравы националистов, хотя сам он и был украинец. Следователь хотел уточнить некоторые детали относительно ряда террористических актов. В ответ на все свои вопросы он получил единственный ответ: «Не помню».

— Вы неискренни, — сказал следователь Янишевскому, — ссылаетесь на плохую память, чтобы уйти от ответственности.

— У меня нормальная память, — возразил «Далекий», — и в моем положении просто смешно возражать против неоспоримых фактов. Я несу ответственность за тысячи убийств, совершенных по моему приказанию. Но я не в состоянии помнить о каждом из них в отдельности...

— Это страшный ответ, — с горечью сказал Бондарь, — страшный в своей правдивости. Янишевский действительно не мог вспомнить всех своих преступлений, их было слишком много...

Дело Янишевского рассматривалось в Ровно. Обвиняемый полностью признал себя виновным по всем предъявленным ему обвинениям. Вина его была подтверждена также вещественными доказательствами и показаниями свидетелей.

На суде Янишевский сделал откровенное и важное признание:

— Мы сами, оуновцы, не в силах подорвать Советскую власть, для этой цели мы ожидали войны Англии и Америки против Советского Союза. Эта война дала бы нам возможность взять власть в свои руки. Во время войны мы рассчитывали создать большую сеть диверсионных групп на советской территории.

Не вышло. Ничего не вышло... Битой оказалась ставка

«далеких» на вооруженную мощь гитлеровской Германии. Не дождался военный преступник, гитлеровский наймит и оуновский убийца и третьей мировой войны.

СПЕКУЛЯНТ КОФЕ...

Летом 1949 года в райотдел государственной безопасности города Дубровицы пришла только что вернувшаяся на Родину после долгих лет пребывания на чужбине местная жительница, дочь бойца, погибшего на фронте, Текля Семенюк. Во время оккупации ее вместе с десятками других девушек и молодых женщин вывезли на работы в Германию. После войны территория, где Текля по 16 часов в день работала на зажиточного бауэра, оказалась в американской оккупационной зоне, и пострадавшей женщине пришлось еще несколько лет помыкаться по лагерям для перемещенных лиц, прежде чем ей удалось добиться возвращения на Родину. Но в органы госбезопасности Теклю привело вовсе не желание поделиться пережитым или попросить какой-либо помощи. Она хорошо устроилась на работу, поселилась в своем старом, уцелевшем во время войны доме, нашла оставшихся в живых мать и брата. Словом, все у нее было как надо.

Волнуясь, а оттого сбиваясь и путаясь, Текля рассказала, что в последний день своего пребывания в Берлине, накануне отъезда в Киев, она встретила человека, поразительно похожего на коменданта дубровицкой полиции Кирилла Сыголенко.

— Я увидела его на станции Фридрихштрассебанхоф. Он приехал из западного сектора. Сначала мне показалось, что это точно он, а потом засомневалась. Ведь сколько лет прошло, да и одет он иначе, как немцы одеваются, в шляпе...

Текля пошла за маленьким, круглолицым, носатым человеком, очень подвижным, даже шустрым. В руке он держал большой, туго набитый портфель из желтой свиной кожи. Человек дошел по Фридрихштрассе до Унтер-ден-Линден, пересек ее и свернул налево. В кафе у Оперного театра он задержался на несколько минут, чтобы выпить чашку кофе и переговорить о чем-то тихо с кельнером. Здесь Текля смогла рассмотреть его поближе — вроде Сыголенко... Расплатившись, человек с желтым портфелем энергично зашагал к Александерплац, здесь спустился на станцию метро и затерялся в потоке пассажиров.

— А вы часто видели коменданта полиции в Дубро-

вицах? — спросил Семенюк беседовавший с нею опер-работник.

— Да на неделе по два-три раза встречала! Только одевался он тогда иначе, носил полувоенную форму, фуражку-мазепинку с длинным козырьком. Зверь был, а не человек. Люди говорили, что евреев самолично расстреливал...

Фамилия Сыголенко уже встречалась ровенским чекистам.

При разгроме в 1948 году одной из бандгрупп в Дубровицком районе в бункере была обнаружена групповая фотография: несколько мужчин в полицейской одежде, в мазепинках с трезубами на околышах. Фотографию предъявили для опознания местным жителям. Среди других изменников они дружно назвали коменданта местной полиции Кирилла Сыголенко.

Показали фотографию и Текле Семенюк. Женщина безошибочно указала на Сыголенко, на этот раз она твердо утверждала, что видела в Берлине именно его, а не просто похожего человека. Лейтенант Георгий Федорович Петренко, которому поручили во всем этом разобраться, вспомнил, что фамилия Сыголенко как будто бы упоминается в документах, связанных с изменнической деятельностью атамана так называемой УПА «Полесская сечь» Тараса Боровца по кличке «Бульба». Точно! На некоторых документах — протоколах совещаний, в приказах Петренко нашел фамилию сотника Кирилла Сыголенко, занимавшего одно время должность адъютанта атамана и редактора газетенки «Гайдамака». Нашлась и отдельная фотография Сыголенко. На ней, без сомнения, был изображен тот самый человек, который под этими же именем и фамилией был позднее комендантом полиции в Дубровицах. Вся разница, что Сыголенко был изображен на ней не в мазепинке, а в смушковой шапке с трезубом на ленточке, какие носили в «Полесской сечи». Текля Семенюк опознала берлинского незнакомца и на этой фотографии.

Оба снимка направили в Берлин. Через некоторое время из ГДР пришел ответ. Сотрудники народной милиции опознали человека, изображенного на обеих фотографиях. Это — проживающий в Западном Берлине спекулянт Карл Ковальский. В те годы темные личности зарабатывали большие деньги на контрабандном вывозе продовольствия из столицы ГДР в западные секторы города, где оно стоило гораздо дороже.

При явном попустительстве западных оккупационных властей активно занимался этим неблагоприятным промыслом и Ковальский. Он специализировался на спекуляции кофе — разница в ценах на этот, столь любимый немцами напиток была особенно велика. Ковальского неоднократно задерживали власти ГДР за нарушение законов республики, несколько раз штрафовали, а однажды даже осудили на два года. После освобождения, однако, занятия своего он не оставил, но стал гораздо осторожнее и больше не попадался, хотя по-прежнему регулярно наведывался в столицу ГДР. Видимо, теперь он только руководил какими-то спекулятивными махинациями, а непосредственно контрабандным вывозом кофе из ГДР занимались его наемные агенты.

Между тем чекисты в Ровно шли по следам Кирилла Сыголенко. Они выяснили, что в 1943 году полицейский участок в Дубровицах подвергся нападению партизан и был разгромлен. Но Сыголенко удалось спастись бегством. Позже его видели в Сарнах — там он служил оккупантам, но уже не в полиции, а в СД. Для изменника это было изрядным повышением. На этом след обрывался.

При очередном визите в Берлин Карл Ковальский был задержан и по обвинению в том, что он является военным преступником, в соответствии с существующими международными соглашениями передан советским властям, поскольку преступления свои совершил на территории СССР. Его препроводили в Ровно. Вести следствие по делу Карла Ковальского (задержанный настаивал, что это его настоящее имя) было поручено следователю майору Николаю Михайловичу Дюкареву.

Просматривая список вещей, изъятых у арестованного и препровожденных вместе с ним, Дюкарев обратил внимание на одну строчку: «Портфель, кожаный, желтого цвета». Невольно улыбнулся — этот портфель упоминался во всех показаниях Текли Семенюк.

В конце мая 1951 года майор впервые встретился в своем кабинете с Ковальским. Перед ним на табурете сидел маленького роста человек лет сорока пяти, большелобый, лысый, с глубоко посаженными серыми глазами под густыми дугообразными бровями, большим мясистым носом и скошенным подбородком. Держался он напряженно, но собой вполне владел.

О себе заявил — Карл Николаевич Ковальский, родился на Львовщине, образование получил в Вене и Кельне.

Работал агентом по сбыту мануфактуры в фирме «Шлехтер». Учился на юридическом факультете университета в Кельне, откуда был исключен после прихода Гитлера к власти. В 1936 году переехал в Польшу, до 1939 года работал продавцом в магазине. В сентябре 1942 года был арестован в Варшаве немцами и отправлен в Германию, где до самого конца войны содержался в различных концлагерях, в том числе в лагере смерти Дахау. После освобождения обосновался в Западном Берлине, где получил пособие, как лицо еврейской национальности, пострадавшее от фашизма!

Последнее обстоятельство не могло не смутить следователя. В самом деле, дикой могла показаться сама мысль, что мелкий еврейский торговец, пускай и осужденный за спекуляцию, мог быть начальником полиции у гитлеровцев и сотником украинского буржуазного националиста атамана «Бульбы»! Быть может, Текля Семенюк все же ошиблась? Вот и документ у Ковальского убедительный — членский билет западноберлинской еврейской общины... Впору извиняться перед арестованным и отправлять обратно.

Но следователь этого не сделал — неоднократно повторенная экспертиза трех фотографий неопровержимо свидетельствовала: комендант полиции в Дубровицах Сыголенко, сотник УПА «Полесская сечь» с той же фамилией и спекулянт из Западного Берлина Карл Ковальский — одно и то же лицо!

Между тем, пока следователь Дюкарев методично и настойчиво работал с подследственным, в который раз повторяя одни и те же вроде бы вопросы и аккуратно записывая одинаковые вроде бы ответы (на самом деле, в ответах накапливались расхождения), лейтенант Петренко активно занимался розыском лиц, которые могли иметь дело с Сыголенко как с комендантом полиции.

Тут надо отметить одно существенное обстоятельство. Работник органов госбезопасности или милиции, ведущий розыск, в отличие от следователя не осуществляет процессуальной функции. Он может с достоверностью выяснить тысячу фактов, установить все, самые мелкие обстоятельства совершения преступления, но они не будут иметь доказательной силы. Суд даже не примет их к рассмотрению. Законную силу приобретают только те вещественные доказательства и свидетельства очевидцев, которые скрупулезно зафиксированы в точном соответствии с уголовно-процессуальным кодексом той или иной союзной республики, в данном случае УССР. Как это всегда бывает, далеко не

каждый факт, обнаруженный усилиями Петренко и других, помогавших ему чекистов, мог быть использован следователем.

Страшная, опустошительная война пронеслась над этими местами. Тысячи людей погибли. Сгорели, исчезли и многие документы. Но все же нашлись и живые свидетели, отыскились и некоторые уцелевшие бумаги. Установлены и бывшие дубровицкие полицейские, отбывавшие теперь заслуженное наказание в местах заключения, и бывшие бульбаши, помнившие сотника Сыголенко.

Местные жители показали, что неоднократно видели Сыголенко, когда осенью 1941 года он разъезжал вместе с атаманом «Бульбой» по окрестным селам, выступал на насильственно собираемых митингах, уговаривал — посулами и угрозами — молодых парней вступать в «Украинскую повстанческую армию» (УПА) «Полесская сечь», чтобы вместе с немецкими войсками воевать до победного конца с большевиками.

Нашелся и приказ № 19 от 10 сентября 1941 года, по которому «за боевую и отличную организацию работы в боевых операциях за г. Олевск и за ликвидацию всех московско-большевистских и регулярных банд на Олевщине» повышается и утверждается в звании сотника Сыголенко Кирилл Николаевич.

Приказ подписали атаман Тарас «Бульба», начальник штаба бывший петлюровский полковник и агент немецкой разведки Петр Смородский, адъютант атамана хорунжий Юрий Круглый-Дорошенко. Вскоре Круглого-Дорошенко настигнут пули советских партизан, и штабные документы в качестве адъютанта будет подписывать свежеиспеченный сотник Сыголенко. А потом атаман поручит своему любимцу Сыголенко по совместительству еще и редактирование газетки с пышным названием «Гайдамака». Выходит, Сыголенко был не просто одним из обычных «сечивиков», он входил в число особо доверенных лиц, отличившихся перед немцами и националистами в боях с окруженными подразделениями Красной Армии в районе Олевска, а также в последующих схватках с местными партизанскими отрядами.

Разыскали чекисты еще один примечательный документ: протокол совещания старшин УПА «Полесская сечь» от 18 ноября 1941 года, на котором председательствовал сам атаман, присвоивший себе к тому времени чин генерал-хорунжего. На этом совещании сотник Сыголенко доклады-

вал, что прибывший к ним капитан войск СС Гичке запросил у бульбашей помощи в поголовном расстреле к 19 ноября всех евреев Олевска.

Следователь Дюкарев имел на руках и другой документ. Из него было ясно, что в точно назначенный эсэсовцем срок шестьдесят бульбовских «казаков» под командованием двух старшин расстреляли 535 советских граждан еврейской национальности в городе Олевске.

Под давлением неопровержимых улик подследственный, наконец, сознался, что он действительно Кирилл Сыголенко, бывший сотник УПА «Полесская сечь». Ни в Вене, ни в Кельне он никогда не учился, в фашистских лагерях смерти не сидел. Документы на имя Карла Ковальского попали к нему в руки в конце войны совершенно случайно, по ним он и зарегистрировался в еврейской общине Западного Берлина, чтобы получить пособие и открыть на него какое-нибудь дело.

И опять следователь усомнился: и в том, что документы еврейского мелкого торговца случайно попали к сотнику «Бульбы», и в том, что тот обратился в общину лишь с целью получить пособие. Документы на чужое имя, но с твоими приметами просто так на улице не валяются. Да и пособие не было настолько большим, чтобы Ковальский мог приобрести на него в Западном Берлине собственный дом, как он это сделал. Регистрация в общине нужна была Сыголенко прежде всего для того, чтобы надежно укрыться от правосудия. Ну кому, в самом деле, придет в голову искать сотника УПА, впоследствии коменданта полиции в еврее, чудом выжившем в лагере смерти Дахау?

Между тем лейтенант Петренко продолжал уточнять факты бурной биографии Сыголенко. Оказалось, что с «Бульбой» Сыголенко расстался при невыясненных обстоятельствах в декабре 1941 года и сразу занял должность переводчика в жандармерии в Сарнах. Видимо, сей «идейный националист» служил оккупантам верой и правдой, иначе было бы просто немыслимо последующее, летом 1942 года, назначение на пост коменданта полиции в Дубровицах.

Майор Дюкарев был опытным и квалифицированным следователем, но и ему стоило больших трудов держать себя в руках. Он быстро понял, что подследственный — человек малообразованный, но от природы достаточно умный, по-житейски хваткий, из тех, про которых говорят, что такому пальца в рот не клади. Сыголенко владел не-

сколькими языками почти в равной степени — это было характерно для жителей сел и местечек Западной Украины, где на протяжении многих лет жили бок о бок украинцы, русские, поляки, евреи, немцы, чехи, мадьяры. Это затрудняло установление его национальности и подлинного места рождения. Лгал он совершенно беззастенчиво, громоздил одну версию на другую, вовсе не задумываясь о логике, не смущаясь явных противоречий. Когда его уличали, не терялся, а с необычайной легкостью выдумывал что-нибудь новенькое.

Майор прекрасно понимал, что Сыголенко явно чего-то боится, и боится смертельно, что эта кажущаяся наивной ложь на каждом шагу далеко не наивна. Сыголенко борется за жизнь, пытаясь взять следователя измором, заставить его остановиться на сравнительно безопасном варианте обвинительного заключения. Таковым, по-видимому, для Сыголенко было признание, что он некоторое время находился при штабе «Бульбы». Если следователь ограничился бы только этим периодом его биографии, сотнику грозило бы только лишение свободы. Сыголенко не знал, что следствие располагало уже точными данными о куда более тяжких преступлениях, нежели участие в УПА.

...Начальник дубровицкой полиции Кирилл Сыголенко дотошно следил за исполнением местными жителями всех приказов и распоряжений фашистских властей, изымал у населения продовольствие, скот, теплые вещи, выискивал коммунистов и комсомольцев, лиц, помогавших или сочувствовавших партизанам. В середине лета он получил от немцев указание особой важности, которое выполнил оперативно и без колебаний: как уже упоминалось, согнал в гетто около тысячи советских граждан еврейской национальности, проживавших в самих Дубровицах и окрестностях. Подтвердились и показания местных жителей, что именно Сыголенко отправил обреченных под конвоем в Сарны, где все они были почти сразу расстреляны.

Свидетели рассказали, что летом 1942 года полицаи обнаружили в городке еще девятнадцать скрывающихся у добрых людей евреев, в том числе несколько детей. Их не стали отправлять в Сарны, а расстреляли на еврейском кладбище Дубровиц. Командовал акцией и лично в ней участвовал комендант Сыголенко. Через несколько дней полицаи обнаружили еще около пятидесяти евреев. Нашлись очевидцы, в том числе и бывшие полицаи, которые показали, что видели, как Сыголенко выхватывал у матерей

детей, поднимал в воздух или ставил на ноги, если дети были постарше, и стрелял в них из пистолета.

— Что вы на это скажете? — спросил следователь, предъявив Сыголенко эти показания.

Подследственный все категорически отрицал. Да, евреев собирали по приказу немцев и отправляли в Сарны. Но он и не подозревал, что их там убьют.

— Как не подозревали? — снова задал вопрос следователь. — Вы разве забыли, что сделали оккупанты с евреями в Олевске?

Сыголенко не нашелся, что ответить. Но категорически отверг обвинение о причастности к расстрелам в Дубровицах. Таковых вообще не было, он не припоминает. Свидетели что-то путают или оговаривают его.

И вот уже весной 1952 года в Дубровицы выезжают чекисты И. Т. Семикоз и С. Ф. Силецкий. В составе большой и представительной комиссии они участвуют во вскрытии двух могил в тех местах, где по показаниям свидетелей происходили в 1942 году массовые расстрелы. Из земли извлекаются свыше семидесяти трупов...

Под давлением неопровержимого документа — официального акта комиссии — Сыголенко признает, что расстрелы были, но отрицает, что в числе жертв имелись дети. Не возражая, следователь протягивает ему несколько фотографий: останки извлеченных из рва детей...

Лишь на секунду теряется подследственный, и вот он уже признает, что среди убитых были, как он теперь припоминает, дети, но лично он их не убивал.

Ему предъявляется еще один документ: все дети убиты выстрелами из пистолета. Между тем полицейские, участники «акции», были вооружены только винтовками. Пистолет имел только комендант полиции, то есть он, Сыголенко...

Признав, в конце концов, свое участие в массовом истреблении советских граждан, Сыголенко счел, что дальнейшее заpiresательство уже ничего ему не даст, и подробно рассказал о своей дальнейшей службе в гитлеровских разведывательных и карательных органах.

В октябре 1944 года его перевели вначале в Кенигсберг, а затем в Потсдам под Берлином. Теперь он уже являлся штатным сотрудником фашистской службы безопасности СД. Специализация Сыголенко была из самых мерзких — он вынюхивал по лагерям военнопленных подпольные организации сопротивления. В 1945 году, почуяв скорый конец третьего рейха, Сыголенко изготовил себе, пользуясь воз-

можностями СД, документы на имя Карла Ковальского, сумел забиться в какую-то щель, отсидеться в ней, а затем вынырнуть уже в западных секторах Берлина в качестве «жертвы нацизма».

Примечательно, что в Потсдаме Сыголенко встретил своего бывшего атамана. Правда, Тарас «Бульба» к этому времени уже и не вспоминал о своем атаманстве, не кичился и опереточным званием «генерала-хорунжего», как и бывший «сотник», он был заурядным сотрудником все той же фашистской разведки.

Таким образом, следствие располагало уже достаточными доказательствами, чтобы предъявить Ковальскому-Сыголенко тяжкое обвинение в измене, участии в вооруженной борьбе против Красной Армии, службе в фашистской полиции, а затем СД, участии в массовых убийствах советских граждан. Удалось выяснить также, откуда взялись у Ковальского деньги, на которые он приобрел в Западном Берлине дом. Он попросту грабил свои жертвы, в первую очередь, присваивал изделия из золота. Были также случаи, когда он вымогал у обреченных людей драгоценности, обещая им сохранить жизнь. А потом все же убивал... Невзрачный маленький человечек сумел сберечь награбленный желтый металл вопреки всем превратностям войны.

В биографии Сыголенко, однако, долгое время сохранялось значительное белое пятно — первые сорок лет его жизни. Следствие сумело прояснить и его. Изменник и убийца был родом из Львова. Настоящее его имя и фамилия — Хаим Сыгал. Оказавшись после оккупации гитлеровскими войсками западных областей Украины в Новограде-Волынском, он связался здесь с украинским националистом Крыжановским, занимавшим пост бургомистра города Корца, и через его посредничество был под видом «широкого украинца Кирилла Сыголенко» направлен к атаману УПА «Полесская сечь» Тарасу «Бульбе».

К сожалению, во время следствия не удалось установить, каким образом опытные оуновцы Крыжановский и «Бульба» поверили в украинское происхождение Сыгала — Сыголенко, каким образом поверили в это же сотрудники гитлеровской жандармерии и СД, почему молниеносно, без малейшей проверки его жидкой легенды, выдали ему членский билет также достаточно умудренные жизнью руководители еврейской общины Западного Берлина, почему так снисходительны были к его похождениям американские оккупационные власти...

Сегодня этому есть объяснение. Но тридцать лет назад еще многого не знали о тайных связях служителей «Звезды Давида» с приверженцами свастики, трезуба и американского орла...

«ВСТАТЬ! СУД ИДЕТ!»

И со стуком откидываются одновременно сиденья сотен кресел в зале Острожского дома культуры.

Вместе со всеми поднимается за деревянным барьером, отделяющим скамью подсудимых от зала, маленький, щупловатый на первый взгляд, но крепкий и жилистый на самом деле человек неопределенного возраста с острым, выступающим вперед подбородком и большими, развернутыми вперед ушами. Широко раскрытые глаза устремлены на судей — в них напряженное внимание. Это единственный подсудимый — Степан Олейник, бандитская кличка «Корба» (так по-украински называется вóрот колодца). Неприятное лицо, но не более того. В представлении большинства людей самое понятие бандит непременно включает в себя по крайней мере что-то физически внушительное. А тут — совершенно неприметный человечешко, быть может, мелкий жулик, но чтобы бандит, убийца? Да неужто?! Да, бандит. Да, убийца.

Многომесячное следствие собрало тому неопровержимые доказательства. Обвинительное заключение было доказано по всем пунктам и в ходе открытого судебного заседания под председательством В. И. Омеляненко и при участии заместителя прокурора Ровенской области советника юстиции В. С. Полевого.

В нашей стране существует установленный законом срок, истечение которого влечет исключение уголовной ответственности за совершенное преступление, — так называемый срок давности. Это гуманный принцип, как норма права он присутствует в законодательстве всех современных цивилизованных государств. Но есть исключение. Президиум Верховного Совета СССР Указом от 4 марта 1965 года постановил, что лица, виновные в преступлениях против мира и человечности и военных преступлениях, подлежат наказанию, независимо от времени совершения преступления.

Известно, что уже много лет на Западе определенные круги, в том числе неонацистские, ведут ожесточенные нападки на это справедливое исключение, которого при-

держиваются все страны, испытавшие на себе все ужасы фашистской агрессии и оккупации. Известно также, что все эти попытки добиться отмены этого исключения потерпели провал прежде всего благодаря решительному протесту прогрессивных, антифашистских сил, которые отвергают саму мысль о том, что гитлеровские палачи могут официально избежать ответственности за свои преступления. Отмена этого исключения означала бы на практике, что тысячи преступников смогли продолжить в полной безопасности уже на законном основании свою политическую и иную деятельность, направленную против мира и человечности.

...В 1942—1945 годах на Ровенщине, в основном на территории Острожского района, бесчинствовала «сотня» некоего Евгена Басюка по кличке «Черноморец». В непосредственном контакте с «сотней» действовала и «боевка» оуновской службы безопасности СБ под командованием Саввы Гордейчука по кличке «Якорь». Оба националистических выкорыща были давно связаны с фашистской разведкой и своей националистической демагогией лишь прикрывали задания, получаемые, в сущности, от немцев. «Черноморец» закончил в свое время офицерскую школу в Австрии. «Якорь», прежде чем принять «боевку», служил в немецкой полиции в Остроге.

Полную зависимость националистов от оккупантов подтверждают многие документы, захваченные чекистами. Так, инструкция службы безопасности прежде всего требовала от ее боевиков «укрепления устройства и порядка, которые будет устанавливать своим аппаратом на наших землях союзник». Под союзником подразумевалась гитлеровская Германия. Ну а что такое был устанавливаемый ею «новый порядок» — и по сей день помнит Украина, равно как и другие советские республики, испытавшие ужас оккупации. Так что функции украинской СБ в этом отношении ничем не отличались, по сути дела, от функций эсэсовской организации со схожим сокращенным названием СД. Да и методы у обеих были одинаково преступными: провокации, террор, убийства, поджоги...

В составе сотни «Черноморца», а затем боевки «Якоря» несколько лет состоял и активно действовал тогда еще молодой «Корба».

«Черноморец», в конце концов, был задержан чекистами и приговорен советским судом к лишению свободы на длительный срок. Эсбист «Якорь» был убит в 1952 году

при проведении чекистско-войсковой операции. Олейнику же в свое время повезло.

6 апреля 1945 года группа чекистов и солдат Красной Армии обнаружила в Завидовском лесу подземное бандитское убежище. Оуновцы отвергли предложение сдаться без кровопролития и оказали отчаянное сопротивление: открыли огонь из автоматов, бросали ручные гранаты. В бою получили тяжелое ранение лейтенанты Н. К. Ус и Н. И. Бушуев, старший сержант М. К. Широков и рядовой Т. Кударов из 3-й стрелковой роты 217-го отдельного батальона войск НКВД.

В числе захваченных тогда бандитов был и «Корба». Однако на следствии не были вскрыты самые тяжкие его преступления, в том числе истязания и зверские убийства многих советских граждан. Он был осужден как рядовой оуновец, оказавший при задержании вооруженное сопротивление.

Отбыв наказание, Степан Олейник вернулся на Ровенщину и поступил на работу в Острожскую областную психиатрическую больницу. В одной и той же скромной должности конюха он проработал здесь до самого своего нового ареста в 1982 году.

Надо сказать, что в разных местах нашей страны, в том числе и в западных областях Украины, проживают и по сей день многие бывшие оуновцы, как амнистированные по явке с повинной, так и отбывшие наказание, определенное им судом. Всем им Советская власть предоставила возможность нормально жить со своими семьями, работать. От них самих зависело, как проживут они оставшуюся жизнь, сумеют ли загладить честным трудом свою вину перед страной и народом, заслужить прощение. И многие из них сумели переоценить прошлое, глубоко раскаялись в содеянном, добросовестно трудились в разных отраслях народного хозяйства. Некоторые из них выступили в печати и на радио с осуждением своей былой преступной деятельности, разоблачили нынешнюю антисоветскую возню националистов, обосновавшихся за рубежом и укрывшихся под крылышком империалистических разведок. К этим лицам Советская власть не имеет сегодня никаких претензий.

Не имела бы она их и к «Корбе», если бы он в свое время пришел с повинной или, будучи схваченным, покалялся бы чистосердечно в совершенных преступлениях. Но этого не произошло. За последующие тридцать с лишним лет убийца так и не нашел в себе мужества рассказать всю

правду. Надеялся, видно, что никогда не проступит наружу обильно пролитая им кровь безвинных людей.

Почему же не стали своевременно известны преступления «Корбы»? Прямо скажем: тогда, в сорок пятом, действовал еще глухой страх. Знали некоторые люди, что не рядовой бандит был «Корба», да молчали, боялись мести со стороны скрывавшихся еще по лесам да схронам его сообщников. Рады были уже и тому, что услали его на сколько-то лет подальше от их мест. Ну а когда Олейник вернулся, полагали, что отбыл бандит за все содеянное.

Только зимой 1981 года стали докатываться до властей некоторые слухи. Поначалу зыбкие, расплывчатые, постепенно обретали они четкость, наводили на серьезные размышления, требовали принятия определенных мер. Так, за короткий срок неизвестные люди несколько раз били крепко по ночам конюха Олейника неведомо за что. Никаких жалоб, однако, в милицию потерпевший не подавал. Последний раз сильно побили на свадьбе в одном селе, при этом кто-то кричал:

— Так и надо тебе, кат проклятый!

Кто-то рассказывал (а на селе, известно, секретов нет, любая новость прокатится по всей округе без задержки в оба конца, пока не останется ни одного человека в неведении), что в некоторых местах не больно разумные матери и ныне пугают детишек при непослушании:

Не будешь спать — придет «Корба», бросит тебя в колодец!

Это уже настораживало. Чекистам было известно, что в конце сороковых годов оставшиеся непойманными бандиты сбрасывали тела своих жертв в колодцы. Стали искать свидетелей, сначала по слухам: кто-то что-то от кого-то слышал, а тот вроде бы своими очами видел... Терпеливо шли сотрудники Ровенского управления КГБ по тонкой, готовой в любой момент оборваться ниточке от свидетелей косвенных к свидетелям прямым, а то и пострадавшим.

Чекисты подняли старые материалы, нашли списки людей, погибших от рук бандитов при обстоятельствах, не раскрытых и по сей день. Так снова выплыли на свет фамилии Панасины Манько и Ксении Масловской, чью гибель людская молва все более упорно связывала с именем «Корбы». Потом пошли разговоры, что якобы тот же «Корба» убил зимой сорок четвертого года двух солдат Красной Армии.

Этот факт поддавался проверке. Старые документы, под-

нятые из архивов, подтвердили, что 13 февраля 1944 года на хуторе Завидовском бандиты из боевки «Якоря» убили помощника начальника штаба 866-го полка лейтенанта П. О. Короля и рядового П. С. Зайцева. Тела убитых были вскоре обнаружены и захоронены в братской могиле советских воинов в поселке Шумск. Обоих бандиты подстерегли в засаде. Расправу над Зайцевым учинили в землянке (все жилища почти в округе были спалены немцами при отступлении) семьи Фридрих. Лейтенанта же убили в усадьбе Йозефа Врубеля.

«Корба» в этот период как раз состоял в боевке «Якоря», но доказать его прямое участие в преступлении было не так-то просто, как, впрочем, и в других расправах над советскими людьми.

Первый документ появился в прокуратуре только в конце 1981 года. Житель села Завидов А. И. Коханский утверждал, что в 1943 году его за то, что он непочтительно отозвался об оуновцах, жестоко истязал — порол шомполом Степан Мартынович Олейник по прозвищу «Корба», ныне работающий конюхом в Острожской психиатрической больнице. Через несколько дней стала известна еще одна жертва бандита — жительница села Грозов Анастасия Горчук. Ее «Корба» тоже жестоко избил шомполом, в результате чего Горчук долго болела и навсегда осталась инвалидом. Судебно-медицинская экспертиза показала, что спустя почти сорок лет на теле обоих пострадавших сохранились глубокие рубцы от ударов стальными шомполами. На спине Анастасии Горчук таких шрамов насчитали пятнадцать. По заключению экспертов, жертвы при истязании испытывали сильнейшую боль, а последствия должны были серьезно сказаться на дальнейшем состоянии здоровья, что и имело место в действительности.

Теперь уже следователи Ровенского УКГБ УССР имели исходные материалы, отталкиваясь от которых они могли приступить к достижению истины и восстановлению справедливости. В розыскную работу включилась и группа оперативных работников. Почти все они были молодыми чекистами, послевоенных годов рождения. Предателей Родины, пособников немецко-фашистских оккупантов никто из них в лицо никогда не видел, об их чудовищных преступлениях в период оккупации Украины они знали только по книгам, кинофильмам, рассказам людей старшего поколения, отчасти — по старым архивным делам.

Ровенские чекисты работали не одну неделю, пока со-

брали достаточное количество доказательств, уличающих Олейника в убийстве по крайней мере еще двух семей — Масловской и Манько. Следы преступления привели их к заброшенному колодцу в селе Малое Деревянче. Дурная слава была у этого источника, много лет никто не пытался восстановить его...

Нелегко, известное дело, вырыть колодец, без которого немисливо существование ни большого села, ни малого хутора. Потому мастерá, умеющие найти место, где есть вода, вырыть колодец и оборудовать его так, чтобы служил он верой и правдой людям десятки, а то и сотни лет, пользуются в народе большим уважением, даже почетом. Это редкая профессия, а в наши дни, прямо скажем, и вовсе исчезающая. Но, оказывается, отрыть заваленный старый колодец гораздо труднее, нежели выкопать новый. Тут уж нужен мастер высшей квалификации. К тому же дело это рискованное: слабые стенки в любой момент могут обрушиться, завалить мастера многопудьем земли и камней.

Чекисты нашли такого специалиста. Им оказался уже немолодой, но крепкий человек, ветеран Великой Отечественной войны, ныне колхозный механизатор Василий Николаевич Гребенюк.

Узнав, для чего нужно разобрать колодец, старый солдат сказал взволнованно:

— Это дело святое... Сделаю, на то мы и фронтовики...

Следователь, который вел дело, рассказывал нам потом с нескрываемым восхищением:

Я и сейчас не могу понять, хотя при сем присутствовал от начала и до конца, как это ему удалось. Как выяснилось, колодец был завален не только землей, но и большущими камнями. Стенки оказались весьма ненадежными. Мастеру пришлось работать в стальной трубе, которую сверху постепенно опускали вниз по мере того, как он углублялся в землю. Диаметр трубы — метр и десять сантиметров. Как Василий Николаевич умудрялся в ней работать, выкидывать землю и особенно переваливать через себя и отправлять наверх каменные глыбы — ума не приложу. Если бы такой каменюка вдруг сорвался — убил бы наповал, ведь увернуться ему в трубе было невозможно. Бесстрашный человек!

...На глубине примерно 10—12 метров были обнаружены останки трех тел. Но не Манько и ее детей. Это были скелеты бывшего рядового красноармейца Сергея Федоровича Пидоренко, Марии Панасюк и ее тринадцатилетнего сына

Василька. Марию и мальчика эсбисты убили за то, что старший сын Марии, сам бывший оуновец, пришел с повинной. (Следствию не удалось доказать причастность Олейника к этим убийствам, и они не были вменены ему в вину.)

Наконец, на глубине свыше семнадцати метров (это опрокинутая вниз высота пятиэтажного дома!) копатель нашел останки еще трех тел — Панасины Манько и ее сыновей пятнадцатилетнего Петрика и двенадцатилетнего Алеши. Бывшие соседи сразу признали кольцо на указательном пальце правой руки: Панасины кольцо, обручальное...

Получены были также свидетельства участия Олейника в убийстве Ксении Масловской.

Решением высоких судебных инстанций в соответствии с законом приговор от 20 апреля 1945 года в отношении Олейника С. М. был отменен. Дело поступило в следственные органы для рассмотрения по вновь открывшимся обстоятельствам. В ходе нового следствия был прослежен весь путь предателя и изменника.

Степан Олейник родился в кулацкой семье и воспитан был соответственно. Не случайно три его брата, как и он, стали бандитами под кличками «Пизнейко», «Бияк» и «Муха».

В сентябре 1942 года Степан вступил в «сотню» немецкого агента «Черноморца», заслужил в ней репутацию жестокого, безжалостного боевика и кличку «Корба». Вместе с другими бандитами выискивал по селам людей, поддерживающих связь с советскими партизанами, а найдя — убивал. Действия эти были прямым содействием немецко-фашистским оккупантам и должны были потому уже квалифицироваться как измена Родине.

Как доказавший свою безусловную преданность трезубу и свастике, «Корба» был переведен в систему СБ — стал заместителем так называемого подрайонного коменданта СБ «Якоря». В боевку входило 10—15 отъявленных убийц, но даже среди них «Корба» выделялся своим садизмом. Боевка «Якоря» занималась уничтожением советских граждан главным образом в селах Гремяч, Грозов (откуда был родом Олейник), Завидов, Лючин, Розваж, Балашов, Малое Деревянче, а после освобождения — и отдельных советских военнослужащих. Так убили «Корба» и «Якорь» лейтенанта Короля и рядового Зайцева.

Весной 1944 года скрывавшиеся в глухом лесу бандиты

узнали, что житель села Лючин Терентий Масловский отверг их предложение вступить в банду и ушел в Красную Армию. «Якорь» с «Корбой», в соответствии с общей директивой высших проводов ОУН, приняли решение убить жену Масловского, чтобы, запугав население, сорвать мобилизацию парней и молодых мужчин в Красную Армию. Эта директива националистического руководства, как с несомненностью следовало из захваченных во Львове трофейных немецких документов, была согласована с фашистским командованием.

У Ксении Масловской было трое двухлетних детей-близнецов: Вера, Лиза и Павлик. Когда бандиты вошли в дом, Ксения держала двоих на руках, а Лиза, уцепившись за подол матери, испуганно глядела на незнакомцев. Ксения плакала, умоляла пощадить ее, не лишать малых детей матери.

Напрасны были слезы и моления. В присутствии двух взрослых свидетельниц, окаменевших от ужаса, «Корба» выстрелил из нагана в лицо Ксении.

Олейник признал это преступление. Добавил даже несколько деталей, которых не знал следователь:

Страшно кричали дети. Масловская еще была жива. Подрайонный комендант «Якорь» добил ее прикладом.

Экспертиза подтвердила, что смерть К. Е. Масловской наступила в результате выстрела из револьвера в голову с близкого расстояния.

Через несколько месяцев Вера, Лиза и Павлик осиротели совсем: их отец Терентий Никанорович Масловский пал смертью храбрых при освобождении Советской Латвии.

В марте того же 1944 года Олейник с группой бандитов расправился с семьей еще одного солдата Красной Армии Федора Даниловича Манька. С ними расправа была особенно жуткой: наиздевавшись в землянке над беззащитной женщиной и ее сыновьями Петром и Алексеем, бандиты связали им руки кусками колючей проволоки и еще живыми сбросили в колодец...

Утром помертвевшие от ужаса жители села Малое Деревянче слышали из колодца стоны и слабые женские крики: «Ратуйте! Ратуйте!» Услышал их и пьянствовавший со своими бандитами «Корба». Он подошел к колодцу, глянул вниз и со словами «Теперь кричать не будет!» бросил туда гранату. Потом эсбист заставил первых подвернувшихся ему под руки людей принести камни и закидать ими колодец.

Эксперты, просеяв поднятую из колодца землю, об-

наружили в ней осколки гранаты РГД — по показаниям свидетелей именно такую гранату бросил туда Олейник.

В ночь на 12 ноября 1944 года «Корба» и его группа уничтожила на Грозовских хуторах у села Гремяча еще две семьи — Трофима Саввича Острогорова и Демьяна Ивановича Рудого. Жену Рудого Марту и сына Якова убийцы сожгли прямо в землянке.

Трофима Острогорова и старшего сына Рудого — Иллариона бандиты связали и, усадив на телегу, повезли в лес, видимо, хотели расправиться с ними на своей базе. Лошадей погонял сам «Корба». Трофиму Острогову каким-то образом удалось освободить руки, после чего он изо всех сил ударил Олейника кулаком по голове и вместе с Илларионом убежал в лес... Илларион Рудый, ныне сельский учитель, рассказал на суде, как ему с соседом чудом удалось спастись и как бандит «Корба» убивал его родных и семью соседей.

Свидетельскими показаниями было доказано также убийство Олейником еще трех крестьян — Йозефа Врубеля, его дочери Марии и Анны Шишки — этих уничтожили лишь потому, что они были свидетелями одной из расправ. Из показаний свидетелей стало известно, что детей Острогоровы, младшему было всего несколько месяцев, хватали за ноги и били головой о стену. Тела убитых нашла сестра Евдокии Острогоровой Ганна Кушпиль. Она показала, что у каждого ребенка были сломаны ручки и ножки.

...Сменяют друг друга свидетели. Зачитываются официальные документы, акты судебно-медицинских и иных экспертиз. Оглашаются заверенные показания раненых при обезвреживании «Корбы» лейтенанта Уса и старшего сержанта Широкова. В переполненном зале — наэлектризованная тишина, прерываемая изредка то женским плачем, то приглушенным стоном. Один раз только вскричал кто-то, не выдержав:

— Господи! Да как он мог спать спокойно столько лет!

Съежился в своем коротком полушубке подсудимый, словно стал еще меньше ростом.

Председательствующий предоставляет слово общественному обвинителю, директору Белашовской школы-восьмилетки Татьяне Родионовне Харченко.

Гляжу я в зал, — говорит учительница, — и вижу, как много среди вас молодых, тех, кто не знает, что такое война, что такое оуновщина, кто не слышал стога земли, не видел крови родных и близких, не видел страданий и

несчастий. Будьте счастливы, что вы можете спокойно спать, громко говорить, смеяться, петь. Что мать не ставит вас с вечера на колени перед образами со словами: «Молись, если хочешь дожить до утра! Пусть навек будут прокляты бандеры, мельники, стежки, якори и корбы!»

Суд признал Олейника С. М. — «Корбу» — виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьями 54 ч. I и 64 УК УССР, и приговорил его к исключительной мере наказания — расстрелу...

ПРОКЛЯТЫЕ ПРИ ЖИЗНИ

Нет оправдания... Нет прощения... Эти слова не раз и не два звучали в наших долгих беседах с полковником Бондарем и его товарищами.

Подавляющее большинство фашистских преступников справедливое возмездие настигло еще на полях сражений — когда громили их доблестные войска Красной Армии и советские партизаны. Сурово покарали уже после войны многих главных и второстепенных военных преступников Международный трибунал в Нюрнберге, национальные судебные присутствия СССР, Польши, Югославии, Чехословакии, Франции, Бельгии, Голландии. Нет сомнения, что ни один фашистский изувер не ушел бы от ответственности, если бы... Если бы не приняли их под свое широкое крыло спецслужбы и правящие круги империалистических держав, прежде всего США. Бывшие фашистские террористы, шпионы, полицаи, осведомители гестапо и эсэсовские палачи стали надежной базой, откуда черпали людские ресурсы западные шпионские и пропагандистские центры. «Нет отбросов, есть материал» — этот давний циничный девиз немецкой разведки теперь стали исповедывать спецслужбы стран, бывших участниц антигитлеровской коалиции. Подхватило его и новое разведывательное ведомство Западной Германии, которое возрождал при поддержке оккупационных властей генерал Гелен, в недавнем прошлом фашистский разведчик.

Не возмездие и кару — надежное укрытие, более того, работу по старой шпионской специальности нашли у них вышвырнутые с советской земли, бежавшие вместе с оккупантами и многие изменники, в том числе активные пособники гитлеровцев — керивники украинских буржуазных националистов разной окраски.

Никто из главарей бандеровцев, мельниковцев, бульбашей

не пожелал лично остаться в подполье, эту сомнительную честь они предоставили сравнительно мелкой сошке в желто-блакитной иерархии и рядовым бандитам, сами же предпочли укрыться за границами оккупационных зон Германии, а то и за океаном, откуда продолжили, а некоторые продолжают по сей день антисоветскую, антинародную деятельность. Проклятые у себя на Родине, мертвые при жизни, они не в силах, конечно, изменить что-либо в ходе истории, но, как всякий незахороненный труп, в состоянии отравлять чистый воздух планеты.

О нескольких таких несостоявшихся «борцах за идею» мы говорили с полковником Бондарем, его товарищами по многолетней борьбе, учениками — молодыми чекистами, продолжающими традиции старших товарищей. Поразительна эта связь времен! Нам пришлось видеть едва скрывающего гордость капитана госбезопасности, обезвредившего матерого преступника, поиск которого Бондарь начал в том самом 1948 году, когда капитан только родился!

Ни для кого не секрет, что какое-то число удравших на запад оуновцев стали в США, Канаде, Австралии, Западной Германии, Аргентине процветающими бизнесменами, фермерами, государственными служащими, даже священниками и судейскими чиновниками. Неоднократно Советское правительство обращалось к властям этих стран с требованием выдать их как военных преступников в соответствии с существующими международными соглашениями. За редким исключением эти требования либо остались вообще без ответа, либо следовал отказ под различными предлогами. Чаще всего соответствующие ведомства иностранных дел вежливо отписывали, что по их демократическим законам дело требует тщательного изучения. Понятное дело, это изучение затягивалось и затягивается на десятки лет, хотя изучать, собственно, нечего, потому что советская сторона голословно ничьей выдачи никогда не требовала. Каждый раз она передавала другой стороне в достаточном количестве неопровержимые доказательства, конкретно свидетельствующие о совершенных данным лицом преступлениях.

Характерна судьба Тараса Боровца — «Бульбы». Его жизнь может служить моделью того, как политический авантюризм, беспринципность, приверженность ложной идее способны привести в болото предательства незаурядную, в общем, личность, чьи природные способности могли бы найти куда более достойное приложение. Однако давно известно, что моральные и нравственные нормы, в отличие

от природных способностей, являются качествами не врожденными, а воспитываемыми окружающей человека социальной средой в первую очередь, самовоспитанием — когда личность достигает определенного возраста и приобретает соответствующие знания и опыт — во вторую. Способности, тем более талант, если не опираются на мощный фундамент твердо впитанных, усвоенных, ставшими вторым «я» нравственных качеств, становятся, наоборот, опасными, потому что непременно приведут человека к противопоставлению его личных интересов интересам общества, народа, страны.

— И вот что еще, — Евгений Ильич сделал маленькую паузу, чтобы подчеркнуть мысль, которую считал особо важной. — Кое-кто на Западе тщится сегодня сделать из людей, подобных «Бульбе», эдаких героев, рыцарей идейной борьбы с «коммунистической угрозой». Не рыцари — а преступники, не идейные борцы — а враги своего народа, пособники фашистских оккупантов, а позднее наемные агенты империалистических разведок...

С этим мы не могли не согласиться. Между тем полковник вернулся к рассказу о «Бульбе» и иже с ним...

Тарас Боровец родился в 1906 году в селе Быстричи бывшего Людвипольского района на Ровенщине. Отец его был из тех, кого на Украине издавна называли куркулями, то есть кулаком и торговцем. К националистам энергичный и честолюбивый кулацкий сынок примкнул еще в молодости. Примечательно, что уже в начале тридцатых годов Боровец взял ориентир на вооруженную мощь фашистской Германии. Однажды он заявил, что в будущей германо-польской войне Украина должна воевать на стороне Германии, если потребуется — даже спровоцировать эту войну.

О моральном облике Боровца достаточно выразительно говорит такой случай. Он заключил сделку с крестьянами села Карпиловка Ракитновского района, посулив, если уступят они ему каменные карьеры в Клесове, построить им каменную церковь всего за десять тысяч злотых, которые мужики соберут миром. Кончилось все тем, что Боровец карьерами завладел, но церковь так и не построил. Деньги, ясное дело, тоже не вернул.

Завершенного образования Боровец не получил, но с детства много, хотя и беспорядочно читал, а потому тяготел даже к издательской деятельности. Некоторое время он издавал крохотным тиражом две газетки петлюровского направления. Боровец был призван в польскую армию, но

через полгода демобилизован то ли по эпилепсии, то ли по какому-то нервному расстройству. Попытался было, снедаемый честолюбивыми помыслами, создать собственную политическую партию, но не успел развернуться — западные области Украины в 1939 году были воссоединены с СССР.

Такой оборот событий никак не устраивал Боровца, и он сбежал на территорию «генерал-губернаторства» — так называли тогда восточные области Польши, оккупированные германскими войсками. Давние симпатии к нацистской Германии логично и неизбежно завершились тем, что Боровец стал агентом немецкой разведки и прошел курс подготовки в абверовской школе.

Во время войны «Бульба» хвастался в среде своих старшин, что в 1940—1941 годах он несколько раз нелегально переходил границу СССР и что убил тогда семерых бойцов и командиров Красной Армии.

Вновь Боровец объявился на севере Ровенской области, в Сарнах уже при гитлеровцах, в июле 1941 года. Здесь под эгидой оккупантов он сколотил из старых дружков — местных националистов вооруженную группу, которой дал пышное название «Украинская повстанческая армия» (УПА) «Полесская сечь». Вооружили это воинство, конечно, немцы. Боровец отблагодарил незамедлительно: его отряды вместе с гитлеровцами приняли участие в боях за город Олевск с отступающими частями Красной Армии, а потом помогали немцам преследовать разрозненные группы окруженных красноармейцев. Создав «Сечь», Боровец, снедаемый неусуветным честолюбием, присвоил себе псевдоним «Бульба» и чин генерал-хорунжего (был такой в петлюровской армии).

Атаман был достаточно умен, чтобы понимать: трудовой народ Волыни видит в гитлеровцах вовсе не освободителей от «московских большевиков», а ненавистных оккупантов. И он начал хитрую игру. В своих выступлениях на митингах и сходах атаман вроде бы по секрету от немцев говорил, что союз с Германией — лишь тактический ход, что, дескать, после разгрома СССР и создания независимой украинской державы «Полесская сечь» повернет оружие и против немцев.

Этот ход был рассчитан на то, что население большей части территории Волыни лишь полтора года прожило при Советской власти, крестьяне продолжали оставаться еще в массе своей темными, неграмотными, забитыми людьми,

особенно в дальних селах и на хуторах. В сложных политических вопросах они разбирались плохо. Некоторые из них попались на демагогическую пропаганду «Бульбы» и вступили в УПА, полагая, что они и впрямь будут воевать с оккупантами. Впрочем, атаман не стеснялся загонять молодых парней в свои банды и силой.

Попытка «Бульбы» политически балансировать, конечно, не имела ни малейших шансов на успех. Тут он уже не оценил в должной степени коварства своих немецких хозяев. Гитлеровцы вовсе не собирались создавать какую-либо даже марионеточную «Украинскую державу». На оккупированной территории им нужны были не союзники, а лишь пособники. В военной помощи жалкой, в сущности, «Полесской сечи» вермахт тоже пока не нуждался. Его командование было уверено, что в ближайшие недели оно само разгромит Красную Армию, захватит Москву и Ленинград и пожнет лавры новой победы, ни с кем их не разделяя. «Полесская сечь» нужна была для других целей — она предназначалась на роль немецкой овчарки, держащей в страхе местное население, а также для участия в боевых действиях против партизан, представлявших с каждым днем все большую угрозу тылам германской армии.

Пока атаман «Бульба» и его старшины играли в самостийность, фашистская служба безопасности хладнокровно разработала план, как надежно привязать «Сечь» к своей колеснице. Такой акцией и стала «просьба» эсэсовского офицера Гичке (а на самом деле — безоговорочное приказание) «помочь» оккупантам ликвидировать еврейское население Олевска. После этой акции «Бульбе» пришлось переименовать скомпрометированное олевской трагедией название УПА «Полесская сечь» на УНРА — «Украинская народно-революционная армия». На самом деле УНРА не была ни народной, ни революционной, ни армией вообще, если исходить из ее фактической численности. Но немцев это не смущало: в названии их фашистской партии тоже ведь фигурировали слова и «рабочая», и «социалистическая».

Минул год. «Сотни» и «курени» УНРА превратились в то, что, собственно, гитлеровцам и было нужно — дополнительную полицейскую силу. Бульбаши поддерживали «порядок» на контролируемой ими территории, пытались вести вооруженную борьбу с советскими партизанами. С последней задачей, впрочем, они справлялись не слишком успешно, прямых столкновений с окрепшими, хорошо организованными, сильными не только числом и оружием, но и сплаци-

вающим их советским патриотизмом соединениями народных мстителей не выдерживали. Смешно даже представить, чтобы банды «Бульбы» могли оказать хотя бы недолгое сопротивление прославленным отрядам С. А. Ковпака, А. Н. Сабурова, А. Ф. Федорова.

Бульбаши нападали на небольшие группы партизан, перехватывали их связных и разведчиков, выдавали гитлеровцам подпольщиков, если нападали на их след, и т. п. Своей подлой деятельностью они оказывали поистине бесценную услугу гитлеровцам.

Немцы не только санкционировали существование бандитских формирований, но без излишней огласки обеспечивали их вооружением, боеприпасами, снаряжением и т. п. По сути, почти весь личный состав УНРА состоял на платной службе у оккупантов. Однако ни один наймит себя таковым никогда не называл и не назовет. И Лаваль во Франции, и Тисо в Словакии, и Квислинг в Норвегии, и прочие, им подобные, мнили себя политическими фигурами. Полагал себя таковой и атаман Тарас «Бульба», любивший представить перед окружающими дело так, будто он чуть ли не равноправный союзник «ясновельможного пана атамана Адольфа Гитлера».

Особенно рьяно пытался он утвердить свою фальшивую независимость в глазах других претендентов на роль вождя. Именно поэтому он как-то в письме к епископу так называемой Украинской автокефальной православной церкви Мстиславу назвал его немецким агентом.

Мстислав — в миру Степан Скрипник — был старым петлюровским офицером, к тому же родственником Петлюры. Он давно пребывал на содержании сначала польской, а затем немецкой разведки. Начал Скрипник свою карьеру в оккупированном Ровно как издатель фашистского листка «Волянь», который после своего неожиданного возведения в епископский сан передал другому немецкому прихвостню Уласу Самчуку. Этот писака был уже совершеннейшим ничтожеством. Оказавшись как-то в занятом гитлеровцами Киеве, он не погнушался откровенным мародерством: обворовал библиотеки в квартирах известных украинских писателей Максима Рыльского, Павло Тычины, Владимира Сосяры, Петра Панча.

Относительно спокойная жизнь «Бульбы» в Сарненском округе закончилась осенью 1942 года, когда под Ровно всерьез и надолго обосновался специальный чекистский отряд «Победители» под командованием полковника Дмитрия

Николаевича Медведева, будущего Героя Советского Союза и писателя.

В нескольких боях медведевцы жестоко потрепали подразделения атамана. «Бульба» запаниковал. Перед ним зримо замаячил призрак близкого разгрома. И тогда он затеял, как ему казалось, хитрую игру. Он решил вступить с партизанами в переговоры, чтобы добиться некоего «перемирия».

Опытнейшего чекиста, давно и хорошо знавшего нравы украинских буржуазных националистов, Медведева атаман, конечно, обвести вокруг пальца не мог и не смог бы никогда. И состоявшиеся переговоры Медведев, разумеется, использовал в интересах советской разведки.

Бондарь показал нам архивный документ, отпечатанный на порядком разбитой пишущей машинке с украинским шрифтом. В правом верхнем углу слова: «Абсолютно тайно».

«Абсолютно тайный» документ назывался так: «План акций по борьбе с большевистскими партизанами, сконцентрированными в Полесской котловине в межах: Бересто — Минск — Гомель — Житомир».

— Этот документ, — сказал полковник, — наши товарищи сумели заполучить почти сразу после того, как атаман подпisał его 15 марта 1943 года... Почитайте.

Из этой бумаги явствовало, что действия советских партизан создали для немцев на оккупированных ими территориях невыносимое положение. «Бульба» и его воинство поставили перед собой в этой связи задачу, ни больше, ни меньше, как облегчить положение гитлеровцев, ликвидировав советских партизан в названном районе.

В пункте первом «Бульба» провозглашал, что «акцию проводят украинские партизаны (читай — бандиты УНРА) под моим командованием на основе тихого сотрудничества с немецкими властями». В пункте втором указывалось, что официально немецкая власть будет бороться и с советскими партизанами, и с бульбашами, но неофициально будет поддерживать бульбашей и тайно поставлять им военные материалы. Пункт пятый подразумевал, что в случае сокращения фронта по линии Одесса — Киев — Витебск — Рига, бульбаши будут удерживать фронт на Полесской котловине.

...В этом месте полковник Бондарь, прервав чтение, долго и заливисто смеялся.

Нет, вы только подумайте, какими категориями оперировал этот наполеончик: фронт от Одессы до Риги! Вот уж впрямь лягушка, возомнившая себя волком!

Потом он перестал смеяться, снова став серьезным, сказал:

— Попрошу обратить особое внимание на заключительный, шестой пункт этого плана: «В случае дальнейшего продвижения Красной Армии на запад украинские партизаны (видите, снова называет своих бандитов партизанами, спекулирует на популярности этого слова в народе) остаются для диверсий в большевистских тылах, сотрудничая и дальше с немецкой армией...»

Бондарь убрал документ в письменный стол и продолжал свой рассказ.

— Этот план срывает последний флер независимости и идейности с националистов. Кстати, аналогичные документы — соглашения с гитлеровцами подписывали и бандеровцы, и мельниковцы.

Люди должны и сегодня знать: когда националисты уже на освобожденной Красной Армией территории убивали наших солдат, партийных, советских работников, колхозных активистов, пытались срывать мобилизацию молодежи, они не за самостоятельную Украину боролись, как сейчас за кордоном уверяют, а задания немецкой разведки выполняли...

Бондарь, конечно же, был абсолютно прав. «Абсолютно тайный» план ликвидации партизан «Бульба» не осуществил только потому, что это ему оказалось не по зубам. Чекистам стало с достоверностью известно, что уже осенью 1943 года, когда если не дни, то недели пребывания немцев на Советской Украине были сочтены, гитлеровское командование тайно передало на станциях Малыньск и Антоновка бульбашам четыре эшелона с оружием и боеприпасами.

Сохранился документ, подписанный ровенским гебитско-миссаром доктором Беером, об отправке одного из этих составов. Его охраняли всего двенадцать солдат-мадьяр, секретно осужденных за неблагонадежность. Бульбаши, не встретив, конечно, никакого сопротивления с их стороны, уничтожили обреченных и «захватили», а на самом деле спокойно приняли им и предназначенный эшелон, инсценировав налет партизан. Как и полагалось по сценарию, немцы подняли фальшивую тревогу и прислали карателей лишь тогда, когда бульбаши давно уже вывезли в район своих баз последнюю подводу с боеприпасами.

Бульбаши стали уходить в подполье, не дожидаясь появления передовых частей Красной Армии. Столь поспешно, словно и не брали они на себя обязательства защищать

Полесскую котловину. Должно быть, и сам атаман позабыл слова своего хвастливого приказа, подписанного им в декабре 1941 года: «Коммуна уничтожена немецкой вооруженной силой. Мы не были пассивными зрителями, а приложили и свою руку к ее смерти».

Единственное, что соответствует истине в этих до смешного самонадеянных строках, — откровенное признание о военном сотрудничестве с фашистскими оккупантами.

После того как «Бульба» исчез в конце 1943 года из села Пустомыть Тучинского района, где располагался тогда его штаб, следы атамана на время затерялись. Зато то и дело проступали кровавые следы его подчиненных, убивавших тайно, из-за угла, подло и жестоко советских людей, чаще всего безоружных мирных крестьян.

В самом конце войны чекисты снова слышали о человеке с приметами Боровца. Высокий мужчина лет сорока, блондин, худощавый, с прямым длинным носом, золотым зубом в верхней челюсти, имеющий привычку сильно сдвигать брови, так что на лбу образовывается глубокая складка, объявился в числе сотрудников фашистского диверсионно-террористического отряда, входящего в систему СС, «Ягдфербанд-Ост». Правда, фамилия его была не Боровец, не «Бульба», а Коненко.

«Ягдфербанд-Ост» была укомплектована из числа изменников Родины, уроженцев разных республик СССР. Здесь готовились шпионы, диверсанты, террористы, предназначенные для преступной работы в тылу Красной Армии и в глубинных областях страны. Никакие разговоры о создании каких-либо «независимых национальных государств» здесь не допускались. Школой командовали и занимали в ней ключевые посты кадровые немецкие офицеры-разведчики, сотрудники СД и слитого с ним абвера. Они готовили обыкновенных агентов и диверсантов для грязной, черновой работы.

Бывшего атамана ввел в команду заместитель начальника «Ягдфербанд-Ост» штурмбанфюрер СС Эбергард Хайнце. Коненко был сразу назначен руководителем подготовки украинской подгруппы, насчитывавшей в своем составе около пятидесяти человек. Сам факт его назначения на высокий пост уже говорит о том, что для руководства разведоргана он был своим человеком.

Не за страх, а за совесть готовил бывший атаман в строго охраняемом здании близ городка Альтбургунд на территории нынешней ЧССР диверсионную группу «Майглекхен»

(«Ландыш»), предназначенную для заброса под его же командованием на советскую территорию в бассейн реки Припять.

Почти все агенты, заброшенные «Ягдфербанд-Ост» в последние недели войны на советскую землю, были обезврежены чекистами. У некоторых хватило разума и решимости явиться с повинной самим. Коненко среди них не было. В 1945 году в числе других ведущих сотрудников школы он очутился в американском плену.

Бывшие союзники по антигитлеровской коалиции прекрасно знали, что ими пленена не какая-нибудь пехотная рота вермахта, а руководящий состав эсэсовского разведоргана, где что ни личность — преступник, подлежащий выдаче той стране, на территории которой совершал он свои преступления.

Но именно то, что в глазах всех честных людей, в том числе и простых американцев, было отягчающим обстоятельством, стало для Коненко и его коллег фактором спасительным. Не вопреки тому, что он был фашистским агентом, а именно поэтому он был передан американскими военными властями не советским, а английским войскам, а те его через некоторое время вообще освободили. Пройдя без хлопот британское «чистилище», Боровец (фамилия Коненко была, конечно же, отброшена за ненужностью) прибыл... снова в американскую зону, в город Миттервальде.

Здесь его с распростертыми объятиями принял бывший петлюровский генерал, бывший командир «украинского» полицейско-охранного батальона в Виннице, затем сотрудник оккупантов в Ровно Омелянович-Павленко. Старый изменник тоже успел перекраситься — теперь он возглавлял шпионскую «украинскую» школу, поставлявшую агентуру, естественно (чья зона-то?), американской разведке.

Боровец стал одним из руководителей и преподавателей. Под стать ему был и начальник учебной части — изменник Родины, бывший командир Красной Армии, ставший офицером дивизии СС «Галичина», некто И. Коваль.

Не пошла впрок, однако, слушателям этого сомнительного учебного заведения шпионская наука. В 1947—1948 годах группа бывших бульбашей вместе с прибывшим из-за кордона подкреплением была выявлена и обезврежена чекистами. В пятидесятых годах еще один бульбовский агент, лично им выпестованный и проинструктированный, некто Заядковский, также был арестован органами госбезопасности.

Один из арестованных в СССР американских агентов рассказал, что его шеф Боровец снова решил подвизаться на националистической ниве. Генералам «холодной войны» потребовалось возродить сошедшие было на нет различные националистические организации, причем не только украинские. Под крылышком американцев в 1947—1948 годах в Западной Германии из осколков всех окрасок была сколочена так называемая «Украинская национальная гвардия» — УНГ. На втором конгрессе УНГ, который состоялся в 1949 году в Шлейсгейме близ Мюнхена, Тарас Боровец-«Бульба» (снова пошел в ход громкий псевдоним) был избран главарем УНГ, а Коваль — его помощником.

Вербуя сторонников, а точнее — пушечное мясо для западных спецслужб, «Бульба» разъезжает по Европе, встречается и с бывшими бандеровцами, и с мельниковцами, и, разумеется, с бульбашами. Есть данные, что в 1953 году атаман выезжал в США для встречи с руководителями американской разведки.

Вскоре «Бульба» вообще перебрался на постоянное жилище в Соединенные Штаты. Лютый враг Советской страны закономерно стал врагом мира во всем мире. В период американской агрессии в Корее «Бульба» стал инициатором формирования и отправки в эту многострадальную страну «украинского батальона», составленного из обманутых им детей украинских эмигрантов, проживающих в США и Канаде. Атаман намеревался сколотить подобный батальон для действий во Вьетнаме. Развернувшаяся в самих США кампания протеста против «грязной войны» помешала осуществить эту затею.

Воистину можно сказать, что всюду, куда ступала нога или дотягивались руки, сеял изменник и военный преступник горе и слезы.

Тарас Боровец-«Бульба» умер недавно. До конца дней лежало на нем проклятие народа. Его не смыла и смерть предателя.

...В наш последний вечер перед отъездом из Ровно полковник Бондарь рассказал о судьбах еще нескольких военных преступников, избежавших наказания и неплохо устроившихся после войны за рубежом.

В Канаде продолжал отравлять атмосферу своими писаниями до последних дней редактор «Волини» Улас Самчук. В Соединенные Штаты перебрался его предшественник по редакторскому креслу в этой газетенке Скрыпник. Возведенный в епископский сан гитлеровцами, он сохранил свою

митру и за океаном. Видно, и там он пришелся ко двору, коль скоро сравнительно недавно Мстислава избрали епископом так называемой «Украинской автокефальной православной церкви» в США.

А вот имя, которое с особой ненавистью и омерзением поминают и сегодня жители Ровно, — Петр Грушецкий. Провокатор и каратель с юных лет. Только в полицейской форме чувствовал он себя значительной фигурой. Ему доставляло прямо-таки физическое наслаждение ощущать себя распорядителем, хозяином судеб других людей, их имущества, впрочем, тоже.

В двадцатые и тридцатые годы Грушецкий служил в польской полиции в Ровно, вел провокаторскую деятельность среди членов Компартии Западной Украины. Его лживые показания стали основанием для вынесения суровых приговоров нескольким коммунистам-подпольщикам. Для самого же Грушецкого они стали ступенькой служебной лестницы, и вот он уже старший полицейский следственного отдела. На некоторое время его следы теряются.

Вынырнул Грушецкий в Ровно уже при оккупантах. Вначале он работает старшим инструктором в школе, где обучают будущих полицейских, потом переходит в криминальную полицию. Почти сразу «отличается»: Грушецкий лично организует и осуществляет расстрел многих тысяч ровенских жителей еврейской национальности в Сосенках. Плотный шатен среднего роста, всегда при оружии, был кошмаром местных евреев. Садист и убийца оказался, к тому же, крепко нечист на руку. При аресте своих жертв он изымал все ценности и, в нарушение немецких инструкций, тащил все, в первую очередь золотые изделия, в свою квартиру.

Кровавые заслуги Грушецкого не остались незамеченными: в сентябре 1943 года гитлеровцы назначили его комиссаром полиции Ровно и всей Волыни. Если учесть, что Ровно был «столичным городом», в котором располагался рейхскомиссариат Украины и сотни важных учреждений оккупантов, то следует признать — назначение означало высшее доверие со стороны гитлеровцев и лично Эрика Коха.

В этой должности Грушецкий арестовывал, пытал, посылал на смерть сотни и тысячи жителей Ровно и окрестностей. На его совести гибель многих патриотов, в том числе героев ровенского подполья.

В конце 1943 года, когда гитлеровцы спешно готовились к эвакуации, Грушецкий сделал попытку ограбить Ровенский

музей. Но тут ему не повезло — на картины особо ценные наложили лапу сами немцы. Однако наворованное золото Грушецкий сумел сохранить и вывезти.

Как ни странно, на первый взгляд, конечно, одним из близких друзей немецкого полицейского Грушецкого был епископ Мстислав. Не исключено, что, встречаясь с епископом, Грушецкий и пришел к выводу, что духовный сан может прикрыть человека с его репутацией надежнее, чем полицейский мундир. Похоже, что он получил не только добрый совет; но и поддержку Мстислава. Как бы то ни было, но когда через много лет после окончания войны в Ровно стало известно, что Грушецкий жив, то оказалось, что бывший комиссар полиции является... священником собора в городе Аделаиде, что в далекой Австралии! Интересно, ведомо ли прихожанам, что святой отец, отпускающий им регулярно грехи и грешки, имеет на своей совести такие преступления, как массовые убийства советских людей!

Прихожане, конечно, могут этого и не знать. Но высшие церковные власти не знать этого не могли.

А вот пример еще одной карьеры. Сделал ее один из бывших подчиненных Грушецкого.

...В октябре 1977 года в Тбилиси состоялась межправительственная конференция Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры — ЮНЕСКО. В качестве американского представителя на нее прибыл и некий Константин Варварив, ответственный сотрудник госдепартамента США. Естественно, мистер Варварив пользовался дипломатической неприкосновенностью. Только это обстоятельство и позволило ему отделаться высылкой за пределы СССР. Потому что этот высокопоставленный вашингтонский чиновник в годы Великой Отечественной войны был фашистским прихвостнем — служил в полиции, участвовал в карательных акциях, затем его повысили, подобрали должность в гебитскомиссариате.

МИД СССР официально уведомил посольство США в Москве об опознании в американском представителе при ЮНЕСКО гитлеровского пособника и передал следственные материалы, включая платежные ведомости ровенского гебитскомиссариата, в котором фигурировало имя Варварива, американским властям.

До сих пор советские люди так и не получили ответа на законный вопрос: каким образом стало возможным, чтобы изменник Родины и военный преступник стал ответствен-

ным чиновником самого важного после Белого дома государственного учреждения США, каковым является его внешнеполитическое ведомство?

Никто в госдепе и не подумал отказаться от услуг бывшего полиция. Перед смертью весной 1983 года Варварив жаловался, что «Советы обошлись с ним дюже жестоко». Жестокость заключалась в том, что советские средства массовой информации обнародовали на весь белый свет темное и преступное прошлое мистера Варварива.

Людей не просто с темным — кровавым прошлым и сегодня не мало проживает на Западе. Большинство из них никогда не подвергалось судебному преследованию. Ведь сегодня эти убийцы — «добропорядочные» граждане демократических государств, их обидеть значит ущемить «права человека». Но от суда совести им все же не уйти. Людского презрения не избежать. Проклятие народа висеть будет над их душами до самой смерти. Это тоже кара... И пусть знают их жены, дети, внуки, соседи и сослуживцы, что с ними сидит за одним столом, ходит по одним улицам, молится в одной церкви преступник, которому не может быть прощения ни от людей, ни от бога — кто верит во Всевышнего.

Вот только несколько имен карателей и убийц.

Ефим Симончук, 1924 или 1925 года рождения. Уроженец села Симонов Гощанского района Ровенской области. В период фашистской оккупации служил в СД. После войны поселился в Западной Германии.

Эдвард Тимм, 1920 года рождения. Уроженец села Курганы Костопольского района. Служил в войсках СС и СД. Проживает в ФРГ.

Николай Петренчук, 1924 года рождения. Уроженец села Корчевье Костопольского района. Служил в войсках СС. Проживает по адресу: ФРГ, Гамбург, Август-Крогманштрассе, 42-в.

Андрей Тарасюк, 1920 года рождения. Уроженец села Хринники Млыновского района. Служил в специальном полицейском железнодорожном батальоне, принимал участие в карательных экспедициях против мирных жителей, потом перешел в оуновскую банду. Проживал во Франции, ныне живет в ФРГ.

Ананий Никончук, 1920 года рождения. Уроженец села Вийнице Млыновского района, образование высшее. Был комендантом полиции в селе Вийница, затем служил в немецком карательном батальоне в Тернопольской области.

Проживает по адресу: США, 11510 Маккей Детройт, 12, Мичиган.

Дмитрий Фурманец, 1921 года рождения. Уроженец села Птича Дубновского района. В составе банды оуновцев-мельниковцев принимал участие в карательных акциях. Ныне проживает в Нью-Йорке.

...Люди, которые живут с ними рядом! Не спешите пожать при встрече протянутую соседом руку. Она может испачкать вас кровью невинных.



ВЛАДИМИР ВОСТОКОВ

ПОЕДИНОК

Я неторопливо, уже в который раз, перечитывал письмо, вглядываясь в каждую строчку.

«Спустя много лет, — сообщалось в письме, — я наконец-то нашел убийцу моей семьи. Был он тогда в матросской тельняшке, высокий, большелобый, светловолосый. Расстрелял мою жену и детей расчетливо и хладнокровно. Досталось и мне. А произошло это в оккупированном фашистами городе... Фамилия его Кузинко Александр Иванович. Работает в министерстве... Спросите его, где он был и что делал в ночь с 19 на 20 мая 1943 года, и тогда все бу-

дет ясно. И вы убедитесь в правдивости моих слов. Назвать себя не могу. На то есть веские причины. Но я пишу сущую правду».

«Убийцу моей семьи! Пишу сущую правду», — повторил я вслух. Автор письма утаил главное: кто он и откуда. «Назвать себя не могу». Теперь ищи иголку в стоге сена...

Передо мной лежит личное дело Кузинко Александра Ивановича. Открываю обложку. С фотографии смотрит на меня человек цепким взглядом. Продолговатое лицо. Высокий лоб. Нависшие густые брови. Нос прямой. Тонкие губы, большие уши.

Читаю автобиографию. Родился Кузинко в Калужской области в 1915 году в семье крестьянина-середняка, имел брата-близнеца Алексея, который умер в 1945 году. Родители скончались на Урале в 1958 году. Первый вопрос: почему на Урале? Александр Кузинко поступил работать в морской порт разнорабочим, где трудился до мая 1942-го. Затем ушел добровольцем на фронт. Был ранен. После ранения вновь вернулся на работу в морской порт. Имеет правительственные награды. Позже пришлось поколесить ему по разным городам страны. В шестидесятых годах переехал в Москву. В деле много всяких справок, характеристик, отзывов, наградных листов. Характеристики и отзывы все положительные.

Бросились в глаза два обстоятельства, которые могли иметь отношение к делу, правда, пока косвенное: рост, лоб, тельняшка и частая смена места жительства. Кузинко в течение ряда лет был на морской службе и, естественно, мог носить тельняшку. Но на вопрос, проживал ли на оккупированной фашистами территории, отвечает отрицательно. Это немаловажное обстоятельство. Часто переезжал с места на место? Здесь возникает второй вопрос: почему? Либо заметал следы, либо искал счастья, меняя профессии, что тоже нередко случается. И наконец, последнее: родители умерли на Урале. Что заставило потомственных крестьян сняться с места?

Мои размышления прервал телефонный звонок. Это шеф. Он ждет моего доклада.

— Ну, что скажете? — встретил он меня вопросом.

Я выложил все, что думал, в том числе и ближайший план действий. Шеф по привычке сжал губы трубочкой, а затем, сладко чмокнув, одобрительно кивнул гордо посаженной седой головой.

Вечером я выехал в город, где, по словам анонима, про-

изошла трагедия. В отделе КГБ мне рассказали о жутких зверствах, учиненных фашистами в городе над мирным населением. Сам город был до основания разрушен. Узнал я и о том, что ценой жизни местного патриота, внедренного партизанами в гестапо, удалось спасти от уничтожения часть их дел. Они помогли впоследствии разыскать ряд предателей, которые понесли заслуженное наказание. Я попросил подготовить мне оставшиеся дела гестапо, а сам отправился в местный архив и тщательно ознакомился с чудом сохранившейся подшивкой газеты, издававшейся здесь во время фашистской оккупации города. Не особо надеясь, что удастся обнаружить что-нибудь интересное, неожиданно натыкаюсь на заметку, в которой сообщается: «20 мая 1943 года ночью была зверски убита и ограблена вся семья уважаемого и почтенного ювелира Гофмана Исаака Львовича. Жена Римма Ефимовна, дети: Роман — двух лет, Зельман — четырех лет и Рита — шести лет. Сам Исаак Львович в тяжелом состоянии помещен в больницу. Ограбив квартиру, партизаны не посчитались ни с детьми, ни со взрослыми. Один из партизан имел на себе тельняшку. Кто сообщит о его местонахождении или о других лицах, причастных к злодейскому убийству семьи Гофмана, будет щедро вознагражден».

«Всеми уважаемый, почтенный». Странно было это читать. Фашисты, беспощадно уничтожавшие еврейское население, вдруг почему-то так трогательно пеклись о некоем Гофмане? Все это не вызывало у меня никакого доверия. Неладно здесь что-то. Скорее всего, это наглая провокация, устроенная гестапо. Впрочем, спешить с выводами было преждевременно. Тщательно переписав сообщение, я направился в горотдел.

С нетерпением просматриваю гестаповские дела, их немного. Это донесения агентов гестапо из числа уголовников и деклассированных элементов, пришедших на услужение к фашистам, которые сообщали о скрывающихся коммунистах, о патриотах, помогающих партизанам. Всех их постигла одна участь — расстрел. Комок подкатывает к горлу. Нет сил читать...

Среди немногих сохранившихся дел меня ожидал сюрприз — рапорт, касающийся Гофмана. Подвинул к себе пожелтевший лист бумаги: «Почтительно докладываю, что 20 мая 1943 года, ночью, как и было предусмотрено, агентом «Матросом» была ограблена квартира Гофмана И. Л. «Матрос» убил жену Гофмана и трех его детей. Сам Гофман, по-

лучив два ранения в грудь, к сожалению, остался жив. Ценности обращены в фонд гестапо. Гофману разрешено находиться на попечении своей сестры Авербах, проживающей по Кулинарной улице, дом 10, квартира 15. После передачи по радио и опубликования в газете горожане восприняли убийство «партизанами» семьи Гофмана с возмущением. Таким образом, мы убили, как говорят русские, сразу двух зайцев: с одной стороны, возбудили у местного населения неприязнь к партизанам и, с другой — развязали себе...» На этом текст рапорта обрывается.

«Гестапо есть гестапо». Отодвигаю от себя дело. Память, словно счетная машина, выстраивает даты и факты из анонимки и из только что прочитанного рапорта... 20 мая 1943 года (время сходится)... «Матрос» (и там был в тельняшке)... Ограблена... убита (то же самое). Наконец город... (тоже сходится)... Прибавим к этому некоторые детали портретного сходства. Что это — роковое совпадение? Или...

Не откладывая, еду на Кулинарную. Дверь открывает мне молодая женщина, которая въехала сюда недавно и, естественно, Авербах не знает. Тогда я отправляюсь в паспортный стол. Тут мне, можно сказать, повезло: я нашел двух жильцов, которые во время войны проживали на этой улице. Один из них, Иван Гаврилович Дворяжкин, глубокий старичок-инвалид, с трудом вспоминает об ограблении ювелира. Путая события, обстоятельства, постоянно поправляя себя, он подтвердил, что из всей семьи Гофмана остался в живых только сам хозяин. О его дальнейшей судьбе больше ничего не знает.

— Скажите, Иван Гаврилович, а родственники у Гофмана были?

Как же, была у него сестра, да, да, сестра... Дай бог памяти, как же ее звали? Вспомнил — Рита... Нет, кажется, Сара. А может, Роза... Так что вас интересует? — и Иван Гаврилович услужливо наклонился в мою сторону.

Она была замужем?

— Конечно.

Как ее фамилия?

Вот фамилию-то забыл. Не стану врать, не помню, кажется, Абах... Нет, не помню.

— Где она сейчас? — спросил я, сдерживая улыбку.

— Здесь, здесь. Сейчас я вам кое-что покажу, — заявил Иван Гаврилович.

«Что он мне покажет? — подумал я. — Неужели фотографию?» В подтверждение моей догадки Иван Гаврилович

встал со стула и, смешно семеня ногами, как будто на них были путы, подошел к этажерке, на которой лежала целая груда альбомов. Долго перебирал их, потом вынул оттуда потрепанный, выдавший виды, в красном бархате, засаленный альбом и начал лихорадочно откидывать его листы.

— Вот, смотрите.

С пожелтевшей от времени фотографии на меня смотрели несколько человек в старомодных пиджаках и платьях. Иван Гаврилович показал мне Розу. Миловидная женщина с большими черными глазами.

— Откуда это у вас?

— Я по профессии фотограф, сударь.

Понятно. Где она проживала?

Проживала? Помню, где-то в конце нашей улицы, а дом запамятовал, да, запамятовал. А с вами разве такого не бывает, сударь?

Бывает... А где она может быть сейчас?

— Понятия не имею. Не желаете ли чаю?

Я отказался, но он настоял. Мы пили вкусный чай с листом смородины, мирно беседовали. Он вспоминал тяжелые дни фашистской оккупации, вздыхал тяжело и горестно, плакал по сыну-партизану, погибшему в застенках гестапо.

Ушел я от него с тяжелым чувством.

Мне предстояло навестить еще по второму адресу, и я, не мешкая, направился туда. Кто меня там ждет?

Дверь открыла девушка.

Извините, пожалуйста, здесь проживают Мартыновы?

— Здесь. Вам, наверное, бабушку? Проходите.

— И дедушку тоже,— сказал я, улыбаясь.

Девушка в ответ, нахмутив брови, сурово посмотрела на меня и молча удалилась. «Что-то ей не понравилось»,— мелькнуло у меня в голове.

Я вошел в квартиру и увидел старушку. Она стояла в комнате около комода и с любопытством смотрела на меня из-под очков в стальной оправе. В руках у нее я заметил вязальные спицы и клубок шерсти.

— Что вам нужно? — строго спросила она меня.

— Здравствуйте.

Старуха молча сверлила меня хмурым недобрым взглядом. Затем ее лицо смягчилось.

— Садитесь, коль ворвались,— устало сказала она.

— Простите за настойчивость, но я по важному делу.

Скажите, пожалуйста, вам ни о чем не говорит имя Розы Авербах?

В комнату следом за мной вошла девушка, но старуха этого не заметила. Я тоже не обратил на это внимания.

Не знаю Вербахов,— повернувшись ко мне спиной, заявила старая женщина.

Вот тебе раз. Всего мог ожидать, только не такого оборота.

— Она проживала по соседству с вами,— торопливо пояснил я.— У нее был брат, ювелир, некто Гофман. Его семья была ограблена и убита в период фашистской оккупации. Об этом даже в газете сообщалось. Неужели вы не знали?

Я видел, как вздрогнули ее плечи. Она медленно повернулась ко мне, в сердцах бросила спицы и клубок шерсти на комод.

— Ничего не знаю,— решительно повторила старуха, словно топором перерубила сухую палку.

Я смотрю растеряннo на ее вдруг обмякшую фигуру. В самом деле, что с ней?

— Бабушка,— вдруг заговорила девушка,— почему ты говоришь неправду? Ты же рассказывала нам об убийстве семьи какого-то ювелира.

— Иди, внученька, иди, не твоего это ума дело.— Старуха выпроводила ее из комнаты.

Мы снова остались одни. Хозяйка уселась на диван, долго молчала.

— Настырный какой... Был такой случай,— начала она, глубоко вздохнув, будто сбросила с плеч тяжелую ношу.— Ограбили Исаака. Убили всю его семью. Начисто. Сам-то выжил. Не знаю, куда он потом делся, а Роза-то, его сестра, уехала в Ульяновск к своей матери. Там ее и ищите. Больше я ничего не знаю. Ничего. И не беспокойте меня этими делами. Спокойно умереть не дадут. Кончен бал.

Видимо, старая женщина и впрямь ничего больше не знала. Или же по каким-то причинам не хотела говорить. Но и того, что она успела сообщить, было достаточно. Роза Авербах живет (если, конечно, жива) где-то в Ульяновске, там и будем ее искать.

Дорогой я подводил кое-какие итоги. Важным было то, что подтвердился сам факт убийства и ограбления семьи Гофмана. Это уже немало. Однако, с другой стороны, я ни на шаг не продвинулся в выяснении личности совершившего преступление, а это сейчас основное. По-прежнему в моем рас-

поряжении оставались лишь приметы: высокий, большелобый, светловолосый и в тельняшке. Прямо скажем, не очень густо. На этом основании мы не только не можем предъявить обвинение человеку, но и вообще говорить о каком-то подозрении.

Вернувшись в Москву, я доложил шефу о результатах поездки. Выслушав меня, он заключил:

— Теперь главное — разыскать Розу. Если, конечно, она еще жива. Пошлите запрос в Ульяновск... — Шеф отошел к окну, о чем-то задумался, потом обернулся и добавил: — Вы помните, у нас по материалам розыска проходит некто «Матрос», агент гестапо. Мы давно его ищем, но он хорошо замаскировался. И теперь, кажется, мы напали на его след. И еще один совет, — продолжал шеф, — не торопитесь с выводами. Взять личное дело Кузинко, ведь там концы с концами не сходятся. Надо все это распутать.

Не дожидаясь, пока придет ответ из Ульяновска, я возвратился к материалам личного дела Кузинко. Больше всего меня интересовала его работа в порту до и после 20 мая 1943 года. С этой целью я и поехал в портовый город. Он встретил меня пасмурным, мокрым днем. Ласковый ветер нес с моря запах соли и йода. Отдохнуть бы с дороги, подышать морским воздухом, но надо спешить в архив.

— Все документы за 1943 год по торговому порту у нас сохранились, — сообщила мне заведующая архивом.

Просматриваю списки личного состава, ведомости, сообщения, запросы, ответы. В приказе начальника порта от 20 мая 1943 года о награждении ценным подарком обнаруживаю знакомую фамилию — Кузинков А. И. Я так обрадовался, что не сразу сообразил: мне-то нужен Кузинко, а не Кузинков! И все же, кто он, этот Кузинков? Читаю: Кузинков Алексей Иванович, 1915 года рождения, уроженец Калужской области, фронтовик. Имеет ранение. Так. Что же получается? Отчество, год и место рождения сходятся. И фронтовик, и ранен был тоже. Разница в фамилии и имени. В другом приказе уже от 21 июня 1945 года сообщается о смерти Кузинкова Алексея Ивановича. Вот и все.

А где же Кузинко Александр? Никаких данных о нем я не нашел.

Меня охватило чувство тревоги. В глубине души, однако, продолжала теплиться надежда, что все это нелепое недоумение. Ведь в жизни всякое бывает...

Пробыв несколько дней в Москве, вновь отправился в дорогу. На сей раз туда, где родился Кузинков.

В деревню, где он родился и вырос, я приехал под видом фронтовика, разыскивающего своих однополчан. Выяснилось, здесь никто не носил фамилии Кузинко: половина жителей деревни были Кузинковыми!

Это для меня было неожиданностью. Прежде всего мне надо было выяснить, нет ли семьи Кузинковых, где были бы сыновья-близнецы Александр и Алексей. Оказалось, такая семья была. Я узнал, что родители их были людьми зажиточными, имели батраков, потом были раскулачены и выслааны. Вот вам и Урал. А в автобиографии Кузинко писал, что он выходец из середняков. Сам Александр в отличие от своего брата Алексея вел праздный образ жизни, слыл первым гулякой на деревне. К труду был непривычен. Вскоре подался в город. Чем он там занимался, никто не знал. Потом вдруг объявился в деревне. Поражал односельчан изысканностью одежды, золотыми вещами и другими ценностями. Организовывал гулянки, хвастался, что ведет отчаянную борьбу с контрреволюцией. На вопросы деревенских ребят, откуда достает диковинные драгоценности, неизменно отвечал: «Зарабатываю!» Снова надолго куда-то исчез. Вновь объявился в деревне в начале 1943 года, в период гитлеровской оккупации. Однажды его видели в форме фашистского офицера. Но чем он занимался, никто в деревне толком объяснить не мог.

Вот тебе и доброволец-фронтовик?! Впрочем, пока это только догадка и предположение. Где он сейчас, этот «выходец из середняков и активный фронтовик», тоже никто не мог ответить. Моя командировка подходила к концу, пора было возвращаться в Москву.

В деревне я остановился у бабки Соломахи. Она занимала небольшую избу, доживая в ней свой, как она выразилась, «не в меру затянувшийся век». Приветливая, по-русски добрая и улыбчивая, она не знала, куда меня посадить и как мне угодить. Как-то, сидя за чаем, перед дорогой, она вдруг обратилась ко мне:

— Так ты, касатик, шукаешь своих товарищей по войне? Разве их всех-то соберешь, а?

— Соберем, бабуся, если остались живы. Обязательно соберем.

— А кто вас особенно интересует, может, я кого знаю?

Я назвал несколько фамилий. Среди них Александр

Кузинков. Она задумалась, пошамкала беззубым ртом и, проглотив слюну, сказала:

— Матрос Санька... Кто же его не знал. Не забыла, чай. Бесшабашный был кулацкий-то сынок, не в манер Алешке, о нем, кажись, уже спрашивали... Еще чашечкой не побалуешься?

— С удовольствием. У вас очень вкусный чай. Выходит, не я один разыскиваю однопольчан.

— Как же, пытались. Прошло, поди ж ты, немало лет... — ответила она, наливая в кружку крепкого, душистого чаю.

— Кто же это был? — насторожился я.

— Погорелец какой-то, их тут много тогда шастало. Так-то вот, касатик. А при фашистских супостатах-то, поди, нарядился в их одежду. Врать не буду, вроде худого за ним ничего не замечала, а там бес его знает. Кабыть, участвовал в облавах на партизан. Кто-то сказывал, мол, спасая какого-то партизана, сам за это пострадал. Поговаривали всякое... Да он тут и недолго шатался... Как же, помню Саньку. Так как, мой касатик, может, надумал еще по чашечке?

Больше старуха ничего толком не знала об Александре Кузинкове. Но кто-то его разыскивал? С какой целью? А главное, каким образом он попал в услужение к оккупантам и что он конкретно делал? Все это предстояло мне выяснить.

И вновь поиски.

Когда я доложил шефу обо всем, он некоторое время молча сидел за столом, о чем-то размышлял, потом встал и коротко сказал:

— Придется вам ехать в город Печору.

Я был удивлен этим решением, тут же спросил:

— Зачем?

— Вы же сами докладывали, что Виктор Васильевич Морозов, проживающий в Печоре, рекомендовал Кузинку на работу в морской порт. А если рекомендовал, стало быть, человек ему знаком. Не так ли?

А ведь шеф прав. И как я не сообразил...

После долгих поисков мне наконец удалось найти в городе Морозова. То, что узнал о нем, внушало доверие. Ветеран войны, не раз бывал в боях, дважды горел в танке на Курской дуге. Лицо у него обгорелое, с виду человек серьезный, хотя в разговоре был весел, умел пошутить. Но это я узнал потом.

Я вынул из кармана тужурки фотокарточки.

— Хотелось бы вам кое-что показать. Вот посмотрите на эту фотокарточку. Не могли бы вы подробно рассказать об этом человеке? Ведь вы, если не ошибаюсь, работали с ним в морском порту и давали ему рекомендацию.

— Я рад помочь вам, если это в моих силах,— сказал он, весело блестя глазами.

Это гражданин Кузинко,— подсказал я.— Не могли бы рассказать о нем подробно?

— За свою жизнь многим хорошим людям пришлось давать рекомендации. И не было случая, чтобы меня кто-либо подвел. Давайте посмотрим, о ком здесь идет речь.— Виктор Васильевич надел очки и стал внимательно рассматривать фотокарточку.

Я ждал. Почему он так долго рассматривает фотокарточку, как будто видит его впервые? Наконец он заговорил:

— Понимаете, какое дело. Как бы это вам сказать, чтобы не было обидно...— Он выдержал паузу, перевел дыхание, а затем продолжил:— Никакого Кузинко я не знаю. И тем более не давал ему рекомендации на работу в порт.— Виктор Васильевич отодвинул от себя фотокарточку.

У меня перехватило дыхание, словно получил удар в солнечное сплетение.

И нечему здесь удивляться. Память меня еще не подводила...

Поблагодарив Виктора Васильевича за письменное подтверждение своих слов, я поспешил в Москву.

— Вижу, что-то важное привез,— улыбнулся шеф, когда я появился у него в кабинете.

Вы даже не можете себе представить, Геннадий Иванович.

— Это не тот Кузинко? — прервал меня шеф.

Точно.

Вот тебе на! Называется, удивил.— И он молча передал мне ответ из архива Министерства обороны.

«Сообщаем, что по учетам,— прочел я,— рядовой Кузинков Алексей (а не Кузинко Александр, как указано в вашем запросе), 1915 года рождения, уроженец Калужской области, находился в частях действующей армии, имел ранение...» — и далее шло перечисление подразделений, в составе которых он воевал на фронтах Отечественной войны.

Выходит... это его родной брат...

Выходит. Ладно. Потом поговорим, поезжай домой, отдохни. Вид у тебя, прямо скажем, усталый...

Жена встретила меня неласково.

Кто такая Мартынова? — спросила она, глядя подозрительно мне в лицо.

— Какая Мартынова?! Не знаю такую. Давай поздороваемся, Нинуля!

— Не знаешь, а письма получаешь, — вместо приветствия отрезала она.

Какие письма?! Какая Мартынова? — И тут я сообразил. — Давай сюда быстро письмо. Где оно?

Жена молча протянула мне письмо. Быстро вскрыл конверт, прочел: «Уважаемый Владимир Николаевич! Я обещала Вам выяснить причину «странного» поведения моей бабушки. Она у нас с характером, вы это почувствовали. У нас большое горе. Мы недавно похоронили дедушку. И ее состояние можно понять. А вообще-то она очень хороший и добрый человек. Вот что бабушка мне рассказала, когда вы ушли.

Бабушка была близко знакома с Исааком Гофманом. Вместе с ним училась, они дружили. Любили друг друга. Тем не менее родители Гофмана женили его на другой девушке. Но, несмотря на это, они продолжали встречаться вплоть до известного вам случая.

Бабушка показала мне фотографию Гофмана, его сестры Розы, рядом с нею и моя бабушка. Посылаю ее вам. Может, пригодится. Да, чуть не забыла. С сестрой Гофмана — Розой бабушка в ссоре, она была противницей их брака. Вот, пожалуй, и все. С уважением Мартынова».

На фотокарточке с трудом угадываю бабушку. Гофман и его сестра Роза очень похожи друг на друга. Оба курчавые, большеглазые, красивые.

— Понимаешь, Нина, у этой женщины я недавно был, она кое в чем помогла следствию...

Повеселев, Нина охотно слушает меня... Все-таки как хорошо дома! Это сладкое ощущение уюта всегда приходит ко мне после дневной суеты и долгих-долгих дорог.

...А вечером в моей квартире раздался звонок. Дочь срывается с места и бежит открывать дверь.

— Папа, к тебе с работы, — раздался из прихожей ее приглушенный голос. Жена с тревогой смотрит на меня. В ответ я лишь молча пожимаю плечами. Мол, служба. Всякое бывает.

В переданной мне записке было только три слова: «Поздравляю, сестра установлена». И знакомая размашистая подпись шефа.

Вот это новость! Сестра Гофмана найдена! Как важно это для меня: осталось последнее звено, и мы у цели. Конечно, надо мчаться к ней. Немедленно. Подхожу к телефону. Опять он не работает. На ходу перекусываю и, к неудовольствию жены, уезжаю на работу.

— Я приказал тебе отдыхать, — улыбаясь, встретил меня шеф.

— В дороге отдохну.

В ответ шеф, одобрительно собрав губы трубочкой, кивнул головой.

И вот я в квартире у Розы Авербах. Передо мною сидела сморщенная старушка с потухшими глазами. «Видно, досталось ей в жизни», — мелькнуло в голове. Несмотря на свой преклонный возраст, она сохранила ясный ум и хорошую память. Показывая мне семейные фотографии, она без умолку давала пояснения, выхватывая подробности из своей жизни, вспоминая отдельные события.

— Я всегда говорила: Исаак, брось заниматься камешками, они еще никому и никогда не приносили счастья. Они блестят, но не греют. Лучше занялся бы другим, настоящим делом... Так нет, не послушался, вот и поплатился за это. Да и сам, почитай, с того света вернулся... — и Роза Львовна смахнула с лица вдруг набежавшую слезу. — Не повезло ему. Правда, потом образумился... Сейчас вот нянчит внучонка. Все равно, разве такое можно забыть? Я-то еще держусь, а он плох, совсем плох. Ведь на долгое время лишился было рассудка... А случайно не нашли бандита-то, а? — и она с надеждой посмотрела на меня.

— Еще не нашли.

— Ну что же, поезжайте к нему, поговорите, он вам как на духу все расскажет...

Гофман был дома один. Сын на работе, невестка выехала в город Юхнов навестить заболевших родственников, внук гулял во дворе. Так что мешать нам было некому. Однако беседа не клеилась. На мои вопросы он отвечал сдержанно, недоверчиво.

Что делать, как быть? Тогда я сказал:

— Не можете ли вы угостить меня чаем? Был бы весьма вам признателен.

— Пожалуйста. И как я раньше не догадался, старый дурак! — засуетился Гофман, и я поразился, с какой быстротой он покинул комнату.

Пока Гофман готовил чай, я обратил внимание на учебные тетрадки, стопкой лежавшие на столе. Одна из них

была раскрыта, не хватало в ней первого листа. Следующий же был исписан детской рукой. Почерк — до боли знакомый мне по анонимке. Я взял тетрадку, положил на нее ксерокопию анонимки и подвинул все это ближе к тому месту, где должен был сидеть хозяин.

Когда Гофман искал, куда поставить чайник, его взгляд остановился на открытой тетрадке. Изменившись в лице, он растерянно посмотрел на меня и вдруг сказал:

— Да, это я написал письмо... — Голос у него дрогнул. — Я не мог не написать, хотя боялся мести... Это же не человек, а изверг. Страшно все вспоминать, это кошмар... — Он умолк, схватившись рукою за сердце, и стал медленно оседать на пол. Я едва успел подхватить его.

Торопливо уложил Гофмана на диван, расстегнул ему рубашку, побежал на кухню, намочил полотенце холодной водой. А когда прикладывал его к груди, увидел рядом с соском два чуть заметных шрама. «Вот они, два ранения», — отметил я про себя.

Несмотря на мои опасения, через несколько минут Гофман пришел в себя.

— Извините, — сказал я. — Не предполагал, что это так подействует на вас.

— Вы меня извините, что я такой слабак... — улыбнулся он. — У меня сердце давно шалит. — Он достал нитроглицерин и сунул крупинку в рот.

— Исаак Львович, вы уверены, что именно Кузинко, именно этот человек ограбил и убил вашу семью? — спросил я после некоторой паузы.

— Да, уверен... — Он с минуту передохнул, потом продолжил: — Однажды я пошел в ателье, чтобы заказать себе костюм, я привык шить, они лучше сидят на мне. Так вот, пошел я в ателье. И что вы думаете? Я увидел высокого, большелобого, с тонкими губами и оттопыренными ушами человека в очках. Он стоял у столика приемщицы и доставал из своей сумки материал. Кажется, это было сукно. Ну да ладно. Важно другое: делал он это как-то странно... Разве мог я забыть этот резкий взмах руки снизу вверх? Отработанный жест. Этот жест, губа и уши преследовали меня всюду... Едва человек в очках вышел из ателье, я подошел к приемщице и спросил:

— Скажите, пожалуйста, как фамилия человека, который только сейчас сделал вам заказ?

Она с удивлением посмотрела на меня, боясь, что она откажется, я поспешно добавил:

— Человек показался мне знакомым, я где-то с ним встречался. Мне очень важно узнать его фамилию и адрес, где он живет.

— Кузинко, — на одном выдохе выпалила приемщица и, посмотрев на квитанцию, добавила: — Улица Семашко, двадцать три, квартира десять...

Я долго мучился, как мне поступить, хотя точно знал, что это тот самый «Матрос». Вы спросите, почему мучился. Ответу: я боялся мести... Сами понимаете, такие люди, как этот, способны на самое страшное. Вот теперь вы знаете все.

Я с сочувствием смотрел на Гофмана, на глубокие морщины, безжалостно разбросанные по его лицу, застланные горем глаза и думал: какую же страшную трагедию пережил и продолжает переживать этот человек.

— Посмотрите, Исаак Львович, может быть, узнаете кого-нибудь из своих знакомых? — и я положил перед ним несколько фотографий разных лиц.

Гофман долго всматривался в фотографии, перебирая их дрожащими пальцами, и в конце концов отложил в сторону один фотоснимок. На нем был запечатлен в молодые годы Кузинко. В морском бушлате и тельняшке.

Гофман надолго задумался, вновь рассматривая фотографию.

— Вот этот... — произнес он побелевшими губами.

Я был готов к такому ответу, поэтому остался спокоен. Теперь никакой надежды на алиби у Кузинко не остается. Он преступник. Он убийца.

Гофман молчит. Его усталое лицо еще больше осунулось, посерело. Постепенно успокоившись, овладев собой, Гофман сказал на прощание:

— Спасибо вам, что помогли снять с меня этот груз. Поверьте, мое увлечение камешками не мешало мне честно прожить жизнь.

С этими словами Гофман подошел к платяному шкафу, раскрыл его, показал поношенную френтовую гимнастерку с орденами и медалями.

— Мне тоже довелось отведать горячего свинца. В бою под Киевом наскочил на мину... Фронтной хирург меня «сшивал» на операционном столе. И, как видите, опять живой остался...

Теперь у меня было достаточно фактов, и вскоре я беседовал с Кузинко-Кузинковым. Поначалу он вел себя самоуверенно, даже нагло. Пытался все отрицать, прикрываясь своими заслугами, известными фамилиями, людьми, которые

его хорошо знают и могут подтвердить безупречность биографии. Но, припертый фактами, вынужден был в конце концов кое в чем признаться. Привык жить на широкую ногу, ни в чем себе не отказывая. Нет, он не хотел никого убивать. Он только намеревался забрать ценности, и все. Только ценности. Ведь фашисты все равно бы отобрали их у Гофмана. Но почему так получилось, он до сих пор не может объяснить. После ограбления и убийства семьи ювелира надо было скрываться. Первым делом изменил фамилию. Затем уехал на север и долго там отсиживался. Потом, как затравленный волк, гонимый страхом, метался по глубинным районам страны, часто менял местожительство, опасаясь встретить знакомых людей.

Но время притупило страх. Как притупляет боль. Раньше он отказывался от общественных должностей, ссылаясь на то, что еще не готов к такой работе, а теперь решил, что пора вылезать из норы. Он так и сказал: «Пора вылезать из норы».

— Когда это было решено окончательно, — исповедовался Кузинко-Кузинков, — я подумал, что надо мне съездить в деревню и узнать, что там говорят о моем прошлом и настоящем. Так, под видом погорельца я и побывал там. Из распросов понял, что мне бояться нечего. К этому времени у меня была женщина, с которой я состоял в гражданском браке...

— Это та орловская сожительница?

Кузинко-Кузинков вздрогнул, точно от пощечины. Он явно не ожидал такого вопроса. Однако, быстро овладев собою, ответил:

— Я не знаю, какая она — орловская или... — он было на секунду замялся и продолжал: — Я не любил ее. Но обещал на ней жениться. Если уж быть откровенным до конца, не скрою, ее болезнь и смерть принесли мне облегчение. Тогда мне казалось, что все мосты к прошлому сожжены и я могу спокойно работать...

«Конечно, далеко не все мосты были сожжены, но от одной из главных свидетельниц своей преступной деятельности в период гитлеровской оккупации — сожительницы из города Орла Кузинко-Кузинков освобожден», — подумал я.

— Как ее фамилия? — спрашивает шеф.

— Ляпунова... А что?! — насторожился Кузинко-Кузинков.

— Ничего, продолжайте.

— Мне нужно было прочно закрыть самое уязвимое место в моей биографии — тот период, когда я уже не работал в морском порту и совершил преступление, — заканчивал свою горькую исповедь Кузинко-Кузинков. — Я стал искать людей, с которыми вместе работал в порту и которые могли бы в критическую минуту подтвердить это. Одного из них мне случайно удалось найти. Решил поближе познакомиться с ним, благо что мы иногда встречались в разных местах. И каждый раз я заводил с ним разговор о нашей совместной работе в морском порту. В конце концов я убедил его, что мы вместе работали в порту до 1945 года, и с тех пор, став «земляками», встречались и перезванивались как старые сослуживцы.

— А Морозов кого рекомендовал на работу в морской порт? — спросил я.

Кузинко-Кузинков низко опустил голову. По всему видно, что он не ожидал этого вопроса.

— Меня... — он на секунду замялся. — Нет, не меня, моего брата...

— А где и на каком фронте вы воевали? — задал ему я вопрос.

На какое-то мгновение тень смущения мелькнула на лице Кузинко.

— Я на многих фронтах воевал, — начал он и, словно заученный урок, перечислил все части, в которых ему пришлось «воевать».

— Это из биографии вашего брата Алексея, а нас интересует, где вы были и что делали в это время? — строго спросил шеф.

Кузинко надолго задумался. Мы терпеливо ждали, когда он наконец заговорит. Тяжело вздохнув и ни на кого не глядя, Кузинко-Кузинков признался, что в морском порту он никогда не работал. Его призвали (а не добровольцем пошел) в армию в 1942 году. Через месяц его воинская часть попала в окружение. Выходили из окружения группами. Вскоре их схватили гитлеровцы. Вот так, мол, оказался на оккупированной врагом территории (на самом деле он на фронте не был, а в услужение к гитлеровцам пошел по собственной воле).

— И что вы делали? — спросил я.

— Жил, как и все, кто временно попал в лапы фашистов, — ответил он.

«Врешь, ты же убивал и вешал советских людей», — чуть не вырвалось у меня.

— Какая у вас была кличка в гестапо? — задал ему вопрос мой шеф.

Кузинко-Кузинков распахнул глаза, будто перед ним выросла кобра. Затем, съежившись, глубоко втянул голову в плечи.

— Уже не помню...

— Ваша кличка — «Матрос», — не выдержал я. — Глупо отпираться. Нам уже все известно. И от расплаты вам не уйти...

Кузинко-Кузинков побледнел. Он глухо сказал:

— Кажется, «Матрос».

Затем Кузинко-Кузинков, глотая окончания слов, долго рассказывал, как однажды он, будучи в облаве, наткнулся на раненого партизана и как его спрятал в заброшенной землянке и ухаживал за ним до его выздоровления. Он помнит его фамилию — Крикун Иван Алексеевич. Однодок. Из Рязани. Но кто-то узнал об этом, донес на него в гестапо. Его долго там пытали. Но он не выдал партизана. Тогда гестапо перед ним поставило вопрос — либо он убьет семью Гофмана, за что получит свободу, либо его ожидает виселица. У него не было иного выхода. Он так и сказал «не было иного выхода». Дал согласие... Позже, когда брат умер, он присвоил его документы (кое-какие умело подделал) и их использовал.

Забегая вперед, отметим, мы нашли семью бывшего партизана Крикуна. Самого-то уже не было в живых. Умер от фронтовых ран в 1975 году. Его жена, со слов мужа, нам рассказала, как однажды его, раненого, спас бывший полицей Буланов, который его спрятал в землянке и выходил. Буланов был арестован гестапо, его там били и пытали, но он не выдал Крикуна. Потом они с мужем часто встречались. Буланов тоже умер. Вот все, что знала жена Крикуна. Было ясно, что Кузинко-Кузинков присвоил себе чужие заслуги в спасении партизана в надежде облегчить себе положение. А вдруг поверят. Но это станет известно позже, а сейчас вернемся к разговору с Кузинко-Кузинковым.

— В чем заключалась ваша практическая деятельность как агента гестапо? — последовал вопрос.

Кузинко-Кузинков долго молчал. Потом робко, извиняющимся тоном сказал:

— Помогал им... по мелочам... не без этого... вот так... Другого выхода не было.

«Опять врешь, выход был», — хотелось крикнуть ему в лицо.

— Значит, помогали гестапо... по мелочам,— говорит шеф.— Владимир Николаевич,— обращается он ко мне,— прочтите справку по делу, о каких «мелочах» идет речь.

Я взял из папки лист бумаги. Положил его перед собой.

«Крюков Александр Иванович, он же Орликов Иван Александрович, родился в 1915 году, в Калужской области, выше среднего роста, коренастый, волосы светлые, лицо продолговатое, брови густые, нос прямой, глаза серые, губы тонкие, уши большие, оттопыренные, выступает кадык, на левой руке татуировка морского штурвала».

— Владимир Николаевич, прервитесь на минутку,— остановил меня шеф.— Покажите свою руку,— обратился он к Кузинко-Кузинкову.

— Не на левой, а на правой,— спокойно говорит он и засучивает рукав рубашки.

Мы увидели на руке татуировку морского штурвала, а по центру его женскую голову.

— А что вы скажете насчет портретного сходства?

Кузинко-Кузинков опустил голову.

— Продолжайте, Владимир Николаевич.

«В 1942 году перешел на сторону фашистов, поступил на службу в немецкий контрразведывательный орган ГФП¹-570 в г. Спас-Деменске Калужской области. Являлся активным агентом гестапо по кличке «Матрос». Был заброшен гестапо в партизанский отряд, который выдал гитлеровцам, отряд был разгромлен. Произведен в офицеры. Принимал активное участие в выявлении, арестах и расстрелах советских граждан на территории Орловской, Брянской и Смоленской областей. Отличался особой жестокостью, за что гитлеровцами был прозван «русским дьяволом». Награжден двумя медалями. Имел сожительницу Ляпунову Ольгу Васильевну, 1920 года рождения, уроженку Орловской области»,— закончил я чтение справки. Внимательно посмотрел на Кузинко-Кузинкова. Тот сидел сгорбившись, низко опустив голову. Наступило долгое, томительное молчание.

— Что вы теперь на это скажете, «Матрос»? — нарушая затянувшуюся паузу, спросил шеф.

Кузинко-Кузинков, очнувшись, медленно поднял на нас полные злобы глаза и, задыхаясь, прошипел:

Не-на-вижу вас... ненавижу...— и, уронив голову на стол, зарыдал.

¹ Гехаймфельдполицай.

Теперь все было ясно, и я старался как можно скорее закончить расследование. Во время бесед с Кузинковым мы дали ему возможность высказаться до конца. Врал он без стыда и совести. Тщательным расследованием была установлена и подтверждена полностью его предательская деятельность в период гитлеровской оккупации. Начал сотрудничать с фашистами в деревне, где родился и вырос, а затем, сообразив, что рано или поздно придется держать ответ, попросил перевести его в другую область, что и сделал гестапо. Там он действовал под фамилией Крюкова Александра Ивановича, снова был переведен в другую область, уже под фамилией Орликова Ивана Александровича. Кузинков зверски издевался над советскими людьми: убивал, вешал, помогал угонять на работу в Германию.

Припертый к стене неопровержимыми фактами, Кузинков признался в совершенных преступлениях. На одном из допросов он сказал, что свою сожительницу Ляпунову отравил, дабы избавиться от лишнего свидетеля. Решение это у него созрело во время ссоры, когда Ляпунова напомнила ему о его прошлом.

На вопрос, откуда у него такая патологическая ненависть и злость к советским людям, он заявил: «Я мстил за раскулачивание родителей и их преждевременную смерть... Мечтал о богатстве...»

Кузинко-Кузинков получил по заслугам.



АЛЕКСЕЙ АВДЕЕВ

РАСКАЯНИЕ

Он сидел за письменным столом в кабинете отца и читал его рабочие дневники (отец вел их в течение всей многолетней врачебной практики). Из этих материалов сын почерпнул уже немало ценного. Читая, он непрочь был выпить чашку кофе, подымить сигарой, а то и пропустить рюмочку коньяка. (Коньяк и сигары появились после того, как немецко-фашистские оккупанты в благодарность за хорошую работу в госпитале разрешили ему частную врачебную практику.)

Был солнечный воскресный день. Он сдвинул в сторону плотную штору светомаскировки, распахнул настежь створки

широкого окна перед столом. Из старого тенистого сада слышалось щебетание птиц. По дорожкам, посыпанным песком, деловито ходил седобородый старик с метлой и ведром. Он то поднимал опавший лист, то срезал засохшую веточку, то вдруг выискивал сорняк на цветочной клумбе. Из кухни за стеной был слышен ворчливый голос пожилой стряпухи, бранящей кота, и звон посуды. Садовник (он же дворник) Митрич и кухарка Поликарповна появились в доме сразу же после прихода в город немцев. До войны, когда был жив отец, он сам занимался садом и небольшим огородом. Отец работал главным врачом областной больницы и заведовал кафедрой медицинского института. Всю домашнюю работу делала мать. Сейчас же молодой хозяин в свободное время лишь любовался садом и цветниками, а мать была занята деловыми визитами и приемами нужных людей.

Все помыслы матери и сына были направлены теперь на то, чтобы побыстрее разбогатеть и стать в первых рядах «общества», которое складывалось под покровительством немецких захватчиков.

— Я родилась в богатстве и роскоши, — любила повторять мамаша. — Но все это отняли варвары и безбожники. Почти четверть века я жила в презренной бедности, мой муж, а твой отец был человеком бездарным (в этом месте сын высоко поднимал брови и усмехался, мать видела это и злилась), да, да, бездарным. Будь любой человек на его месте, он создал бы красивой жене и маленькому сыну райские условия... Но теперь пришло для нас с тобой время. Не упусти!

И сын был согласен с матерью.

После работы в госпитале он принимал дома больных и, конечно, высокопоставленных членов «общества». Так появились покровители и солидные гонорары. И вот скоро исполнится мечта: он откроет собственную клинику. На это уже есть разрешение бургомистра. Все будто бы предвещало благополучную жизнь доктору Николаю Михеевичу Мужичкову и его мамаше. Однако, как говорят в России, загад не бывает богат...

В дождливую осеннюю ночь резко постучали в дверь. Он сам кинулся открывать, уж очень резок и сердит был стук: не немцы ли вызывают в госпиталь? На пороге стояли бородатые люди. Их было четверо. Непрошенные гости предложили ему поехать с ними к тяжелобольному. Доктору стало страшно. И он попытался отказаться.

— Почему я должен ехать? Привезите больного ко мне, я осмотрю его, а вдруг инфекционное заболевание?

Широкоплечий бородач подошел к нему вплотную и так сверкнул темными глазами, что у Мужичкова чуть не оставилось сердце, а пот залил лицо.

Мы вас проводим. Не волнуйтесь. Это не инфекция, я как медбрат разбираюсь.

Ох, как не хотелось Мужичкову идти с этими людьми!

Я болен,— он вытер потный лоб рукой,— у меня температура под сорок. Я никак не могу ехать.

Чернобородый снова заговорил, говорил он вежливо, но в голосе звенел металл.

Доктор, человек находится в тяжелом положении, и если вы не пойдете с нами, на вашей совести, совести врача, будет его смерть.

Неизвестно, чем кончился бы этот спор, если бы не свист за окном. Незнакомцы исчезли. Матери Мужичков о ночных визитерах не сказал: он боялся, что она разболтает и те (он понимал, кто эти четверо) убьют его. Никому ничего не объясняя, он завел во дворе свирепого, ростом с теленка, пса. А покоя все равно не было.

Шло время, бородачи не появлялись, Мужичков успокоился и по-прежнему в свободное время читал дневники отца.

Как-то раз от этого мирного занятия его отвлек грохот телеги по булыжной мостовой, стук в калитку, а вслед за этим злобный лай лохматого Сарацина.

«Наверное, опять матери из деревни что-нибудь приволокли, уже полон дом всякой всячины — скоро на мешках спать будем», — раздраженно подумал Мужичков и закричал:

— Покой мне будет или нет? Заприте Сарацина!

— Слушаюсь, барин! — откликнулся Митрич. — Я мигом!

В калитку снова постучали. Доктор допил рюмку, бросил в рот кусочек шоколада и пошел поглядеть, кто явился. За калиткой стояли и мялись две девушки, одетые по-деревенски. Девушки были очень хорошенькие и совершенно разные — одна черненькая, другая беленькая, только смущались они одинаково.

— Здравствуйте, господин доктор. К вам можно? — спросила чернявая и поклонилась. Она прижимала к груди объемистый сверток. Вторая заправила светлую прядь волос под цветастый платок и потупилась. Мужичков посмотрел на их розовые, юные лица, и недовольство его как рукой сняло. Застегнул пуговицы домашней куртки, пригладил волосы и, приветливо улыбнувшись, сказал:

— Здравствуйте, красавицы! Раз пришли, так входите! Милости прошу!

По свежеекрашенным ступенькам девушки робко поднялись на крыльцо, вошли на просторную веранду. Чернявая положила на круглый стол сверток, облегченно вздохнула.

— Это вам, господин доктор,— сказала она, вынимая копченый окорок и аппетитно подрумяненные круги домашней колбасы.

Мужичков пожал плечами, как бы давая понять, что он против такого рода платы, но что поделать — времена, нравы...

Светловолосая вдруг заплакала, и обе они, перебивая друг друга, начали просить поехать к больному, которому только он сможет помочь...

Доктор нахмурился, уж очень ему не хотелось никуда идти, да, кроме того, он ведь не простой хирург в конце концов. Девчонки должны это понимать! «А беленькая очень славная, такая миленькая»,— подумал он и заколебался.

— Батю нашего ранило, понимаете?..— моляще сложила руки беленькая.— Ой, господи! На мину он напоролся, ноги перебило, одну начисто, другую сильно поранило.

Черненькая стояла рядом и согласно кивала. Мужичков отметил, что и черненькая по-своему тоже очень мила. «Сестры, а такие разные...» А беленькая продолжала говорить срывающимся тоненьким голоском: отец так мается, смотреть сил нет...

— А где раненый? — спросил Мужичков, уже решив для себя, что, как ни хороши сестрички, из города он ни ногой.

— Он в соседней волости. Кони у нас добрые, господин доктор, фурманка новая, свежее сено. Вам удобно будет.

— Позвольте, девушки, а почему вы не привезли его сюда? Разве я могу оставить больницу? Да и домой ко мне часто приходят больные,— сказал он, хмуясь.— Меня каждую минуту могут вызвать.

— Мы хотели привезти батю к вам, а господин офицер сказал, что он нетран-спор-табель-ный. Пускай, говорит офицер, господин бургомистр лежит дома. А нас послал за вами. Вот и записка от старосты нашего района.

Блондинка долго развязывала уголок цветастого платка, в котором была спрятана свернутая записка.

— Что это вы так ее запеленали? — улыбнулся Мужичков.

Светловолосая всхлипнула, глубоко вздохнула:

— Чтоб не потерять...

Он развернул и, бегло прочитав записку, задумался.

«Черт возьми! Вот положение! Как быть? Если не поехать к бургомистру, может неприятность выйти. А может, позвонить в комендатуру Вальтеру Штерну и попросить машину?.. — прикидывал Мужичков, а в глаза все время лез огромный окорок. — Окорок хорош, килограммов на пять. Отличный завтрак можно соорудить и того же Вальтера пригласить: кофе, ветчина с зеленью, коньяк...»

Позвольте, а разве у вас там нет своего медика? — довольно строго спросил Мужичков.

— Да какой там медик! Старушка убогая. Она остановила кровь, перевязала, а больше ничего.

— Мария Яковлевна?

— Она.

— Да, ей, конечно, трудно... Так, значит, одна нога, говорите, полностью, а другая ранена?

— Ага, как есть начисто! — ответила блондинка и снова уткнулась в платок.

Время было около пяти. Мужичков глянул на залитый щедрым солнцем сад, на чистую, омытую недавним дождем зелень, глубоко вздохнул, явно жалея о прерванном отдыхе. Потом решительно махнул рукой.

— Ну ладно, едем! А это все заберите, — сказал он, кивая на окорок и круги колбасы, но сказал это как-то неубедительно, мимоходом.

— Что вы, доктор! Это — гостинец вам, — запротестовали девушки.

Доктор кашлянул, швырнул в окно сигару и крикнул, приоткрывая дверь в комнату:

Мама, прикажи тут убрать!.. Я поеду — опять несчастный случай! Идите, девушки, к подводе. Я сейчас.

— Хорошо, сынок. Но ты не задерживайся. Вечером у тебя очередной сеанс массажа у мадам Кравчинской. Не забыл?

— Я успею, мама!

Девушки вышли, радостно переглядываясь и вытирая глаза.

Он переоделся, позвонил в больницу и приказал дежурному врачу приготовить все необходимое для серьезной операции в полевых условиях.

Высокий мужчина лет тридцати пяти, комиссар отряда майор госбезопасности Виктор Петрович Уваров, ходил на костылях между нарами, расположенными вдоль стен просторной землянки. Он искоса посматривал на стонущих людей. Не один час он уже вот так ходит. Уже несколько дней прошло после намеченного срока возвращения, а часть отряда, ушедшая с командиром на боевое задание, не вернулась. Вокруг партизанской базы рыскали немцы. Что будет с ранеными, если нагрянут каратели? Увезти не на чем, а защищать почти некому. Одна надежда на мины, которыми партизаны хитро заминировали все входы и выходы из района расположения лагеря, да на трудно проходимые болота, раскинувшиеся вокруг.

Товарищ комиссар, что ж доктор-то не едет, а? — спросил молодой боец с обвязанной грязным бинтом головой.

— Его б, сударика, силком надо притащить сюда, и дело с концом! — откликнулся из угла хриплый голос.

Кое-кто из раненых засмеялся:

— Правильно. Чего ему сюда ехать? Ему там фашистская шухера хорошо платит. А тут какой заработок?

Конечно... Силой надо!

Попробуй только, так он такой вой поднимет, что все фрицы окрест сбегутся...

Комиссар ободряюще улыбнулся:

Крепитесь, ребята. Потерпите... Сегодня должен приехать... Обязательно приедет. Не может не приехать!

И опять он прислушивался к стонам, бредовому бормотанию, ободрял улыбкой, словом. Следом за комиссаром, как тень, шагал семидесятилетний фельдшер Семен Лукич. Он мог только делать перевязки. Оперировать он не умел да и не имел для этого хирургических инструментов.

Комиссар посмотрел на старика ласково, улыбнулся:

— Ну как дела, медицина? Тяжело! Вижу.

— Ох, сынок... Тяжельше не было.

Пара сытых лошадей быстро вынесла фурманку за город. Она резво покатила по булыжному шоссе, бодро грохоча крепко окованными колесами.

Редкие ватные облака плыли над синей полосой недалекого леса, медленно меняя очертания. В голубом поднебесье кружили коршуны, высматривая добычу. Проворные пичужки вылетали почти из-под самых копыт и с тревожным

писком исчезали в высокой траве. «Ах, какая благодать вокруг!» — думал Мужичков, вдыхая напоенный ароматами разнотравья воздух. Он сидел на сене, свесив ноги. Одной рукой держался за борт, другой — прижимал кожаный саквояж с хирургическими инструментами. «Разбойник, а не девка!» — подумал он, глядя, как чернявая умело управляет горячей упряжкой.

Фурманка влетела на взгорок. Внизу раскинулось большое село с колокольней. Звуки одиночных ударов колокола монотонно растекались по округе. Особенно долго тянулся последний звук, медленно затихая вдали. Отбивали время. Ближе синела извилистая лента речушки. Мужичков почувствовал, что засыпает.

Когда до села оставалось не больше километра, из-за крайних изб выехал мотоцикл с двумя солдатами, за ними пылила легковая автомашина.

— Маша, смотри, — вскрикнула белокурая.

Мужичков вздрогнул и очнулся.

Чернявая вскочила на ноги, лихо гикнула. И, звонко стрельнув кнутом, круто свернула с шоссе на луг. Фурманка сильно накренилась над кюветом, чуть не выбросив Николая Михеевича. Снова хлопнул кнут, и лошади понесли.

Девушки! Это свои! Куда вы?! — испуганно кричал Мужичков, судорожно хватаясь за борт фурманки.

Но девушки не отвечали; одна нахлестывала коней, а другая пристально наблюдала за гитлеровцами.

Остановитесь, немедленно! — закричал Мужичков, пытаясь встать на ноги. — Остановитесь!..

А ну сидеть! — прикрикнула беляночка, которая казалась еще час назад такой робкой, и на него уставилось черное дуло пистолета. С мотоцикла длинно затрещали автоматные очереди. Пули свистнули где-то совсем рядом.

Маша, гони-и!

Эге-ге-е-ей! Пошли-и-и! — кричала чернявая, звонко хлопая кнутом. — Аннушка! Пугни-ка их!

Блондинка выхватила из-под сена ППШ, положила его на борт фурманки, нажала спуск. После первой же очереди немцы юркнули в кювет.

Лошади стлались над майской травой, сбивая и топчая яркие цветы. Быстро приближался лес. Фурманка нырнула в просеку, как в тоннель. Чернявая присела, опасаясь ветвей, летевших навстречу подводе, и продолжала гикать на лошадей. С опушки, уже за их спиной, коротко ударил ручной пулемет. Шум мотоцикла смолк. Белокурая вскинула

пистолет и дважды выстрелила в воздух. В ответ недалеко хлопнул выстрел, потом второй.

Чернявая натянула вожжи. Кони перешли на рысь, потом пошли шагом, тяжело водя боками и роняя хлопья пены. Из чащи показались всадники: кто — в шинели, кто — в ватнике, кто — в гимнастерке.

— Не растрясси гостя. Нам он целый нужен, — шутливо и вместе с тем твердо сказал широкоплечий бородач.

Врач вздрогнул. Он узнал этот голос, этот широкоплечий остроглазый приходил к нему ночью. А тот направил к подводе грудастого гнедого жеребца, нервно жующего удила, и, блестя глазами, крикнул:

— Здравствуйте, доктор! С благополучным прибытием! Я знал, что мы еще встретимся! Правда, ждать пришлось долго...

— Лучше поздно, чем никогда! — перебил черноусый партизан, ехавший рядом.

Мужичков прикусил губу и опустил голову: обжегорили, дурачину, горестно подумал он, а ведь мог бы сообразить...

Доктор вошел в просторную штабную землянку, низко пригибаясь в двери. В землянке было человек десять, все они молча смотрели на него. А Мужичков стоял, опустив голову. Наконец человек на костылях сказал:

— Входите, доктор! Мы давно ждем вас!

Врач услышал в его голосе иронию.

— Послушайте, по какому праву со мной так обращаются? — спросил он с обидой.

В землянке зашумели, заговорили. Послышались не совсем лестные слова.

— Тихо! Тихо, товарищи! — сказал человек на костылях. — Время не ждет. Идемте в госпитальную землянку, доктор. Покажу вам фронт работ. Сразу предупреждаю — быстро мы вас не отпустим.

После осмотра раненых доктор подробно изложил комиссару свои соображения о состоянии раненых. Он почти избавился от страха, который охватил его вначале, но решил поскорее улизнуть отсюда.

В землянке было сыро и душно. Голова у него без привычки разболелась. Мужичков вдруг вспомнил, что через час у него сеанс массажа фрау Кравчинской. Конечно, можно опоздать на полчаса... Болван, какие полчаса! Партизаны не отпустят его никогда. Он невольно застонал.

— Что с вами, доктор? — спросил комиссар, услышав его стон. — Не зубы ли?

Мужичков отрицательно покрутил головой и, покусывая губы, заговорил:

— Поверьте... (Он не знал, как назвать этого человека, и замялся. Тот понял: «Называйте меня Иваном Ивановичем».) Иван Иванович, у вас тут все так сложно... Голова идет кругом. Прежде всего надо тщательно осмотреть раненых — я ведь сейчас поверхностно смотрел, — разработать детальный план, составить график строгой очередности. На это уйдет немало времени...

Комиссар перебил его:

— Все, что вы говорите, конечно, важно. Но это потом. Главное, сейчас немедленно начинайте операции. Вы сами видели: у некоторых раненых начинается гангрена. Людей надо спасать, а мы напрасно тратим время на разговоры!

Он положил сжатые кулаки на стол, внимательно взглянул на врача. Тот сидел, опустив голову, и молчал. Комиссар не мог понять: действительно ли врач боится оперировать в таких условиях или умышленно оттягивает время.

— Я не требую, доктор, невозможного. Но у нас кое-что есть, и мы приняли дополнительные меры. Через день-два у нас будут медикаменты, какие вам потребуются. И давайте закончим на этом! Идите выполняйте свой долг. Мы доверяем вам жизни наших боевых товарищей. Каждый из нас готов отдать им всю свою кровь до капли. Но имейте в виду, если с ними что-нибудь... В общем, я надеюсь, вы хорошо понимаете меня, доктор.

Мужичков кивнул в знак согласия.

В этот же день при свете фонарей «летучая мышь» доктор оперировал двух тяжелораненых.

Он работал напряженно, используя весь свой опыт и знания, твердо решив завоевать доверие партизан, усыпить их бдительность и бежать.

Комиссар не обманул: через два дня, придя утром в операционную, Мужичков увидел на столе свертки, пакеты, большую бутылку, флаконы, пузырьки, тюбики, мешок бинтов. В старом чемодане насыпью лежали пакетики, коробочки с порошками, пилюлями и таблетками. Были и кое-какие разрозненные хирургические инструменты. На стуле он увидел стопку простыней, наволочек, полотенец, на крючке — несколько белых халатов.

Рассматривая разложенное на длинном столе богатство, врач обратил внимание на пятилитровую бутылку спирта со свежей этикеткой. Он ахнул: «Черт возьми!.. Это же мой спирт!» Этикетка была написана его рукой. «Но как спирт

оказался здесь? Пять дней назад я привез его домой, приклеил этикетку и поручил Митричу отнести бутылку в подвал! Странно».

— Ну как, доктор, мы вас не разочаровали? Все здесь есть? — спросил комиссар, входя в палатку.

Вот знакомлюсь. Здесь есть многое, чего не доставало. Но откуда все это?

У нас много друзей. Работайте, доктор, а чего нет — еще достанем.

Врач буркнул:

— Это хорошо, когда много друзей...

Очень хорошо, — подтвердил комиссар, усмехнувшись, и вышел.

В операционную вошли Маша и Аннушка. Поздоровались с доктором вежливо и спокойно, будто и не они его привезли. Принялись разбирать медикаменты. А он нет-нет да и бросал взгляд на свою бутылку со спиртом. «Кто же передал мой спирт? Тот, кто связан с партизанами, конечно. А кто? Поликарповна? Стара и глупа. Маман? Шуточки! Я и Митрич. Наверное, я, — усмехнулся Мужичков. — Ах, злодей Митрич! Ах, старая каналья! И партизан тогда он пустил во двор. Конечно, он! Знать бы раньше...»

Доктор постоянно чувствовал строгий надзор за собой. Почти все время рядом крутилась Аня. И он был уверен, что рука ее не дрогнет, если он попытается бежать. Иногда ее сменял фельдшер Семен Лукич.

Сначала он все время думал о бегстве, это было навязчивой идеей, но работа — операций было много, и все не легкие, — как-то постепенно притупила желание бежать. Все-таки он был настоящий врач, любящий свое дело, для него каждый прооперированный становился почти родным.

Некоторые из его пациентов куда-то исчезали — он забеспокоился и спросил о них комиссара:

Скажите, Иван Иванович, куда девались пятеро, которых я прооперировал?

Комиссар внимательно посмотрел на него, помедлил:

Не беспокойтесь за них, с ними все хорошо. Мы их отправили в более безопасное место.

А как хорошо и тепло становилось у него на душе, когда видел благодарные глаза спасенного и слышал обращенные к нему слова:

— Спасибо, доктор, я вас не забуду — вы мне жизнь возвратили.

Но большинство партизан по-прежнему относились к нему настороженно, как к чужому. Они не забыли, как он попал к ним. Знали, какую жизнь он вел в оккупированном городе, с кем там дружил и сотрапезничал. Мужичков понимал это и не набивался в друзья. Ему выделили небольшую землянку, во второй половине которой всегда кто-то был, чаще всего семнадцатилетний Пашка. Милый улыбчивый парнишка очень интересовался всем, что относится к медицине, рвался помогать в уходе за ранеными, задавал множество вопросов, но, когда доктор решил сходить за ягодами, Пашка встал у двери: не положено. Вот так-то. А однажды он слышал случайно, как Леша, которому он «починил» руку, говорил: «Наш доктор — молоток. Вон мне как руку сделал. Как новая». А его собеседник заметил: «Молоток-то молоток, да держи ухо востро». И Мужичков опять сжался от ощущения своей чужеродности всем этим людям, а ведь до войны он был как все — ходил в школу, учился, влюблялся... И все-таки была разница. Он вспомнил, что мать вечно была недовольной, вечно ворчала на отца, а отец усмехался в сидящие усы и ничего ей не отвечал. Читая теперь его дневники, он часто натывался на записи о жизни, о семье. Это был крупный, широко мыслящий человек... «Как он выбрал мою мать?» — невольно думал Мужичков. Он с неприязнью вспомнил свою жизнь при немцах. Ужимки матери, свои поклоны, вереница рыхлых сытых тел, которые он массировал, оперировал и лечил, тех, кто убивал вот таких! К горлу Николая Михеевича вдруг подступили слезы, он почувствовал неодолимое отвращение к себе. А если бы жив был отец?.. Пистолета у врача не было, но это был момент, когда Мужичков готов был застрелиться. Но время шло, и вокруг шла жизнь, наполненная опасностями, лишениями, смертельной борьбой с врагом. И она не могла не повлиять на Мужичкова. А окончательно встряхнуло его нападение фашистских карателей на партизанский госпиталь.

Стоял уже ноябрь, Мужичков привычно осматривал раненых. Маша готовила инструменты, Аннушка кипятила воду в баке. Вдруг послышались выстрелы и взрывы. В землянку ворвался огромный рыжий немец в грязном маскахалате и открыл огонь по нарам, на которых лежали раненые и больные.

Что вы делаете? Остановитесь! — закричал Мужичков по-немецки.

Рыжий верзила обернулся на его крик, пьяно захохотал. Прогрохотала автоматная очередь.

Когда Мужичков пришел в сознание, ему сказали, что Маша закрыла его собой, а Аня застрелила рыжего фашиста из своего пистолета. Три пули ранили врача.

Отряд вражеских лыжников-карателей, пробравшийся к партизанскому госпиталю, был уничтожен.

Некоторое время, после гибели Маши, врач чувствовал, что партизаны стали избегать его, не заходил больше в землянку и комиссар, лишь официально интересовался, как идет выздоровление. Аннушка часто тихо плакала в своем закутке около операционной. Мужичков обучал ее серьезно и сложному делу операционной сестры. И однажды, когда он похвалил ее после перевязки, она вдруг прямо в глаза посмотрела ему и спросила: «А как вы, Николай Михеевич, служили им? Как могли? Они же звери!»

Он побелел, сердце вдруг заколотилось, заболело... Как служил? Как мог? Он не смог сразу ей ничего ответить. Ведь служил... И прошептал: «Не знаю. Простите, Аня, не знаю...» Было одно обстоятельство, которое тяготило его и заставляло задумываться. Незадолго до нападения карателей, укладываясь спать и поправляя самодельную подушку, он увидел какую-то ерундовую грязную бумажонку, на которую почему-то обратил внимание, хотя по виду годилась она только на выброс. И замер. Это была записка от матери: «Коленька! Доверься подателю этой записки». На обороте было нацарапано: «Господин доктор, меня не ищите. Я сам найду вас. Ваш друг». Тогда он обрадовался весточке от матери и подумал: значит, и сюда проникают люди с той стороны... Но тут же испугался — как этот «неизвестный друг» будет искать его? Он понял, что боится и не хочет, чтобы его искали «с той стороны». А потом ранение, зверская расправа с ранеными и больными в госпитале и гибель Маши так перевернули его, что теперь он знал, что ответить «неизвестному другу», как поступить с ним, если они вдруг встретятся.

Ранения были легкими. Через неделю он уже встал на ноги и только чуть прихрамывал.

Приступив к работе, Мужичков твердо решил встретиться с «другом» с той стороны. Чаще стал бродить вокруг своей землянки, старался больше быть на виду и напомнить неизвестному о себе. Однако тот не приходил.

«Я сам найду вас», — предупреждал «друг» в записке. «Но где же он?.. Как его найти? — волновался врач. И тут

же сдерживал себя — Нет-нет. Самому мне не следует торопить события».

Господин доктор... Я очень сожалею, что тогда так нелепо получилось, — услышал Мужичков от пациента.

Он вопросительно посмотрел на пожилого мужчину в поношенном коричневом ватнике, с худым морщинистым лицом, который усаживался перед ним на табуретке. Левая кисть незнакомца была забинтована и покоилась на перевязи.

В больничной землянке, кроме них, никого не было.
— Вы о чем?

Тот растянул тонкие губы в улыбке, оголив крупные, сильно прокуренные зубы. Сторожко глянул на вход в землянку. Затем снял перевязь. Сорвал повязку с кисти и сунул бинты в карман ватника. Пошевелил пальцами: кисть, видимо, затекла от ложной повязки. (Он появился у врача по поводу растяжения связок локтевого сустава и кисти.)

— Николай Михеевич, примите материнский поклон от Ирины Александровны, — тихо произнес «пациент» и склонил голову с почтением. — Она ждет вас с нетерпением.

Мужичков вздрогнул от неожиданности, поняв, что перед ним человек, которого он так долго ждал.

— Так это вы?! — он быстро взял себя в руки, добавил уже спокойнее: — Наконец-то!

— Да... Я — ваш друг, — представился тот и сообщил доверительно: — Лыжников-эсэсовцев сюда привел я... В разгар боя можно было незаметно уйти. Однако автоматчик опередил человека, который знал вас в лицо. Тот человек должен был встретиться с вами и обеспечить вашу безопасность. Но он погиб. Печально, конечно, что вас тогда ранило. Столько времени напрасно потеряно... Ирина Александровна очень волнуется...

Мужичков сжал зубы. Похолодел весь. Он не знал, как вести себя дальше. Он кивал головой, словно соглашался с тем, о чем говорил гость. У него вдруг появилась такая ненависть к пришельцу, что стало дурно, закружилась голова. Доктор сильно прикусил губу, стараясь избавиться от головокружения. Подумал: «Так это он за мной пришел! А что у меня с этим типом общего?! Фу, какая мразь! Нет-нет! Я никуда с ним отсюда не пойду!» И он стал торопливо придумывать, как лучше обезвредить пришельца с той стороны.

А тот продолжал:

— Господин доктор, у меня все готово. Можно хоть сегодня ретироваться. Только прежде чем уйти, нам надо оставить тут гостинец. Понимаете?

Доктор сдвинул брови, насторожился, глянул на собеседника вопросительно.

— Да такой гостинец, чтобы надолго запомнили вас бандиты! — продолжал гость, кривя губы.

Мужичков напрягся весь:

— А что вы имеете в виду?

«Пациент» достал из внутреннего кармана ватника темный стеклянный пузырек. Протянул врачу:

— Вот! В нем такая сильная доза, что достаточно будет всыпать щепотку в их колодез или в общий котел... В общем, дело проверенное.

Николай Михеевич ужаснулся, поняв, что требует от него этот человек. «Безумие! И я должен согласиться на это?! Но он может сделать это и без моего согласия!» — Доктор торопливо взял у диверсанта пузырек, на этикетке которого чернел безглазый череп, а под ним скрещенные берцовые кости.

— Ясно. А что в нем?

— Не знаю точно. Мне сказали, что вполне хватит на тысячу голов. Действует мгновенно! — сообщил диверсант и так сжал зубы, что желваки заходили.

За стеной слышались голоса. Тут же поднялась плащ-палатка, что заменяла дверь.

— Хорошо. Вечером приходите в мою землянку, — пряча пузырек с ядом в карман халата, шепнул врач диверсанту. — Там договоримся. — И громко сказал: — Ну что ж, с рукой у вас все в порядке. Были растянуты связки. Пройдет скоро. Все.

Он смазал «пациенту» верхнюю сторону кисти йодом. И тот удалился, предварительно поблагодарив врача. А в землянку вошли два молодых партизана: у одного свежая повязка на голове, второй поддерживал раненого товарища под руку.

Мужичков вошел в землянку комиссара отряда и устало опустился на лавку, вытянувшуюся вдоль стола. Прислонил к ней палку. Осторожно поставил на стол пузырек с ядом. Облегченно вздохнул. Потом снял шапку, вытер ею обильный пот во лба и рассказал о своем «спасителе».

Диверсанта взяли в тот же день вечером, когда он остано-

вился у входа в докторскую землянку, готовясь войти в нее...

После того как Николай Михеевич помог партизанам обезвредить диверсанта (и тем самым отрезал себе путь возвращения в оккупированный город), он почувствовал облегчение: будто неимоверная тяжесть свалилась с его плеч, стало легко дышать. Однако и после этого он по-прежнему часто задумывался над тем, как ему все рассказать комиссару, как объяснить свою службу немцам... Мужичков в сотый раз твердил все те слова, какие он скажет комиссару, Аннушке, Пашке, Лехе, Семену Лукичу...

Но, уже собравшись это сделать, он вынужден был уехать в соседний отряд к тяжелораненому. А приехав назад, узнал, что ни комиссара, ни белокурой Аннушки, ни старого фельдшера в отряде уже нет — их вызвали в Москву.

Части Советской Армии, развивая стремительное наступление, пересекли государственную границу Советского Союза и погнали гитлеровцев дальше на запад. Отряд вышел из леса. Представитель Центрального штаба партизанского движения привез приказ о расформировании отряда: молодежь шла в действующую армию, пожилые возвращались в родные места.

В последний раз партизаны выстроились на большой поляне, теперь они уже не опасались нападения вражеской авиации.

Товарищ из Москвы вручил правительственные награды многим бойцам и командирам отряда. И на груди врача засверкал боевой орден. Когда представитель прикалывал орден ему на пиджак, Мужичков заплакал. Это были не только слезы радости и благодарности, в них была просьба простить, но почти никого не осталось из тех, с кем он начал жизнь в отряде. Его слезы не вызвали удивления — плакали многие, но он-то знал, что значат его слезы. И не было рядом с ним тех людей, кто спас его от позора.

Мужичков вернулся домой. В доме его по-прежнему жила Поликарповна, а теперь еще поселилась жена детского врача Слипецкого с двумя дочерьми. Они приняли его как родного. Жена Слипецкого рассказала о своих мытарствах при оккупантах, о пропавшем без вести муже. О матери Мужичкова она ничего не знала. Поликарповна рассказала, что Ирина Александровна уехала накануне ухода немцев из города. Но куда — она не могла сказать. Поликарповна

рассказала Николаю Михеевичу, что Митрич был активным участником похищения партизанами врача. А когда того увезли в лес, Митрич ухитрился подложить мину замедленного действия в багажник «мерседеса» коменданта города Вальтера Штерна (комендант приезжал расследовать случившееся). Мину гитлеровцы обнаружили. Ищейка привела немцев к их дому. Старый партизан закрылся в сторожке. А когда немцы выломали дверь, раздался мощный взрыв. Двух немцев, полиция и овчарку отправил в могилу Митрич...

Врач скорбно опустил голову: «Значит, я не ошибся. Митрич успел передать бутылку спирта партизанам! Даже дряхлый старик и тот боролся с ними! А я? А я, как я мог...» — в сотый раз казнил он себя.

...Представив документы об участии в партизанском движении в горздравотдел, Мужичков получил место старшего хирурга в одной из городских больниц.

Работы было много: день и ночь он проводил среди больных. Стал привыкать к новому месту, к людям, с которыми работал. Но однажды к нему подошел больной, которого он оперировал по поводу аппендицита, и вкрадчиво сказал:

— Николай Михеевич, а помните вечера в офицерском казино, где вы не раз бывали?

— О чем вы? — резко спросил Мужичков.

— О том, дорогой Николай Михеевич, о том... Я помню, как...

Их прервали.

Дома он не мог вспомнить, где видел этого толстяка с венчиком рыжих волос вокруг лысины. И только утром, приехав на работу и увидев ухмылочку на лице больного, вспомнил, что действительно видел его в офицерском казино. Он работал там шеф-поваром. Его не раз вызывал к их столу обер-лейтенант Боот, благодарил за вкусные блюда и угощал рюмкой вина. А тот гнулся перед фашистом в холуйском поклоне.

Толстяк пришел к нему на осмотр и снова начал воспоминания:

— Какая миленькая дамочка была фрау Кравчинская... Знаете, порою я даже завидовал вам...

Врач заерзал на стуле, подумал: «Какого черта он это все мне говорит», — и строго сказал:

— Прекратите...

— А вы не волнуйтесь, дорогой Николай Михеевич, — сладко заворковал шантажист. — Я вашего незабвенного ро-

дителя хорошо помню. Строгий был человек. Вы в матушку... — Толстяк хитро посмотрел на Мужичкова. — Мне бы местечко в вашей больнице, а? Шеф-повар я. Больные людишки кушают мало. Больше переводят добро. А время сейчас трудное, голодное, сами видите. Если по-разумному составить рацион, то и они будут сыты, и немало останется... Главное, чтоб с головой дело вести. Да и вы в обиде не останетесь. Заверяю вас.

Врач молчал. А толстяк, принимая молчание за согласие, с каждым словом наглед. Бормотал с улыбочкой, сверля врача хищными глазками.

— Мы — люди маленькие, нам много не надо... А известно вам, дорогой Николай Михеевич, что матушка ваша Ирина Александровна уехала в Германию? Не волнуйтесь. С полным комфортом, на легковой машине отбыла. И не одна, представьте! С одной русской дамой из бывших, а теперь женой поставщика продовольствия для германской армии.

Это известие ошеломило врача: его мать бросила родную землю и сына, который, как считала, находился в страшной беде?!

Так как же, Николай Михеевич, вы согласны? — после паузы спросил толстяк.

— Мразь! — не выдержал Мужичков. — Убирайся отсюда.

Он вскочил со стула, схватил толстяка за ворот теплой полосатой пижамы и так толкнул, что бывший шеф-повар с шумом вывалился в коридор...

Через неделю врач сидел в вагоне поезда, следовавшего на север. Он не мог больше оставаться в городе, где прошлое следовало за ним по пятам.

Теперь он часто менял места работы, боялся, что новые сослуживцы могут узнать о его прошлом и строго осудить его. А вдруг найдутся еще такие, как шеф-повар из офицерского казино...

Только спустя много лет, изнуренный тоской по дому, он вернулся в родные края. Стал снова работать главным хирургом областной больницы, преподавать в мединституте, защитил докторскую диссертацию. Его уважали сослуживцы, любили студенты. Однако тяжелый проступок, совершенный им в далекой молодости, по-прежнему тяготил его. Душевный покой и моральное удовлетворение он находил лишь в работе: ей он отдавал все свои силы и время. Все чаще и чаще перед ним вставал вопрос: как мог он так оступиться, предать

народ, из недр которого вышел? (Прадед — крепостной. Дед рабочий. Отец окончил университет на трудовые рубли деда.) Мать считала отца главным виновником своей безвозвратно погибшей молодости и чуть ли не своим врагом.

Лишившись, как она считала, по вине мужа роскоши, комфорта и благополучия родительского дома, она ожесточилась. Сейчас он понимал, что мировоззрение матери не могло не повлиять на его взгляды. Отца он видел мало. Воспитанием его занималась мать. Настроенная к новому строю враждебно, она старалась изолировать сына от окружавшей их среды. Он не был ни пионером, ни комсомольцем, сторонился общественной работы, не имел он и близких друзей, с которыми можно было бы откровенно поделиться горестями и радостями.

Изучая архивы отца, он все больше убеждался в том, что отец был прекрасным врачом. Работал вдохновенно. Его любили. Об этом свидетельствовали многочисленные письма от его бывших пациентов, официальные документы, характеристики. Все это теперь радовало и успокаивало сына.

...Когда началась Великая Отечественная война, отец был тяжело болен. Фронт неумолимо приближался к их городу. Почти каждую ночь земля дрожала от разрывов вражеских бомб. Вместе с другими больными и ранеными отца готовили к эвакуации. Но мать отказалась ехать с ним.

Он слышал их разговор.

— Куда и зачем нам уезжать из своего дома? Ты болен, а дорога трудная, дальняя! — заявила мать.

— Что ты говоришь, Ирина? Это же фашисты! Они скоро будут здесь!

— Ну и что? Германия всегда была передовой и культурной страной. Многому у нее учились другие народы.

— Это верно, но сейчас ею правят фашисты. Неужели тебе недостаточно того, что о них пишут в газетах и говорят? — увещевал ее отец.

Но мать была непреклонна.

— Вздор! Будем надеяться на лучшее.

Мать категорически отказалась сопровождать отца. Скандал сыграл свою роль. Отцу стало совсем плохо, и он скончался от инфаркта... Вскоре Мужичкова-младшего вызвали в горвоенкомат. Мать рыдала. Он «дал слабинку» — скрылся и вернулся уже тогда, когда город был оккупирован. Скребло на душе, чувствовал себя неудобно, но уговаривал

себя тем, что он врач, только врач и будет лечить людей, не вмешиваясь в политику. Но политика сама «вмешалась» в его жизнь...

Профессор Николай Михеевич Мужичков стоял у раскрытого окна своего кабинета на первом этаже и смотрел на просторный больничный двор. Молодая листва березок, что росли на месте уничтоженных войной старых деревьев, золотилась в лучах майского заката. Было тепло и тихо. Он горько подумал вдруг: жизнь кончается, а у меня ни одной родной, близкой души рядом!

Зазвонил телефон. Николай Михеевич снял трубку.

Да, я... Тяжелый случай? Полковник Уваров? Сейчас буду.

Операция была сложной, длилась долго но закончилась благополучно. Больного увезли в палату.

Благодарю вас, друзья! — тихо сказал профессор и вышел из операционной.

Не успел он докурить сигарету, как в дверь кабинета вошла немолодая, стройная женщина со светлыми волосами, убранными в узел.

— Что вам угодно? — строго произнес профессор.

Женщина не ответила и, казалось, не обратила внимания на его слова. Она быстро подошла к нему, обняла, поцеловала в щеку и сказала:

— Большое вам спасибо, дорогой Николай Михеевич!

— Боже мой! Аннушка!

Он не мог произнести больше ни слова. Аннушка улыбнулась сквозь слезы:

— Не узнали?

— Узнал! — почти крикнул профессор. — Узнал! И вас, и Ивана Ивановича...

— Виктора Петровича, — ласково поправила Аннушка. — Тогда нельзя было называть его настоящего имени.

— А вы? Вы тоже не Аннушка? Простите...

— Я? Аннушка настоящая. И всегда для вас ею останусь... Можно его повидать?

Николай Михеевич медлил:

— Вообще-то после подобной операции нельзя...

— А мне?

Он глубоко и как-то протяжно вздохнул, снял телефонную трубку. Анна поняла, что больной проснулся после наркоза и состояние его удовлетворительное.

— Все хорошо будет, Аннушка, все хорошо, но сейчас не надо его тревожить. Скоро увидите, потерпите немного. Терпение — великая вещь.

И вот настал день, когда Виктору Петровичу разрешили вставать с постели и ходить. Первое время он, не торопясь, прогуливался по просторной палате, опираясь на костыли. Дня через три стал выходить на застекленную веранду. Пошагав по ней несколько минут, садился в плетеное кресло. И, прислонив костыли к стене, с удовольствием обозревал через распахнутые створки обширный больничный двор-парк, новые многоэтажные дома, что высились за территорией больницы.

Главный врач больницы профессор Мужичков Николай Михеевич часто навещал его. Вот и теперь он вошел, поздоровался с пациентом, спросил о самочувствии и уселся в кресло напротив. Внимательно прослушал пульс, кивнул одобительно и сказал:

— Все идет прекрасно. Еще несколько дней — и на выписку. — Доктор сдвинул брови, придирчиво оглядел собеседника и спросил: — Скажите, пожалуйста, Виктор Петрович, а когда вы потеряли ногу?

Уваров поднял густые, тронутые проседью брови, косо взглянул на собеседника. Видимо, ему не очень-то хотелось говорить на эту тему. А врач не отводил от него вопросительного взгляда: ждал ответа. Пожав плечами, полковник глубоко вздохнул, сообщил:

— В сорок первом я был тяжело ранен... Попал в плен. Там ногу и оттапали...

Профессор поднял брови, покачал головой и сказал, как бы оправдывая свое неуместное любопытство:

— Видите ли, осматривая вас перед операцией, я обратил внимание на необычный вид культи: на икроножной мышце — огромные продольные шрамы. По всему видно, что оперировали вас, когда гангренозный процесс перешел уже в угрожающую стадию. — Он помолчал, продолжая внимательно смотреть в глаза пациенту, потер свежевыбритый подбородок. — Мне тоже приходилось как-то оперировать больного, который находился на грани гибели от гангрены.

— Вот как? А где это было? Когда? — с интересом спросил Уваров.

— В Первой больнице нашего города. В начале ноября 1941.

Полковник нахмурился, исподлобья глянул на него.

— Та-ак... А больница была уже на положении концентрационного лагеря?

— Да, — подтвердил врач.

— Операционная находилась на втором этаже, так? Окна — во двор, верно?

Доктор кивнул головой.

— Интересно. Все как будто совпадает.

Что совпадает, Виктор Петрович?

— Да то, Николай Михеевич, что тем больным, которого вы оперировали с гангреной в последней стадии, наверное, был я...

— Нет! Не может этого быть! — уверенно заявил врач, волнуясь.

— Почему же, Николай Михеевич? Именно в Первой городской больнице меня оперировали в ноябре 1941 года... Жаль, что я не видел врача, который резал мою ногу. Меня усыпили до его прихода.

— Этого не может быть, Виктор Петрович, потому что тот человек, которого я оперировал, был партизаном. Я не видел его лица — оно было забинтовано, — но мне сказали, что он умер от истощения и ран через два дня после операции.

— Все это так, Николай Михеевич. О партизане вам сказали правду...

Врач Мужичков прикусил губу. На морщинистом лбу его заблестели капельки пота. Он смахнул их ребром ладони. С явной заинтересованностью смотрел на пациента. Ждал, что тот скажет. А полковник Уваров достал папиросы, закурил. Затянувшись несколько раз, рассказал, что в конце октября 1941 года он и еще шесть человек сопровождали конный обоз с ранеными партизанами. Их нагнали каратели. На краю заболоченной низины завязался неравный бой. Обоз оторвался от преследователей и благополучно ушел в глубь леса. А партизаны, прикрывавшие его, остались на болоте. Уваров (тогда майор) был тяжело ранен. Его опознал полицай. Предатель знал майора еще до войны. Знал, что Уваров — сотрудник органов государственной безопасности...

— Вы, Николай Михеевич, знаете, что в Первой городской больнице-концентрационном лагере, где и вы тогда работали, были не только медики, которые перешли на сторону немецко-фашистских захватчиков, но и честные советские люди, до конца преданные Родине (а их там насчитывалось гораздо больше, чем предателей). Патриоты остались в боль-

нице, чтобы не бросать в смертельной опасности сотни раненых красноармейцев и командиров Красной Армии. Вот эти патриоты и помогли мне остаться в живых...

— Позвольте, Виктор Петрович! — перебил его врач. — Но я же сам видел труп того партизана. И констатировал его смерть! — заявил Мужичков, бледнея. И добавил: Правда, я не осматривал труп сам, а доверился своим помощникам.

Полковник Уваров глубоко вздохнул:

— Все это, доктор, было так, как вы говорите. Но вы же видите, что я жив?.. Значит, труп, который вы видели, был не мой... Советские патриоты организовали мне побег, не побег, конечно, а мое похищение — я же не мог ходить. Они усыпили меня, унесли в морг. На мою койку положили труп другого человека... А меня, как умершего местного жителя, выдали родственникам по их просьбе... Но, конечно, не под именем чекиста Уварова... Сами понимаете.

Долго еще больной и главный врач вспоминали события военного времени, участниками которых были.

Николай Михеевич рассказал Уварову обо всем, что его волновало и тревожило все послевоенное время. Он откровенно и честно говорил о своей жизни: о причинах, толкнувших его на сотрудничество с оккупантами. О тяжелых переживаниях. О постепенном своем прозрении. Особенно тепло и подробно говорил он об отце и его бескорыстном служении людям...

Полковник Уваров внимательно слушал.

Вспомнили они о совместном пребывании в партизанском отряде, что действовал на временно оккупированной территории Белоруссии. О нападении вражеских лыжников на партизанский лесной госпиталь. О коварных намерениях диверсанта-отравителя. О гибели Маши...

Врач тяжело вздохнул, смахнул пот со лба рукавом, пригладил ладонью волосы.

— А что стало бы со мной, если бы не вы? Не Маша и Аннушка? Да что тут говорить...

Он вдруг запнулся, обхватил голову руками и замолчал.

Полковник нахмурился. Потом положил руку на его плечо.

— Ну полно вам, Николай Михеевич... Полно... Успокойтесь... Я вас прекрасно понимаю... То, что вы делали в партизанском отряде, спасая от верной смерти тяжелораненых и больных, и честная ваша работа после войны реабилитирует вас перед советскими людьми и Родиной... Поверьте.

Я говорю это от чистого сердца. Успокойтесь же... А особенно благодарен вам я, дорогой Николай Михеевич!

Профессор поднял голову. По лицу его катились слезы. Он вынул из кармана халата платок, торопливо вытер глаза, спросил чуть слышно:

— Вы? Вы благодарны мне? А за что же, Виктор Петрович?

— Как за что? Ведь вы, Николай Михеевич, дважды, можно сказать, спасли меня от верной смерти... Да, да! Это благодаря вам я живу, вижу солнце, дышу воздухом.

Врач поднял руку, покрутил головой.

— Но это же моя работа... Мой долг перед людьми...

Вы правы. Но, тем не менее, вы — мой спаситель. И я — вечный ваш должник. И хватит вам так казнить! Успокойтесь. Смотрите на мир смело и открытыми глазами. Вы заслужили это. Да, заслужили, Николай Михеевич!

Профессор стоял, глубоко засунув руки в карманы халата. Морщинистое лицо его было каким-то расслабленным и в то же время торжественным. Он хотел сказать что-то, но не мог...

Уваров с участием смотрел на профессора. Глаза его щурились хитро и задорно. И вдруг он громко и весело рассмеялся, откидываясь на спинку кресла.

Уважаемый доктор, Николай Михеевич... Давайте-ка закончим этот разговор. Ведь все уже давно ясно, понятно и расставлено по своим местам. Поговорим лучше о том, как нам жить дальше, а?

В это время в коридоре раздались шаги. Дверь на веранду шумно распахнулась, и на пороге появилась розовощекая палатная сестра Глаша. Она широко и радостно улыбнулась, всплеснула руками:

Ой! Извините, пожалуйста, Николай Михеевич! — и повернулась к двери: — Анна Сергеевна! Идите сюда! Я же вам говорила, Анна Сергеевна, они действительно тут!

— Добрый день, друзья! Так вот куда вы спрятались?! — громко сказала Аннушка, переступая порог. — А мы с Глашей ищем, ищем вас!

Лицо ее светилось от счастья. К груди она прижимала пышный букет ярких цветов.

Профессор вынул руки из карманов, пятерней убрал упавшие на лоб волосы и шагнул ей навстречу...



ЛЕОНИД ЛЕРОВ, ЕВГЕНИЙ ЗОТОВ,
АЛЕКСЕЙ ЗУБОВ

КОНЕЦ «СОКРАТА»

Захар Романович Рубин, ведущий научный сотрудник одного из Московских научно-исследовательских институтов, не лучшим образом прожил свои шестьдесят пять лет. В пору войны гитлеровцы завербовали попавшего в плен молодого военного врача Рубина. Став немецким агентом, он прошел разведывательную подготовку и под кличкой «Сократ» был заброшен в тыл Красной Армии. Рацию и другое шпионское снаряжение он захоронил в лесу, в районе приземления, под Смоленском. Ему удалось влиться в ряды

советских бойцов и в качестве военврача пройти всю войну. Трусость, желание сохранить жизнь — так он позже объяснял свое поведение — толкнули его тогда на путь измены. Когда согласился стать агентом абвера, то для себя решил: «Как только окажусь дома, в Москве, явлюсь с повинной». Увы, это был жалкий компромисс с совестью. На явку с повинной и честную исповедь не хватило мужества.

Так десятки лет жил Рубин под страхом: вдруг узнают, и тогда всему конец — доброму имени, служебной карьере.

Тайное помимо воли Рубина стало явным. После мучительных колебаний и раздумий, он все же пришел в приемную Комитета госбезопасности, но пришел лишь тогда, когда новые хозяева, получив от гитлеровцев по наследству их агентуру, дали знать о себе Захару Романовичу.

Его принял полковник Бутов, опытный контрразведчик. Поборов испуг и растерянность, Рубин произнес: «Я... агент иностранной разведки».

Даже выдавший виды Бутов был удивлен столь скоропалительным заявлением, но виду не подал. «Продолжайте, я вас слушаю». Тяжкая это была исповедь. Рубин говорил задыхаясь, умолкал, молча сидел, понутив голову, и снова говорил...

С участием Рубина начался поиск спрятанного им шпионского снаряжения. Чекистам важно было знать — сказал ли Рубин правду? И еще: работала ли уже рация? Поиск оказался очень трудным. Но, тем не менее, снаряжение было найдено. Эксперты дали ответ: рацией «Сократ» не пользовался.

Значит, Рубин сказал правду. Но пока это была полуправда. Полную правду о себе он скажет позже, лишь после того, как к нему явится Нандор, связной одного из филиалов ЦРУ. Он привез «Сократу» новое шпионское снаряжение: рацию и средства для нанесения тайнописи в почтовых корреспонденциях и средства ее проявления, подставные адреса для связи с разведцентром...

Ровно через пять дней после отъезда Нандора в почтовый ящик была опущена открытка с венским адресом и с видом Красной площади. Бутов вступил в «игру».

Виктор Павлович Бутов готовился к большому разговору с генералом. Терзали сомнения — как поведет себя Рубин? Можно ли полностью доверять ему? И тут же возникал вопрос: «А разве он не сказал правды? Ведь шпионское снаряжение оказалось в указанном месте. И после звонка

Нандора он сразу пришел к чекистам. Может, новую радио-аппаратуру, врученную связным из штаб-квартиры, временно забрать у него? Или изъять какую-нибудь деталь, без которой аппаратура не будет действовать? — И сам же возражал себе: — Как же тогда из штаб-квартиры передадут по радио запросы, указания? — И тут же отвечал: — Нандор не случайно снабдил Рубина средствами тайнописи, подставными адресами, по которым можно установить и письменную связь».

Тревожные мысли не давали покоя.

Однако в кажущейся неразберихе уже начал вырисовываться план операции.

Наконец, у него уже было все готово для подробного доклада генералу Клементьеву. С чего началось, как развивались события, чем кончилось. Точнее, на каком этапе остановились. Конца еще не видно. Зная, что генерал проявит интерес ко всем деталям, полковник старался не упустить «крупных мелочей»

...Бутов сидит за длинным столом генеральского кабинета, неторопливо докладывает. Генерал Клементьев, крепкого сложения мужчина лет шестидесяти, с лобастой головой и большими умными глазами, попыхивая трубкой, шагает из угла в угол, заложив руки за спину.

Полковник озабочен. Генерал улавливает настроение Бутова, но пока своего мнения не высказывает.

— А как быть с Рубиным? — вопрос Бутовым поставлен в лоб.

Генерал, перестав расхаживать по кабинету, искоса взглянул на полковника.

Разве вам не ясно, Виктор Павлович, что в данной ситуации без него нам не обойтись. Так что же вас смущает? — прищурился Клементьев.

Все то же. Правду выдавал микродозами. А мы собираемся оказать ему доверие. Есть ли основания для этого?

— Вы что же, до сих пор не убеждены в раскаянии Рубина?

Теперь вроде бы оснований для сомнений нет, и все же прошлое его поведение...

Генерал недовольно поморщился.

Мы с вами, Виктор Павлович, должны уметь понять человека, совершившего преступление, даже тогда, когда раскаяние к нему пришло не так скоро, как бы нам хотелось. Одни раскаиваются мгновенно, а другие после

долгих нелегких раздумий, как это и произошло с Рубиным. Важно, что он пришел к нам и во всем признался.

Генерал откинулся на спинку стула и, вытянув длинные ноги, неторопливо продолжал:

Раскаяние... Это очень сложно. Нам нужно безошибочно разобраться, где правда, а где ловко закамуфлированная ложь, по велению пробудившейся совести пришел к нам человек или хитрит, игру затекает... Без этого разумная осторожность может превратиться в болезненную подозрительность. Наш долг помогать людям найти верный путь.

Генерал разжег трубку и снова зашагал по кабинету.

А как здоровье профессора Рубина после всего случившегося?

Очень переживает, нервничает. Тяжело перенес известие о гибели Елены Бухарцевой, хоть столько лет прошло. Первая любовь... В свое время он отвернулся от нее. Елена, связанная подпольного центра, погибла в тылу врага при загадочных обстоятельствах.

ГОСТЬ ПРИБЫЛ

Утром в квартире Рубина раздался телефонный звонок.

Слушаю.

— Захар Романович?

Да, я. Что угодно?

— Вам привет от Нандора.

Рубин в замешательстве промолчал.

— Вы не слышите меня?

— Слышу. Как он себя чувствует?

— Хорошо. Я бы хотел встретиться с вами. Это возможно?

— Думаю, что да. Вы откуда звоните?

— Из центра. Из автомата.

— Я к вашим услугам. Может быть, вы приедете ко мне? Живу я один. Сейчас болен, и, признаться, гулять в таком состоянии мне не очень хочется.

— Ваш вариант меня не устраивает, — сухо отрезал незнакомец. — Надеюсь, вы в состоянии ходить?

— Да.

— Вот и отлично. Мы должны увидаться сегодня же, скажем, часов в двенадцать. Сможете?

Пожалуй. Где?

— В Третьяковской галерее

— Где конкретно?

Возле картины Сурикова «Боярыня Морозова». Вы, надеюсь, знаете, где она висит.

Да, конечно, — ответил Рубин. — Как я вас узнаю?

Это не трудно. Светло-серый костюм, белая рубашка, темно-синий галстук. В правой руке буду держать газету.

— Простите, как вас величать?

Мигуэль Кастильо. Значит, договорились? До скорой встречи.

Звонок незнакомца, хотя и не неожиданный, растревожил. Стенокардия — в последнее время она довольно часто напоминала о себе — сейчас же отозвалась резкой болью в сердце. Рубин принял антиспазматическое лекарство и присел в кресло.

Боль в сердце постепенно утихла, а душевная боль не унималась. Жизнь прожита никчемно и, кажется, подходит к концу. А что хорошего сделал он в этой жизни? Какой оставит след? Кое-чего достиг, получил признание, стал доктором наук, профессором. А вот человек не состоялся. Больно защемило сердце. Из дальних уголков памяти выплыли Леночка Бухарцева, первая любовь, которую он предал, и другое, еще более страшное предательство — измена Родине. Родина простила, даже оказала доверие. И Рубин встрепенулся — Бутов... И засуетился: что же я не звоню?

Дрожащей рукой Захар Романович набрал номер телефона полковника и сообщил ему о звонке незнакомца, назначившего свидание в Третьяковской галерее.

Что мне делать?

Прежде всего успокоиться. Мне не нравится ваш голос — не волнуйтесь! На свидание идите. Узнайте, что именно он хочет от вас. Скорее всего, речь пойдет о каких-то данных по наиболее важным и закрытым работам института. Скажите, что должны собраться с мыслями, да и место для разговора на такую тему не подходящее. Как мы условились, скажите, что с рацией у вас не ладится, видимо, неисправна. Под этим предлогом вновь пригласите его к себе домой. Если будет настаивать на другом месте встречи — не отказывайтесь. Постарайтесь узнать, как долго он пробудет в Москве, когда и по каким делам намерен вновь прибыть в нашу страну. Как штаб-квартира будет в дальнейшем осуществлять связь с вами? Вам все понятно, Захар Романович?

Понятно.

— В таком случае, действуйте. Главное, возьмите себя в руки, не волнуйтесь. После свидания с гостем позвоните. Буду ждать.

ВСТРЕЧА

Напутствия Бутова не помогли: Рубин с большим волнением переступил порог Третьяковки.

Рубин любил живопись, неплохо разбирался в ней, не раз бывал в Третьяковке, подолгу простаивал у творений великого Сурикова, но теперь ему не до шедевров. Лихорадочно оглядывал экскурсантов — не этот ли Мигуэль Кастильо? И тут же спохватился — он же предупредил: светло-серый костюм, белая рубашка, в правой руке газета...

В зал вошла новая группа. Экскурсовод начала хорошо отрепетированный рассказ о церковных реформах патриарха Никона, о подвижнической жизни боярыни Морозовой. Рубин оглянулся и увидел Бутова. В толпе экскурсантов полковник шагал от картины к картине, с интересом слушал экскурсовода и даже задал какой-то вопрос. Появление Бутова обрадовало Рубина. А когда Виктор Павлович, поровнявшись с ним и не глядя на него, буркнул: «Главное, не волноваться», профессор и вовсе воспрял духом.

Между тем зал почти опустел, и Рубин остался один на один со знаменитой раскольницей. Где же вы, гость нежеланный? И, словно откликаясь на зов, рядом оказался человек в светло-сером костюме, с газетой в правой руке. Сердце екнуло. Рубину захотелось вдруг послать все к черту и уйти. «Теперь я уже не способен на притворство. Оно требует полного самоотречения и крепких нервов. Извините, Виктор Павлович, не могу, сил нет...» Но он переборол это желание и обратился к человеку с газетой в руке.

Если не ошибаюсь, господин Мигуэль Кастильо?

Вы не ошибаетесь, господин Рубин. Это я вам звонил. — Холодные глаза в упор уставились на «Сократа».

Профессор переминался с ноги на ногу и, чтобы как-то начать разговор, спросил:

— Вам нравится «Боярыня Морозова»?

— Прекрасное полотно. У нас, на Западе, знают, что Россия в прошлом дала много мастеров: Иванов, Шишкин, Айвазовский и, конечно, Суриков.

— Разве только в прошлом? В нашей стране и сейчас немало талантливых, известных во всем мире художников.

— Не говорите мне про ваших нынешних! — ответил

гость с нескрываемым раздражением.— Художник лишь тогда творец, когда он свободен, независим, когда он творит по велению сердца, а не по указке сверху. Однако, как вы догадываетесь, я пришел не для дискуссии. При удобном случае мы поговорим и об искусстве, а сейчас у меня дела поважнее.

Он направился в дальний угол зала, Рубин поплелся за ним.

— Первое, что тревожит нас, я имею в виду ваших друзей на Западе, включая, разумеется, и меня, это состояние вашего здоровья. Вид у вас, прямо скажем, не очень. Быть может, мы в состоянии помочь вам лекарствами? Кстати, чем вы больны?

— Самая модная болезнь века... Сердце... Стенокардия...

— О, этим страдают буквально все люди пожилого возраста. Посоветуйтесь со своим врачом, и пусть он порекомендует какое-нибудь радикальное западное лекарство. Мы вышлем вам, сколько бы оно ни стоило...

— Вы очень любезны, господин... Простите, опять забыл...

— Мигуэль Кастильо.

— Стоит ли вас беспокоить?

— Поверьте, это сущий пустяк. Мы умеем по достоинству ценить тех, кто помогает нам. Не стесняйтесь, будем рады помочь. Кстати, в Швейцарии на ваш текущий счет уже положено некоторое количество американских долларов. Это, так сказать, аванс за активную работу в будущем. Надеюсь, наше сотрудничество будет плодотворным и продолжительным. Что касается размера вознаграждения, то оно будет зависеть от вас. Чем больше поступит информации, тем щедрее будет оплачена работа. Само собой разумеется, что речь идет о достоверной информации. Вы поняли меня?

Да, вполне,— буркнул Рубин.

— Для начала скажите, пожалуйста, не собираетесь ли вы в ближайшее время выехать на Запад? По любому поводу...

— Сейчас затрудняюсь ответить, со временем, пожалуй, смогу.

— Каково ваше положение в институте, ваше, так сказать, реноме?

— Не жалуюсь. Меня, как и прежде, высоко ценят.

— Прекрасно. Нас всерьез заинтересовал ваш институт, проблемы, которыми вы занимаетесь.— Кастильо перешел почти на шепот.— Мы будем ждать от вас информации о наиболее важных работах, особенно о тех, которые имеют

прямое или косвенное отношение к военной тематике.— Кастильо выжидающе посмотрел на Рубина.

— Боюсь, что по этой части я не смогу быть полезным, господин Кастильо,— также шепотом отвечал Рубин.

— Почему же?

— Я заведу лабораторией, которая занимается самыми что ни на есть прозаическими проблемами, весьма далекими от того, что может интересовать военных. Вместе с тем не скрою, они имеют немаловажное значение в плане общечеловеческом.

— О; вы плохо знаете ваших покровителей, уважаемый Захар Романович.— Он огляделся по сторонам и предложил пройти в другой зал: появилась новая группа экскурсантов.— Нет такой области науки, техники, культуры, к которой моя служба, а отныне она и ваша, не проявляла бы интереса, но, разумеется, мы отдаем предпочтение любой информации о военных возможностях Советского государства, о предпринимаемых им усилиях в военном строительстве.— И неожиданный вопрос: — Что у вас с рацией?

— Не пойму. Видимо, неисправна. А может, не по плечу мне. Полагаю, что радиоаппаратура, которую вручил мне господин Нандор, архисовременна. Я просил бы помочь мне научиться пользоваться ею.

— Подумаю, как это сделать. Признаюсь, господин Рубин, я сам не силен в нынешней радиотехнике. К тому же пользоваться рацией — дело отнюдь не безопасное.

— Как же быть?

Не беспокойтесь. Перейдем на бесконтактную связь, через тайники, о чем вы будете поставлены в известность. Это значительно безопасней. Вы закладываете свою информацию в тайник, она изымается и переправляется нам. Кем, когда и каким образом, это уже не ваша забота. Через тайник же вы будете получать от нас письменные указания. Ведь Нандор снабдил вас всем необходимым? Не так ли?

Да, снабдил.

— И вы уже научились пользоваться ими. Мы имели возможность убедиться в этом. Мы тут же вам ответили. Вы получили наш ответ? Расшифровали?

— Да.

Вот и отлично... Будем считать, что со связью у нас все в порядке. А об использовании радиопередатчика мы подумаем.

Кастильо поглядел на часы.

— Мне пора, господин Рубин, будем прощаться. Жду от вас обширной и, конечно, абсолютно точной информации об институте, о наиболее важных его работах и о людях, выполняющих их. Нам нужны их характеристики в чисто человеческом плане: наклонности, увлечения, страстишки, пороки. И еще одно — кто из них и когда собирается побывать в западных странах.

— Я вас понял, господин Кастильо.

— У вас есть вопросы?

— Да. Извините. Может, мои вопросы покажутся нескромными, но я хотел бы знать, увидимся ли мы еще? Будете ли вы мне звонить? И долго ли вы пробудете в Москве?

— Я пробуду здесь несколько дней. Увидимся ли мы в эти дни? Трудно сказать, скорее всего, нет. У меня много дел, но я периодически буду приезжать в Москву, и мы, конечно же, встретимся. И уж, во всяком случае, я вам позвоню. Прощайте. — Кастильо раскланялся и поспешно ушел.

ПОСЛЕ СВИДАНИЯ С «БОЯРЫНЕЙ»

Бутов вернулся из Третьяковки в прекрасном расположении духа. И не только потому, что повезло — купил два редкостных каталога, за которыми давно охотился. Жена Виктора Павловича — заслуженный деятель искусств, знаток русской живописи XVIII—XIX веков, и Бутов предвкушал, как обрадуется она подарку.

Но главное — благополучно закончившееся свидание «Сократа» с гостем. Бутов очень волновался за него. Как будет держаться больной, не уверенный в себе, хлебнувший всякого профессор Рубин? Могло случиться непредвиденное. Ведь свидание не с девицей — с профессиональным разведчиком. Но все, кажется, обошлось наилучшим образом. Полковник имел возможность наблюдать, как вел себя «Сократ» — молодцом.

В условленный час Рубин позвонил Бутову и, не вдаваясь в подробности, сказал о самом главном из того, что могло интересовать полковника. Даже пошутил:

— Виктор Павлович, смею заверить, что свидание прошло на самом высоком уровне.

Отлично, Захар Романович... Человек, не потерявший при столь сложных обстоятельствах чувства юмора, вероятно, пребывает в полном здравии и хорошем настроении. Рад за вас.

— Теоретически должно быть так, но практически... Настроение хорошее, самочувствие поганое. Медицина знает такие парадоксы. Признаться, перенервничал основательно... А стенокардия и рада. Опять был приступ.

— Крепитесь, профессор, умирать вам рановато. Да, чтобы не забыть: все то, что вы сейчас сообщили о встрече с гостем, прошу вас изложить на бумаге...

В назначенное время Бутов появился в кабинете Клементьева. Виктор Павлович уже успел встретиться с Рубиным, получить от него письменное сообщение о беседе с Кастильо и уточнить некоторые детали.

Генералу уже многое известно о «Сократе», но слушает он Бутова так, будто обо всем этом узнает впервые. Потому и не прерывает полковника, когда тот восстанавливает в памяти Клементьева страницы биографии Захара Романовича.

Так вот, прибывший в Москву связник сегодня встречался с «Сократом».

— Надеюсь, встреча контролировалась?

Конечно! Рубин после звонка связника немедленно поставил меня в известность и получил подробную инструкцию. Встреча по предложению гостя состоялась в Третьяковской галерее.

— Нашел место, поганец... Ну и как Рубин? Выдержал испытание?

— Пожалуй, да. Я тоже был в это время в Третьяковке.

— Вы сказали, что связной назвал себя Мигуэлем Кастильо. Он испанец?

Да. Человек, известный нам, в Москву прибыл из Венесуэлы в качестве коммерсанта.

— Если мне не изменяет память, он в свое время проходил по нашим материалам.

— Да. У него и кличка есть — «Хромой испанец». В поле нашего зрения он впервые попал по делу отнюдь не оригинальному — в одном из французских портов пытался склонить к невозвращению на Родину матросов с советского торгового судна. И даже вручил им свою визитную карточку — на юге Франции процветает контора «Торреро Кастильо и сын», официально представляющая интересы какой-то фирмы в Венесуэле. Ребята ухитрились сфотографировать его. Фотографию и визитную карточку капитан судна передал в органы государственной безопасности.

— Это, конечно, важная справка. Но хотелось бы иметь более подробные сведения о Кастильо. Вам известно что-

нибудь о его делах в Москве, кроме встречи с «Сократом»?

— Кое-что известно. Наши оперативные сотрудники сообщают, что он прибыл в Москву для переговоров с одной из внешнеторговых организаций. Привез каталоги и несколько коробок образцов экспортных изделий венесуэльской фирмы. У нас нет сомнений: фирма, каталоги, образцы изделий, переговоры — это все для прикрытия главного с чем прибыл испанец, — шпионаж... В ресторане «Метрополь» была зафиксирована небезынтересная сцена с участием испанца. За одним из столиков сидел — это стало известно позже — советский ученый, профессор Поляков. Он принимал здесь туристку из Парижа — Аннет Бриссо. Вдруг она стала нервничать и пристально разглядывать севшего за соседний столик человека. Потом вскочила с места и кинулась к нему, но он мгновенно исчез. Это был Кастильо.

МАКІ

Нелегкая судьба выпала на долю профессора Полякова. Он воевал, попал в плен к немцам, сполна хлебнул лагерной жизни. Работал в шахте оккупированной Лотарингии, откуда ему удалось бежать... Разные люди по-разному встречали худющего, голодного человека в потрепанной одежде. Он обладал небольшим, обретенным еще в школе, запасом немецких слов и еще меньшим французских. На шахте запас этот основательно пополнился. И на его вооружении была одна хорошо заученная фраза, не раз выручавшая его: «Товарищи, я русский, заключенный военнопленный». В ответ почти всегда давали что-нибудь поесть, иногда пускали переночевать. Но чаще на просьбу спрятать хозяин беспомощно разводил руками и произносил лишь одно слово — полиция.

И все-таки Поляков не терял надежды на встречу с добрыми и смелыми людьми. И ему повезло.

...Стоял теплый майский день, когда, напутствуемый лесорубами, он вышел из леса в поисках ночлега. Вот показалась деревня и дом под черепицей за высоким зеленым забором. Дом стоял на самой окраине, и беглеца это очень устраивало. Кругом ни души. Тишину нарушала лишь болтовня птиц. Когда зазвонили церковные колокола, из скрипучей калитки вышел невысокий, толстый человек с глазками-щелками, а за ним худенькая девушка. Поляков поклонился — «Же суйи призонье рюс» — и попросил

поестъ. Он действительно был голоден, однако сейчас просьба была больше предлогом, чтобы завязать разговор. Но толстяк, даже не взглянув в его сторону, отрезал: «Идите прочь». И вместе с девушкой зашагал к церкви.

...Минует несколько дней, уже в отряде маки, куда русского солдата приведет один из лесорубов, худенькая девушка сама подойдет и скажет:

— Меня зовут Аннет. Не сердитесь на отца. Он очень осторожный человек и решил, что вы из гестапо. Потом лесорубы все рассказали ему и поручились за вас. Папа просил передать, что будет рад видеть русского солдата в доме французского полицейского.

Поляков удивленно вскинул глаза, Аннет рассмеялась:

— Маки и дочь полицейского — не верится, да? Всякое бывает.

Это был интернациональный отряд — французы, испанцы, чех, русские. Командир отряда относился к русским с симпатией. Но это не мешало ему до хрипоты спорить с ними по самым острым политическим проблемам. Однако дружбе споры не мешали. Нашумевшись, они через час-другой распивали вместе за победу бутылку терпкого вина и хором пели «Катюшу», «Марсельезу» и марш маки: «Если ты завтра погибнешь в бою, друг твой займет твое место в строю».

Отряд маки долго оставался неуловимым. И все знали, что это заслуга помощника командира по разведке Полякова, прозванного в отряде Мишелем, и его храброй соратницы, разведчицы Аннет. Они часто вместе отправлялись на задание и были неразлучны в пору затишья. В отряде о них говорили разное. Толки докатывались и до «виновников». Они посмеивались и отшучивались. Но всем было ясно — Аннет и Мишеля связывала крепкая дружба.

Каким-то шестым чувством Мишель и Аннет распознавали чужих, которые могут стать близкими, и близких, которых надо бояться пуще чужих. И все же не удалось избежать серьезного провала. Их предал испанец... Все началось еще в Париже... Аннет рассказала Полякову... Она была еще девочкой, когда в их доме появился испанец. Тогда его величали Фелиппе Медрано. Мать Аннет, подпольщица, активная участница Сопротивления, однажды вечером тайком привела испанца домой и представила мужу: «Этому человеку можно доверять, он поможет собрать и спрятать оружие. Воевал в Испании, в интербригаде, а теперь вместе с нами». И они втроем долго шептались о чем-то

в соседней комнате. Когда красавец Фелиппе ушел, мать рассказала отцу, что испанец люто ненавидит фашистов и жаждет расчитаться с ними за расстрелянного в Мадриде брата, коммуниста. «И теперь нам будет намного легче, — сказала мадам Бриссо, — Фелиппе хороший помощник и хороший конспиратор».

В оккупированном фашистами Париже дом супругов Бриссо стал явочной квартирой маки, а сама хозяйка — связной отряда, действовавшего в этом квартале. Она имела хорошее прикрытие — господин Бриссо был ажаном. Блюститель порядка, выполняя приказ гитлеровского командования, отбирал у горожан оружие, которое те по разным причинам не спешили сдавать. Часть его ажан доставлял военному коменданту, а часть передавал жене. А она уже знала, как распорядиться. И тут Фелиппе был незаменим.

...Эсэсовцы ворвались в их квартиру ночью, через час после того, как ее покинула группа маки. Обыск длился три часа, фашисты вели его так, словно точно знали, где искать. Супруги Бриссо удивленно переглядывались — как могло все это произойти? Лишь один человек знал их тайники — Фелиппе... Мать увезли, и больше Аннет ее не видела.

Отец пытался разыскать Фелиппе. Безуспешно! Исчез, никому ничего не сказав. Позже стало известно, что это он навел фашистов на квартиру Бриссо. Увы, то была не последняя его акция в Париже.

Пройдет несколько месяцев, и отец с дочерью покинут Париж, уедут в деревню, в свой маленький домик с садом. И однажды в жаркий полдень Аннет, на пути в штаб отряда, заглянула к отцу. Он растерянно посмотрел на нее и сказал:

— Я сплеховал, Аннет... Ажан не имеет права медлить... Прости старика.

— Что случилось?

Накануне в сумерках господин Бриссо, возвращаясь из леса, увидел Фелиппе. Испанец настороженно озирался, но старика не заметил. А Бриссо сразу опознал его. Бывший ажан хотел было броситься на испанца, задушить предателя, но не успел. Фелиппе мгновенно скрылся. Быть может, старику только показалось, но господин Бриссо утверждал, что испанец вышел на тропу, ведущую в лагерь маки.

Аннет на велосипеде помчалась в штаб. Скорей, скорей, надо успеть предупредить. Такие, как Фелиппе, случайно не появляются: готовится какая-то новая провокация.

Увы, она опоздала. Испанец уже вывел гитлеровцев на отряд маки, отряд понес большие потери.

Прошло время, и наступил последний день боевой деятельности Полякова на французской земле. Он запомнил-ся во всех деталях.

Радость первой, хотя еще и не окончательной победы, предвкушение долгожданного возвращения на Родину. Был парад иностранцев — маки́, были торжественные проводы. Выпили не одну бутылку вина, сказано было много душевных слов о скрепленной кровью дружбе братьев по оружию. Но Мишелю все же взгрустнулось. Это чувство — он и сегодня не стыдится говорить о нем — вплелось в ликующую мажорную гамму. Впрочем, вплелось оно исподволь, по законам жизни, с ее превратностями и замысловатостями. Причина? Возможно, Аннет. Она настойчиво просила его остаться.

— Ты можешь добивать гитлеровцев и в рядах французской армии. И тогда мы по-прежнему будем рядом. Ты понимаешь, Мишель, как это будет хорошо... Ну не упрямясь!..

— Не могу, Аннет, я обязан вернуться в ряды Красной Армии. Кто знает, может быть, мы встретимся в Берлине...

Он говорил твердо, решительно, но, кажется, еще ни разу в жизни на душе у него не было такой сумятицы. И у нее тоже. Так ему казалось. А может быть, только хотелось, чтобы это было так. Они долго бродили по лесным тропам, и деревья напевали им грустную песню.

— Ты будешь писать, Мишель?

— Обязательно напишу. Сразу, как только вернусь домой...

Прошумело несколько послевоенных лет. В военкомате Полякову вручили орден Отечественной войны I степени. Он решил продолжить учебу. В ту пору при поступлении в институт представители сильного пола имели некоторое преимущество, и Поляков не преминул им воспользоваться. Увлёкся микробиологией. И вот теперь профессор, ученый...

Аннет долго разыскивала предателя, убийцу ее матери и друзей по отряду маки́, многое узнала о нем, путешествуя по Испании. Сейчас он действует не один. Передает эстафету сыну. Тот еще щенок, однако уже многому успел научиться у отца, которого боготворит и боится и на которого — удивительно похож. Настоящая фамилия отца — Форрес, Педро Форрес. До того как стать провокатором, потомок испанских грандов получил университетское образо-

вание, овладел несколькими языками. По желанию деда посвятил себя военному искусству. Блестяще окончил летное училище, служил в Марокко. И когда по радио был дан сигнал «Над всей Испанией безоблачное небо», Педро повел группу немецких истребителей, чтобы сопровождать «юнкерсы», бомбившие республиканцев в предместьях Мадрида. Он не раз вступал в бой с республиканскими истребителями, сбил два самолета, за что Франко лично вручил ему боевой орден. За ним последовал второй: Педро Форрес оказался безудержно смелым. На счету его уже было пять сбитых самолетов, и синьориты почитали за честь получить его фотографию с автографом. Но война есть война. В августе франкистский ас прикрывал германские «юнкерсы» и был сбит асом из Рязани. Педро выбросился на парашюте и в бессознательном состоянии был подобран своими.

Два месяца в госпитале. Лучшие врачи по приказу самого Франко днем и ночью дежурили у его постели. Из Берлина были доставлены какие-то чудодейственные лекарства. Педро выздоровел, но к летной службе оказался непригоден. Болтался без дела, пока однажды его не вызвал генерал из разведывательного управления и передал ему личное пожелание Франко — пробраться за линию фронта и внедриться в штаб интербригады. Педро, человека смелого и с авантюристическими наклонностями, не пришлось долго уговаривать. В Мадриде активно действовала группа «Испанской фаланги», члены ее должны были помочь Педро. Он готов был служить верой и правдой, но прежде чем приступить к операции внедрения, он обратился к генералу с просьбой позаботиться о сыне.

— Мои родители и друзья погибли. В живых остался лишь Мигуэль, ему сейчас четырнадцать. Что будет с ним, если меня не станет?

— Я доложу командованию. К этому вопросу мы вернемся завтра, а пока готовьтесь.

На следующий день генерал предложил Педро взять сына с собой за линию фронта.

— Вместе с детьми испанских республиканцев вы отправите его в Москву. Наши люди помогут. Это приказ командования. После победы понадобится ваш сын. И нам, и фюреру, и дуче...

Педро оправдал надежды генерала Франко. Кто мог подумать, что в бравом летчике таился талантливый разведчик. Поначалу в объятom пламенем войны Мадриде его

сковывали обязанности горячо любящего отца. Их нелегко было выполнять. Но все разрешилось быстро и наилучшим для Педро образом. Мигуэля с группой испанских детей отправили в Москву. Нужные люди сработали точно и оперативно.

...Потерпев поражение, республиканская армия отступила на территорию Франции. Педро получил задание штаба Франко оставаться в рядах республиканцев.

Во французском лагере интернированных испанцев он работал уже на немецкую разведку. Ему помогли бежать и поселиться в Париже под фамилией Фелиппе Медрано. Как того требовал шеф немецкой разведки, жил скромно, незаметно, катил по утрам тележку продавца зелени, весело выкрикивая: «Спаржа в пучках... Морковь, капуста». И ждал своего звездного часа. Час этот настал в тот день, когда в Париж вступили гитлеровцы, однако затаенная надежда получить солидную должность в штабе оккупантов или полиции рухнула: фашисты внедрили его в один из подпольных комитетов парижских франтиреров. В Париже Филиппе пробыл недолго: опасность провала усилилась, и его перебросили в Лотарингию. После войны агента Филиппе Медрано, теперь его звали Арриго Кастильо, унаследовало ЦРУ. Что же касается Мигуэля, то он все эти годы прожил в Москве вместе с другими испанскими детьми.

Началась война. Мигуэль, как и все его друзья, собирался идти в армию, однако пришлось определиться на завод и вместе с ним эвакуироваться в Сибирь, где и пробыл всю войну. А потом... Потом о нем, так же, как и об отце, позаботилось ЦРУ — добилось возвращения Мигуэля в Испанию с первой группой репатриантов. Его встретил молодой человек, отрекомендовавшийся дальним родственником.

А где отец? — спросил Мигуэль.

Его сейчас нет в Испании. По делам службы он улетел в Венесуэлу и телеграфировал мне, чтобы я вас встретил. Вам здесь будет хорошо. А что касается расходов, ваш отец достаточно богат, оплатит...

Мигуэля поселили в хорошем отеле, и первое время он недоумевал — почему с ним так носятся? Позже все стало на место.

...Их очень устраивал этот потомок испанской знати, которого по хитрому замыслу разведки Франко в свое время с дальним прицелом отправили в Москву вместе с детьми республиканцев.

При первых же встречах с Мигуэлем сотрудникам ЦРУ стало ясно — крепкий орешек. Это была длительная и многотрудная операция — обратить в свою веру юношу, прожившего столько лет в Советском Союзе. Но у людей ЦРУ имелся большой опыт взращивания агента. В ход пошли испытанные средства — туристические поездки в Канаду, США, идеологическая обработка (вот она, настоящая свобода личности, демократия). Вскоре появился и отец, он активно подключился к «воспитанию». Сперва рядился в тогу архилевых, потом стал петь с голоса правых социалистов, внушая Мигуэлю, что тот, кому дороги светлые идеи свободы, прогресса, расцвета личности, пойдет рядом с борцами против коммунизма, против Советов. Туго шло перевоспитание, но новые друзья, родственники, среди которых были генералы и высокопоставленные чиновники, подбор книг и вовремя предложенная газета с антисоветской статьей, сделали свое дело. Мигуэля приобщили к фешенебельному спортивному клубу, он стал появляться на раутах. Исподволь разжигали аппетит к сладкой жизни. Действовали терпеливо, объясняя, почему и как он, потомок грандов, оказался в России.

На обработку русского испанца не жалели денег, времени и сил. Знали — он стоит того. Мигуэль владел русским языком так же свободно, как и испанским. У него законченное среднее образование, полученное в советской школе. Есть друзья среди русских, а в Москве осталась любимая девушка. Русских, их нравы, образ жизни он знает куда лучше тех, кто учился в специальных колледжах.

В Испании Мигуэль с отличием окончил филологический факультет университета и попутно овладел науками, ничего общего с филологией не имевшими. Здесь же он принял первое «крещение» — ему поручили «разработку» лидеров африканского землячества. О первой пробе сил шеф отозвался одобрительно. Но чтобы отправиться в большое плавание, потребовался еще год специальной подготовки. И тогда на юге Франции, в портовом городе, открылась посредническая контора по сбыту товаров из Венесуэлы «Арриго Кастильо и сын».

Сейчас старик отошел от дел, а молодой преуспевает. Энергия поразительная, и в средствах для достижения целей не стесняется.

Профессор Поляков имел возможность испытать это на своей шкуре. Он рассказал:

— За рубежом на симпозиуме микробиологов профессор Мадлен Рифо, коллега, выступавшая с докладом вслед за мной и занимавшаяся теми же исследованиями, что и я, проявляла несколько повышенный интерес к моей особе, к моим работам и к моей жизни. Узнав, что я был на войне, в плену, а потом в отряде маки, она предложила познакомить меня со своими друзьями, отцом и сыном Кастильо, которые представляют фирму, изготавливающую лабораторное оборудование, и находятся здесь с целью установления контактов с учеными. Я сказал, что не уполномочен вести подобные переговоры, но Мадлен настояла на своем: «Никаких переговоров. Встреча бывших боевых друзей. Старший Кастильо сражался с гитлеровцами во французском отряде маки». И на следующий же день Мадлен Рифо вместе с отцом и сыном Кастильо ждали меня в ресторане. Я не сразу узнал испанца-provокатора, но лицо показалось знакомым, и я спросил: «Мы где-то встречались в годы войны? Вам не приходилось бывать в отряде маки на швейцарской границе?» Испанец буркнул что-то неопределенное, а сын, прервав беседу, объявил, что их ждет телефонный разговор с Венесуэлой и они вынуждены покинуть меня до следующей встречи. Больше я их не видел. Но вечером, когда я вышел из отеля прогуляться по узким улицам древнего городка, вдруг невесть откуда выскочил красный «оппель» и чуть было не раздавил меня, прижав к стене. Я чудом остался жив, отделавшись легкой раной и шоком.

Позже, в больнице, когда полицейский расспрашивал меня о «досадном происшествии», я вспомнил, что красный «оппель» в тот злополучный день два-три раза промелькнул у меня перед глазами, а вечером, когда я вышел на прогулку, он стоял у подъезда. Накануне отъезда домой на улице ко мне подбежал мальчишка, сунул конверт, буркнул «это вам» и скрылся. Там была записка, напечатанная на машинке, без подписи: «Забудьте навсегда о существовании Кастильо и о вашей встрече с ним в отряде маки. Автомобили заносит на тротуар не только в этом городе. Запомните».

Но я не забыл. А тут снова встреча в ресторане. Сын удивительно похож на отца. И я, и Аннет, мы сразу узнали его.

Что побудило Аннет ринуться к столу испанца? — поинтересовался Бутов.

— Жажда мести... И сколько я не уговаривал ее от-

казаться от этой абсурдной мысли, Аннет продолжала твердить свое: «Я буду карать его именем погубленных». Я напомнил ей о красном «оппеле». «Угомонись, мне страшно за тебя». Только вряд ли я смог переубедить ее.

СЛУЧАЙНЫЙ ПАССАЖИР

...Кастильо вышел из гостиницы в ту пору, когда в столице уже наступил час «пик». Но его, видимо, толкучка устраивала — меньше обращаешь на себя внимание.

Шел он неторопливо. Прогулка, только обычная прогулка по городу. В ГУМе заглянул в отделы, пользующиеся особым вниманием иностранных туристов — электробытовые приборы, фотоаппараты, посуда... Ничего не купил, вышел из универмага и по улице Куйбышева проследовал на улицу Богдана Хмельницкого. Зашел в магазин химических товаров, но и здесь, хотя и приценивался, воздержался от покупок.

Гулял долго. Время от времени окунался в людской поток, чтобы вновь вынырнуть на другой стороне улицы. Магазин. Еще один. Поворот в Армянский переулок, оттуда в Малый Комсомольский. И вдруг стоп. Кастильо стал на край тротуара — так в Москве ловят такси или «левую» машину. Но в тихом немногочисленном переулке стоянки такси нет да и по части «леваков» не густо. Все ясно: назначено свидание. В 20.20 появилась бежевая «Волга». Кастильо поднял руку. «Волга» остановилась. Хромоногий наклонился к водителю:

— Подвезете?

— Садитесь.

«Волга» долго петляла по городу, пока не остановилась у ресторана «Гавана». Высадив пассажира, водитель начал копать в моторе. Через несколько минут «Волга» тронулась. Она снова плутала по московским улицам и, наконец, припарковалась у дома-башни на Ленинградском шоссе. Позже станет известно: водитель здесь живет. Во всяком случае прописан.

Минимум необходимых сведений о «леваке» собрано: номер машины, адрес, фамилия, место работы, профессия.. Шелвадзе Николай Григорьевич. Родился в Тбилиси, журналист, нештатный корреспондент литературно-художественного журнала, издававшегося в одном из южных городов России, в Черногорске.

На стол полковника легло несколько фотографий

хромононого и Шелвадзе. Порознь и вместе. Около машины. На улице. У ресторана.

— Вы уже успели что-нибудь узнать о нем? — спросил Бутов своего помощника Сухина.

— Да. Запросил коллег из Черногорска. Они сработали быстро и тут же связались с редактором журнала, представляемого Шелвадзе. Пришел ответ.

И что же?

Подтвердили: он нештатный корреспондент этого журнала в Москве. На хорошем счету — опытный, оперативный журналист. Холост. Недавно в качестве туриста выезжал за рубеж. Ни в чем предосудительном не замечен.

...Нико Шелвадзе был задержан на улице Горького за грубое нарушение правил дорожного движения. Сотрудник ГАИ забрал у него водительские права.

— Явитесь за ними в отделение.

Шелвадзе возмущался, называл фамилии больших начальников, с которыми он-де хорошо знаком. Они, мол, не потерпят беззакония. Но документы все же забрали и вернули лишь к вечеру.

На следующий день Сухин вылетел в Черногорск. Провожая его, Бутов предупредил:

Не исключая вашей встречи там с Шелвадзе. Вчера он в центральной кассе Аэрофлота покупал билет до Черногорска. Летит через два дня... Вам, пожалуй, стоит задержаться на юге.

Для Бутова бесспорно: Кастильо не случайно оказался в Малом Комсомольском переулке. Такси ему легко было взять у магазина «Химические товары», а он пошел в переулок, чтобы ловить «левую» машину. Далее. С кем из советских людей встречался «хромоногий» за время пребывания в Москве? «Сократ», сотрудники внешнеторгового объединения и Шелвадзе. Все логично: с человеком, который будет выполнять задание, лучше встретиться ближе к финишу. Зачем ему понадобился Шелвадзе? Зачем тот сразу же отправился на юг? Пока не ясно...

Бутов еще раз окинул взглядом фотографии. А в голове все сверлит и сверлит: «Я вроде бы уже слышал эту фамилию. Но когда и от кого?» Память выстроила ассоциативный ряд: Захар Рубин, Сергей Крымов — муж его дочери... И тут всплыло: Нико Шелвадзе... Однажды профессор, рассказывая о своих знакомствах, упомянул красавчика с Кавказа, пленившего его, Рубина, даму. «С первого захода

увел. Это, между прочим, не мешало ему через два месяца снова явиться ко мне в гости».

...Шелвадзе — любитель женщин, вина и карт. Обожает долгие застолья, незаменимый тамада. Но, в отличие от многих других гостей Рубина, он не признавал пиршества за чужой счет, всегда приходил с бутылкой коньяка, шампанского и коробкой конфет.

В последний раз Рубин вспомнил о Шелвадзе в связи со своей затаенной мечтой: поправиться, окрепнуть и туристом махнуть в Италию. Он вопрошающе посмотрел на Бутова:

Как считаете? Можно будет?

— Раньше надо крепко на ноги встать, Захар Романович! Вот тогда-то и был упомянут «везунчик Нико», отправившийся в туристское турне по Западной Европе. «Нико есть Нико. Перед отъездом был у меня в гостях. Я уже в постели лежал. Он пил вино, а я микстуру. Основательно накачавшись, он стал клятвенно уверять меня, что ему не пужны западные шмутки. «Я их за деньги из-под земли и тут достану. А вот женщины... От предвкушаемого удовольствия даже причмокнул».

Профессор считал Шелвадзе своим другом. Нико вносил в дом искристое веселье, шутку, острое, хотя порой и двусмысленное, словцо. И теперь Бутов, как это часто бывает с людьми, которые долго и мучительно вспоминают, облегченно вздохнул.

Ирина, приемная дочь Рубина, говорила о Шелвадзе с презрением, называла «пошляком». Он принадлежал к числу тех баловней судьбы, которым весь окружающий мир представляется какой-то сферой обслуживания их, избранных, стоящих на пьедестале. Он давно разучился думать о чем-либо, кроме собственного благополучия, не гнушаясь никакими средствами на пути к нему. Это, впрочем, не мешало одобрительно кивать головой, когда в пьяной компании иной непризнанный гений разглагольствовал о «справедливости», «свободе личности», словом, о всем том, чего, по разумению «гения», не хватает нашему обществу, взрастившему его и в котором он живет чуть ли по необходимости. Иногда Нико и сам был непрочь выдать что-нибудь такое-этакое из застрявших в памяти зарубежных радиоголосов. Лишенный строгих принципов, он исповедовал одну, и то заимствованную идею — деньги все-сильны, без частного предпринимательства общество погибнет.

Бутов попросил сотрудника отдела навести справки о последней зарубежной туристической поездке Николая Григорьевича Шелвадзе.

ЗДЕСЬ ГОВОРЯТ ПО-РУССКИ...

Шелвадзе арестовали на юге за спекуляцию валютой. Допрос продолжался уже в Москве. Поначалу он хитрил, выдавая на ходу придуманные легенды. Но вскоре понял, что о нем уже знают многое и отпираться бессмысленно. И поведал следователю неприглядную историю своей жизни. Рассказал и о зарубежном турне.

...Рано утром советские туристы вышли из отеля. Тихая и не очень многолюдная улица. Стоял захмелевший от тепла апрель. До прихода автобуса оставалось минут двадцать. Туристы грелись на солнышке, а Шелвадзе решил побродить, поглядеть на витрины еще закрытых магазинов. Их тут много, на каждом шагу. Броские, яркие вывески, архимодные товары за толстыми стеклами. Так и зовут — купи! Внимание привлекла дощечка у входа неприметного дома: «Здесь говорят на немецком, испанском, итальянском, русском языках». А рядом — четвертушка ватмана, на которой черным фломастером по-русски каллиграфически выведено: «С восемнадцати часов — шоу».

День прошел в разъездах. Гуляли по городу. Любовались живописной частью Антверпена с его позднеготическими постройками, долго стояли у стен замка Сиян. До ужина у туристов свободное время, каждый распоряжается им, как душе угодно... Земляк, он был постарше Нико, инженер из Тбилиси, в компании женщин отправился, покупать сувениры. «Тяжелое дело, — вздыхал инженер. — Капризная жена, две дочки, зять, внучка, старики родители... И все чего-то ждут. Никто не хочет понять, что валюты у туриста кот наплакал».

Когда туристы разбрелись кто-куда, Шелвадзе отправился в облюбованное им еще утром скромное заведение. Шоу — это его давняя мечта.

...Заплатив за вход, Нико последовал в зал. Рассчитанный человек на пятьдесят, он был наполовину пуст. Шелвадзе сразу же отметил непритязательность обстановки, что немного разочаровало. Он ждал чего-то сногосшибательного. А тут маленькая эстрада у стены, влиявшая в зал. Где-то в глубине — не слишком опрятная стойка бара.

Нико занял боковой столик. Скрытые светильники излуча-

ли мягкий оранжевый свет, создавая приятный полумрак. На сцене тихонько плакала скрипка. Кто-то бесшумно подошел к столу и, не задавая вопросов, поставил перед Нико тарелочку с земляными орехами и тут же растворился в полумраке.

И все-таки Нико блаженствовал. Умеют же тут делать все тихо, красиво, грациозно. Все обворожительно — и свет, и музыка, и аперитив, и орешки! Все не как у нас, когда стол ломится от яств и бутылок. Ба! Да вот и фея. Очаровательная блондинка, как-то незаметно появившаяся за его столиком, ласково поглядела на Нико и представилась — Катрин.

Не будем грешить против истины — появление Катрин обескуражило Нико лишь на мгновение. Не больше! Кто-то из выдавших виды приятелей рассказывал, что в понятие «западная цивилизация» входят и внезапно возникающие, полные любви и очарования феи. Кто-то опять бесшумно подошел и теперь уже поставил на стол откупоренную бутылку «Лонг Джона» и сифон с содовой. Катрин иронически посмотрела на Нико, как бы спрашивая: «Неужели вы это заказывали?» Мотнув головкой с красиво уложенным волосами, едва касавшимися роскошных плеч, дала понять: «Виски я пить не буду». Выручил все тот же бесшумный дух — на столике появилась бутылка коньяка «Наполеон» и две чашки кофе. Катрин приветливо улыбнулась.

Что касается русского языка, то тут она была не сильнее Элочки-людоедки: в ее словарном запасе русских слов оказалось не более двадцати. Но для феи и этого достаточно. Они поняли друг друга, и Нико почувствовал себя на седьмом небе.

Фея пила мало, а Шелвадзе по привычке опрокидывал рюмку за рюмкой, но не пьянел. Сие приятнейшее занятие прервал все тот же дух, положив на стол счет. Если мы скажем, что наш герой остолбенел, то мы лишь в малой мере передадим его состояние. Всех денег, полученных им на время своего пребывания в чужой стране, едва хватило бы на оплату половины счета.

Тревожно заметались мысли: «Фея? Коньяк? А при чем тут я? Я не звал ее, ничего не заказывал». Дух молча выжидал, и под пиджаком перекачивались мощные мышцы. Появился дух № 2. Этот свободно говорил по-русски — фирма держит свое слово: «У нас говорят по-русски... Он обворожительно любезен: «Господин попал в затруднительное положение? Нет денег? Что же делать? У нас на Западе

железный закон: купил — плати. Иначе...» — и широко развел руками.

Шелвадзе выгреб из карманов всю наличность. Тем временем фею как ветром сдуло. Но ему уже было не до нее. Протянув два желто поблескивающих на ладони окатыша, нервно спросил:

— Не могу ли я рассчитаться золотом?

Дух бережно принял окатыши, внимательно рассмотрел их и сказал:

— Я ненадолго оставляю вас. Не волнуйтесь... В бутылке, кажется, еще есть коньяк. Скоро начнется шоу.

Он отсутствовал минут двадцать, показавшихся Шелвадзе вечностью. Скоро туристы вернутся в отель, а его нет. Что подумают? Что предпримут? В нем удивительно сосуществовали авантюрист, смелый, азартный в валютных операциях, в картежной игре, и трус в обычных житейских делах. Кошмарное ожидание прервал дух № 2.

— Прошу вас! — кивнул на дверь возле стойки бара.

Большая, слегка затемненная комната. На полу пушистый ковер. На стенах — массивные зеркала. Столь же массивный стол, кресла. Тахта, картины, вазы с цветами. Навстречу поднялся приветливо улыбающийся человек.

— Ну что же, давайте знакомиться. Я — Владислав. А вы?

— Шелвадзе... Николай Григорьевич Шелвадзе.

— Присаживайтесь. И, пожалуйста, не волнуйтесь. Вам ничего не угрожает. Вы среди своих. Да-да! Не удивляйтесь, среди своих. Человек, желающий добра другому человеку, с полным основанием может быть отнесен к числу своих. Не так ли?

Не дожидаясь ответа, спросил:

— Паспорт при вас? Прекрасно! — Небрежно перебирая листы документа, продолжал расспрашивать: — Вы москвич? Имею в виду не место рождения, а место жительства. Люблю москвичей, у них душа нараспашку. Адрес? Телефон?

Владислав ничего не записывал — включил диктофон.

Шелвадзе отвечал на вопросы спокойно, иногда даже с улыбкой. Он не врал. К чему? Так будет, пожалуй, надежнее, лучше. Что значит надежнее и лучше, он пока еще смутно представлял себе, но где-то подсознательно зрела комбинация, которая может привести его... Нет-нет, об этом пока думать не хочет. Там видно будет!

Нико называл марку и номер своей машины, адреса своих

девушек в Ленинграде, Москве, Черногорске. Об этом городе Владислав попросил рассказать чуть подробнее. «В Москве представляю периферийный журнал, — сказал Нико и тут же честно признался: — От журнала профита не имею. Зато обладаю корреспондентским билетом».

Владислав бесстрастно спросил:

— Простите, господин Шелвадзе, за неделикатный вопрос. Но человеку ведь надо пить, есть, одеваться. Девушки в трех городах сразу — это тоже требует известных затрат. И собственная легковая машина. А душа, наверное, просится ввысь и вширь...

Нико усмехнулся и повел густыми бровями:

Имею хобби... Валютные операции... Забочусь также о дамах, страстно обожающих камушки и прочие безделушки, о джентльменах, собирающих коллекции картин, икон.

Я вас понял, господин Шелвадзе. Вы напомнили мне изречение какого-то русского писателя: любовь к человечеству лишь тогда плодотворна, когда она сочетается с живым участием к судьбам отдельных людей. Вы, оказывается, большой гуманист, господин Шелвадзе. Тут у нас с вами найдется общий язык.

Владислав снисходительно улыбался, а Нико, сосредоточенно уставившись на стол, лихорадочно соображал. Как быть? Какой линии придерживаться? Идти на скандал, вызвать консула или... Тоже ведь вариант. Что ему терять, что бесценного оставил он там, дома? Да и где истинный дом?

Пока Нико раздумывал, Владислав позвонил кому-то по телефону. О чем шел разговор, Шелвадзе не понял. Положив трубку, Владислав заговорил совсем другим, официальным тоном:

Господин Шелвадзе! Меня сейчас поставили в известность об очаровательной даме и непредусмотренных вами расходах. Я не осуждаю. Изображая амура с повязкой на глазах, древние намекали, что страсть слепа. Но что поделать — в этом мире за все надо платить. А вы оплатить веление вашей страсти не в состоянии, ибо возможности советских туристов ограничены. Поскольку валюты у вас мало, на оплату счета не хватает, вы предлагаете золото. Мера крайняя и не очень приемлемая. Но у нас с вами есть выход...

Нико оживился.

Сейчас я в вашем присутствии позвоню советскому консулу. Надо полагать, что он пришлет своего пред-

ставителя и тот уладит это чепуховое недоразумение. Вы согласны?

— Нет!

— Тогда как быть?

— Не знаю.

Наступила недолгая пауза.

Вы предлагаете золото. Вариант необычный. Я понимаю толк в драгоценных металлах. Да, это настоящие самородки. Сорок граммов шестьдесят миллиграммов. Этого вполне хватило бы для расплаты по счету. И кое-что останется на покупку ценных сувениров. Но возникает деликатная коллизия. Не догадываетесь? Контрабанда! Вы привезли это золото в нашу страну контрабандным путем. А наш закон так же строг, как и ваш. — Широко разведя руками, он сочувственно промолвил: — Остается один выход — позвонить консулу.

Не надо! — воскликнул Нико. — Не надо! — Теперь он напоминал хищного зверька, понявшего, что из капкана не вырваться. Как он изощрялся, чтобы тайно провезти эти два окатыша! А теперь вот...

Нико вспылчив, его так и подмывает стукнуть кулаком по столу, а может, и не только по столу. «Издеваетесь? В кошки-мышки играете, в сети заманиваете...» Но голос разума предостерег: «Смири гордыню, Нико». Он просит, умоляет...

— Возьмите все золото, оба окатыша! Мне не нужны сувениры... Только не считайте меня должником.

Туристу-гуляке, потерявшему, видимо, всякую способность реалистически оценивать обстоятельства, не приходит в голову простая мысль: «На шуту этому Владиславу твое золото. Ты нужен. Он к твоим окатышам добавит еще два, за покупку твоей души». А Владислав, продолжая разыгрывать сердобольного человека, выложил еще один аргумент:

— Беда заключается в том, господин Шелвадзе, что в зале присутствовал частный детектив содержателя ресторана. Он сделал несколько фотоснимков. В кадре вы и ваша очаровательная девушка.

— У меня нет здесь девушки, — огрызнулся Шелвадзе.

— А та, чью руку вы поглаживали? — И он одаривает Нико лучезарной улыбкой.

— Это шантаж.

Нико обуяла бессильная ярость, а собеседник все также спокоен, любезен.

— Предположим, хотя доказательств у вас нет. Но вы должны знать — завтра в газетах напечатают скандальную заметку с иллюстрациями: советский турист, господин Шелвадзе, и девушка из шоу в достаточно интимной позе...

— Не было этого. Никакой интимности.

— Согласен. Но не будьте наивны. Вы, кажется, имеете отношение к журналистике и должны знать чудеса фотомонтажа. Вас потащат в суд, а в качестве свидетелей вызовут ваших спутников.

— Каких свидетелей? Это бред!

— Нет, это реальность. Дело в том, что вы, любезничая с девушкой, не заметили, как в зал забрели двое ваших товарищей выпить по кружке пива. Судя по выражению их лиц, они были немало удивлены, увидев вас в обществе очаровательной блондинки. Учтите, фамилии этих двух людей нам известны. Полагаю, что суд накажет вас не очень строго, но скандал будет изрядный, наша пресса не упустит такого случая... Надеюсь, мне не нужно задавать вам глупый вопрос — знаете ли вы, как вас встретят после всего этого дома?

Шелвадзе помрачнел, задумался и вдруг вскочил со стула, словно он нашел наконец выход из этого щекотливого положения, и решительно объявил:

Я не вернусь домой! Останусь здесь! — Ему показалось, что наконец он понял, чего от него добивались, что и кто стоит за Владиславом, за всем этим спектаклем. Теперь можно говорить с этим типом на равных, как деловой человек с деловым. Но, видно, он не понял намерений собеседника.

Вы не все продумали до конца, господин Шелвадзе. Допустим, вы попросите политического убежища и вам его дадут. Вы останетесь у нас. А кусать что будете? — утратив значительную долю учтивости, Владислав перешел на жаргон. — Человек должен есть, пить, одеваться, пользоваться транспортом, развлекаться. Это закон, действующий в любой стране, при любом социальном строе. Вашего золотишка хватит на пару недель. Не больше. Для жизни в нашей стране профессия ваша ничего не стоит. Насколько я понял, вы мелкий спекулянт, валютчик — так, кажется, квалифицируют подобный бизнес в России. Вас даже на радиостанцию не возьмут — нет у вас ничего за душой. Нищенствовать? Так у нас и своих нищих предостаточно. Да и ваших земляков... Тех, кто, заглотнув сионистскую приманку, рвались в землю обетованную, а потом сочли за благо сменить

курс — вместо Тель-Авива болтаются в Риме, Вене, Антверпене... Им виднее, какое из двух зол для них меньшее. Хотите этого? Извольте!

Браваду Нико словно ветром сдуло, он потерял дар речи, а Владислав, уже в который раз за время их беседы звонит кому-то и ведет немногословную беседу.

— А если я все же решусь остаться здесь? — отважился спросить Нико.

— Воля ваша, — и Владислав протянул паспорт. — Возьмите. Вот ваше золото. Расплатитесь по счету.

Шелвадзе ждал, что будут шантажировать, угрожать, что-то предлагать. И вдруг такой неожиданный оборот.

— Что же будет дальше? — допытывался Шелвадзе.

— Ничего. Все пойдет так, как у нас принято. Думаю, что завтра утренние газеты выйдут с аншлагом: «Советский гражданин Шелвадзе вербует девушку нашей страны, предлагая ей за сотрудничество советское золото». Разумеется, текст будет проиллюстрирован: Шелвадзе со своей милой девушкой в ресторане, в постели. Вот она пишет первое свое шпионское донесение и получает слиток...

— Вы русский? — неожиданно спросил Шелвадзе.

— Нет. Но я много лет проработал в России и неплохо знаю вашу страну, ваших людей.

— Вы разведчик?

— Никогда им не был и не собираюсь быть. Я принадлежу к сообществу «Свободный мир». Наш девиз — «Свобода человеку». Вы слышали, конечно, про форум лидеров европейских государств в Хельсинки? Так вот, мы боремся за претворение в жизнь решений этого форума. Мы против пороков капитализма и иных социальных формаций. Мы за свободу личности и частного предпринимательства, конечно, в разумных пределах. Мы не потерпим никакого ущемления прав человека, кем бы он ни был. Мы решительно заявляем: каждый отдельный индивидуум — хозяин планеты Земля. И никто не должен лишать его этого права. Человек имеет право жить, как пожелает. Не мешайте ему. Нам нет дела до общества в целом, оно полно пороков. Мы — за благо индивидуума... Если хотите стать нашим другом, пожалуйста.

Шелвадзе догадался, что этот псевдофилософский монолог не что иное, как камуфляж. Он покорно спросил:

— А что я должен делать?

— Ровным счетом ничего!

— Так не бывает.

— У вас не бывает, а у нас бывает. У нас все построено на дружбе, доверии, взаимных услугах. Сейчас отдадите мне половину ваших наличных денег. Ими я расплачусь с барменом, с него хватит. А вот на счете, который был вам предъявлен, напишите своей рукой. Что? Я продиктую...

И Нико написал: «Дорогой Владислав. Спасибо за услугу. Я вам отплачу тем же. Надеюсь на хороший исход нашей договоренности. Шелвадзе». Затем он передал деньги и счет Владиславу.

— Вот и хорошо! К вашей расписке я приложу негативы фотографий детектива, постараюсь их выкупить. Золото продам и выручку приложу сюда же. Через два-три года, когда вновь появитесь у нас, вы будете уже богатым человеком, и тогда сможете покинуть навсегда Москву. Если нет вопросов, то честь имею. Можете вернуться в свой отель.

Шелвадзе вопросов не задавал. Ему все ясно: мышка попала в мышеловку. И перед тем как ей наглухо захлопнуться, последовал еще один удар.

— Простите, я на минуту задержу вас... Ровно через три недели, во второй половине дня вы должны быть дома. Некто позвонит вам и скажет: «Я Андрей. Владислав прислал вашу шапку. Хотел бы встретиться с вами и передать шапку». Мне, вероятно, не надо вам объяснять, что никакой шапки не будет. Это — пароль. Итак, где и когда вам удобнее встретиться с Андреем?

Недолго подумав, Шелвадзе уверенно ответил:

— В одиннадцать вечера у входа в ресторан «Берлин», улица Жданова, три. А что от меня потребуется?

— Самая малость. Приехать на своей машине и проследить, нет ли за вами слежки.

— Значит, это опасно?

— Нисколько!

...Точно в условленный день в его квартире раздался телефонный звонок. Андрей привез шапку. Он позвонил прямо из Шереметьевского аэропорта. В 22 часа господин Кастильо появился у себя в отеле, заглянул на несколько минут в буфет и ровно в двадцать три часа оказался на улице Жданова у дома номер три. У входа в «Берлин» его ждал Нико. Он, как было условлено, держал в руках журнал и на вопрос, где ближайшая стоянка такси, кивнул головой в сторону своей «Волги»...

Маршрут продуман уже давно. Ленинградское шоссе, памятник защитникам Москвы — ежи на том месте, где оста-

новили гитлеровцев в сорок первом. Машина юркнула под путепровод. Позади остались деревня Машкино; спуск, подъем, дорога в Новогорск. Свернули влево. Укромный уголок. Темень. Таинственно, глухо шумит на ветру лес. Тут, кажется, можно и привал устроить.

Андрей — это был Кастильо — передал Шелвадзе деньги: «Это за ваше золото». И еще некоторую сумму: «Это за пустяковую услугу, которую вы окажете нам».

— Нельзя ли часть денег дать долларами?

Хромоногий улыбнулся.

— Ну что же, в принципе не возбраняется. Но это, учитывая законы вашей страны, может привести к провалу. Вы не подумали о таком варианте? Как собираетесь реализовать доллары?

Шелвадзе усмехнулся. Главное получить доллары. Остальное — его забота.

— Не беспокойтесь. Все будет о'кей!..

— Ну, что же, доллары так доллары. Извольте, господин Шелвадзе. Мне кажется, что вы порядочный человек, на вас можно положиться. Хотя у меня на сей счет были большие сомнения.

— Какие?

— Я не был уверен в том, что окажусь с вами здесь за городом, а не на Лубянке. Ведь Лубянка рядом с отелем «Берлин», всего несколько шагов, — Кастильо поправила его остроота. — Так вот, друг мой, то, что мы встретились, и то, что эта встреча внесла ясность в наши отношения, закрепила узы дружбы между нами, дает основание надеяться на будущее сотрудничество. Вас это облагораживает, а мне, не буду скромничать, делает честь: я выполнил задание шефа — установил с вами связь.

Хромоногий затянулся сигарой, помолчал, осмотрелся. Темень непроглядная, даже лица Шелвадзе не разглядеть. Однако почувствовал, как тот насторожен, нервничает.

— Так вот, господин Шелвадзе, мы будем просить вас о небольшом одолжении... Сущий пустяк... Никаких забот и никакого риска...

...Шелвадзе на какое-то мгновение умолк — нелегко выкладывать всю правду. Но Бутов не позволил затянуть паузу.

— Итак, какова суть того «пустяка»?.. Продолжайте...

— Вы журналист, литератор, у вас широкий круг знакомых, — сказал Кастильо. — Может, вам удастся найти одного очень нужного нам человека. Вот возьмите фото-

графию. К сожалению, довольно старая. Отыщите его, сообщите адрес, и вы будете щедро вознаграждены.

— Предлагаете искать иголку в стоге сена? — спросил я.

Пусть будет так... И тем не менее вы должны проявить максимум находчивости.

Когда был сделан снимок? — поинтересовался я.

Незадолго до окончания войны. Сколько лет этому человеку, подсчитать не трудно.

Что известно о нем? — допытывался я.

Красив, бог не обидел его ростом. Ему прочили карьеру оперного певца... По национальности немец. Это все, что могу сообщить. Да, еще примета — нет мизинца на правой руке.

Разговор происходил в машине, и я не стал разглядывать снимок. Рассмотрел дома.

Вы уже пытались найти этого человека? — спросил Бутов.

— Я нашел его.

Меньше всего Бутов ожидал такого ответа, и ему нелегко было скрыть свое изумление, нелегко ровным, спокойным голосом продолжать допрос.

— Каким образом?

Опознал известного мне валютчика. При его участии в свое время я совершил несколько операций. Это Александр Ружинский. Живет он во Владимире, семьи нет. Нет и мизинца на правой руке. Однажды я был у него дома и в альбоме на журнальном столике видел такую же фотографию, как привез мне Андрей: Ружинский в Москве в первые послевоенные годы. Хозяин дома смутился и почему-то отобрал у меня альбом. Я удивленно посмотрел на него, а он усмехнулся и сказал: «Не люблю демонстрировать своих любовниц. Это не по мужски...»

— Вы успели сообщить, что задание выполнено?

— Да, я передал ему адрес Ружинского.

...Клементьев и Бутов, внимательно перечитывая протоколы первых допросов Шелвадзе, обратили внимание на его разговор с Владиславом. «Вас ни одна радиостанция не возьмет. Вы же просто мелкий делец, валютчик...»

А Шелвадзе тогда ловко парировал: «Да будет вам известно, что ваши отщепенцы — я-то их немного знаю, не одну бутылку коньяка распил с этой братией, — в общем-то уголовники. Зарплата для прикрытия, а живут за счет хозяев. Спекулируют всем — валютой и идеями, баснями

о гонении на интеллектуалов и информацией о липовых забастовках, вроде той, что по сообщению радиостанции «Свобода» якобы произошла в рижском порту. В лужу сели! Так что зря вы меня отбрасываете. Думаю, что был бы более полезен вам».

Генерал отложил в сторону протокол допроса Шелвадзе, и в глазах его мелькнули иронические искорки:

— Что скажете, Бутов?

Мне не очень понятно — почему Шелвадзе все же не оставили на Западе?

— А зачем он им там? — ответил Клементьев. — Западной разведке нужен свой человек, который работал бы на них здесь. Такого получить трудно. А тут удача... Сразу раскусили и поманили — обещали через года два-три взять к себе, на Запад, когда уже и текущий счет в банке будет...

Мда-а-а. Резон! — Бутов в общем-то согласен с Клементьевым. И все же некоторые сомнения остались.

А не беспокоит ли вас, товарищ генерал, некая поспешность? Без особых проверок, и сразу — в дело.

Пути разведки неисповедимы.

Шелвадзе утверждает, что больше никаких заданий ему не давали. На прощание было сказано: «Придет время, мы встретимся с вами вновь. А пока наслаждайтесь жизнью». Темнит или говорит правду?

...С санкции прокурора в квартире Шелвадзе произвели обыск. Обнаружили иностранную валюту: американские доллары, английские фунты, западногерманские марки. Не оставалось сомнений — спекулянт, валютчик.

Внимание сотрудников Комитета госбезопасности привлекла также фотография в альбоме: молодой человек в штатском, но с военной выправкой держит газету, на правой руке не хватает мизинца. Одет в модный для начала сороковых годов костюм, явно западного покроя. Альбом поступил на экспертизу. Несколько раз внимательнейшим образом, под микроскопом, рассматривали фотографию Ружинского, точнее, газету, которую он держал в руках, и установили: это военная газета фашистской Германии. Шелвадзе пояснил, что именно эту фотографию ему вручил Кастильо, когда просил разыскать человека, изображенного на снимке. Это был Ружинский в молодости.

Генерал Клементьев принял решение:

— Надо разобраться, что за личность Ружинский.

В одном из жарких боев 1941 года рядовой Александр Хеллер, раненный в плечо, попал в плен. Фашисты бросили его в лагерь под Смоленском.

Ему повезло. Оказавшийся вместе с ним в бараке врач быстро залечил рану.

А когда фашисты узнали, что Хеллер немец, долго живший в Москве и работавший радиотехником на заводе, его сразу же перевели в другой барак, где лучше кормили и даже давали по пачке сигарет на два дня. И люди там содержались другие: дезертиры, уголовники, бывшие белогвардейцы... В общем, всякий сброд, но все они были или москвичами, или из Подмоскovie. Таких набралось около пятидесяти. В начале ноября 1941 года начальник лагеря оберлейтенант Крюгер торжественно объявил им:

— Дни большевистской столицы сочтены. Еще одно усилие солдат фюрера, и она падет. Но чтобы ускорить падение ее, нужны надежные помощники. Кто готов служить великой Германии и фюреру, запишитесь у меня. — И многозначительно добавил: — Не пожалеете.

Даже среди этого разношерстного сброда нашлось немало желающих служить фюреру. Тех, кто согласился, тут же развезли по разведывательным школам. Так Александр Хеллер очутился на окраине белорусского городка Борисова.

— Нам срочно нужны сведения из Москвы, — твердил руководитель школы. — Какие и откуда подходят части, их вооружение, численность, места базирования аэродромов, артиллерии, зоны сосредоточения войск, минные поля, их ограждения, проходы, настроение жителей Москвы... Для этого мы вас и готовим.

Абверовцы торопились. Обучение шло ускоренно. Агентов учили работе с радиопередатчиками и приемниками, шифрованию, тайнописи. Задание было сформулировано коротко и четко: внедряться в части Красной Армии или устраиваться на работу на оборонные предприятия. Учителя тут же подсказывали — как это сделать.

Неподалеку от Катыни, где расположился штаб абвергруппы, из наиболее отпетых головорезов готовили террористов. Их тоже нацеливали на Москву. За выполнение задания агентам сулили большие блага при «будущем новом порядке». Но это после победы над большевиками. А пока надо точно и беспрекословно выполнять задания начальства, готовить

себя к большой работе, чтобы приблизить час победы фюрера.

Позднее к множеству заданий прибавилось еще одно, особо важное.

— У большевиков, — сказал шеф, — появилась ракетная пушка. Она применялась в боях под Оршей и в других местах. Если нападете на след, — шеф повысил голос, — можете больше ничем не заниматься! Нам нужны все подробности об этом дьявольском оружии русских: устройство, сколько имеется таких пушек, какие части вооружаются ими.

Речь шла о знаменитой «катюше», наводившей ужас на гитлеровцев. Фашистские военные разведчики тщательно и с пристрастием допрашивали каждого советского пленного, пытаясь по крупицам собрать сведения о ракетных минометах. Но тщетно.

Казалось, предусмотрено все: и фиктивные документы, и легенды, и явки, и пароли, и крупные суммы денег для агентов, и соответствующее обмундирование. Однако не учли, что в тяжелые для столицы дни советские люди стали особенно бдительны.

Наши контрразведчики получили данные о готовящейся заброске абверовских агентов и обезвредили большинство из них. Но Хеллеру удалось скрыться.

После второго ранения он попал в советский госпиталь. Когда поправился, получил новые документы и направление в часть. Вероятно, так и затерялся бы на полях сражений Великой Отечественной войны, если бы снова не попал в плен. Там Хеллер нашел способ связаться с абверовцами и вторично прошел подготовку в школе. Затем его, якобы избитого на допросе, водворили в лагерь для советских военнопленных.

Шел февраль сорок пятого года.

Абвер реально оценивал обстановку. Война проиграна, крах неизбежен. И Хеллеру было дано задание: «Когда придут советские войска, вас вместе с другими русскими военнопленными отправят в Россию. Проверка предстоит серьезная, но вы обязаны выдержать. Затаитесь и ждите. Помните — час реванша рано или поздно наступит. И вы вновь понадобитесь. Мы вас найдем».

...Не сложилась жизнь у Хеллера. Ни дома, ни семьи. Потянуло к вину, легкой жизни. Одолела боязнь разоблачения, покоя не знал он ни днем, ни ночью. Постепенно созрело решение: «Чтобы скрыть прошлое, надо приобрести документы на другую фамилию». Задуманное долго не уда-

валось осуществить, но все же нашлись люди, которые за приличную сумму сделали новый паспорт. Так Хеллер стал Александром Борисовичем Ружинским.

ПРИВЕТ ОТ МАКСА ГЮНТЕРА

Комфортабельный автобус привез большую группу иностранных туристов во Владимир. Гости с большим интересом всматривались в открывшуюся перед ними панораму города-музея. В числе других из автобуса вышел элегантно одетый мужчина средних лет — дон Кастильо.

Туристам была предложена обширная программа экскурсий: площадь Свободы, монумент в честь 850-летия города Владимира, историко-художественный и архитектурный музей-заповедник, картинная галерея, храм Покрова — памятник архитектуры XII века и многое другое. Гости изрядно устали и, вернувшись в гостиницу, пообедали и разбрелись по номерам. Отдых! Завтра утром — в Суздаль.

Но Кастильо приехал работать. Когда все разошлись, он вышел из гостиницы, остановил такси. Долго петлял по городу, где-то пересел в другую машину. На окраине вышел, прошелся немного, тщательно осмотрелся и юркнул в подъезд двухэтажного дома. По едва освещенной лестнице поднялся на второй этаж и нашел нужную квартиру. Позвонил. Дверь открыл мужчина средних лет.

Вы Ружинский? Александр Борисович?

— Да, Ружинский.

Хозяин выразил недоумение — человек ему не знаком. И, кажется, иностранец.

— Разрешите войти?

Не дожидаясь приглашения, гость решительно переступил порог, на ходу бросил:

— Вы один дома?

И, видимо, желая убедиться в этом, прошел в комнату, заглянул в туалет, на кухню, после чего бесцеремонно уселся. Явно шокированный поведением гостя, хозяин продолжал стоять, растерянно разглядывая его. А потом сердито спросил:

— Быть может, соизволите объяснить, кто вы такой и что привело вас ко мне?

Гость улыбнулся и с нарочитым добродушием сказал:

— Не надо сердиться... Садитесь, у нас серьезный разговор.

Присев, Ружинский хмуро буркнул:

— Слушаю вас.

— Вам передает привет Макс Гюнтер.

На лице Ружинского отразилось только недоумение.

— Гюнтер? Не знаю такого.

— Не валяйте дурака, Александр Борисович, — в голосе Кастильо слышалась угроза. — Не шутите с огнем. Вам он хорошо знаком. Или память изменила? Не рановато ли?

— Уверяю вас, извините, не знаю вашего имени...

— Мигуэль Кастильо.

— ...Я впервые слышу фамилию Гюнтер.

— Придется помочь. Макс Гюнтер — бывший сотрудник абвера. Точнее, один из руководителей абвергруппы, — и Кастильо назвал номер группы. — Вы служили под его началом.

Услышав это, Ружинский побагровел, вскочил, едва справляясь с дрожью в ногах.

— Это ложь, ложь! Я не знаю никакого Гюнтера и в абвере не служил! С чего вы взяли? — Он бегал по комнате, нервно пожимал плечами, наконец, дрожащими руками вытащил из кармана пиджака папиросы, спички и закурил. Несколько раз затянулся и глухо проговорил: — Вы пришли шантажировать меня?

— Успокойтесь, «Артист»; — такая, кажется, кличка была у вас в абвере? — невозмутимо спросил Кастильо.

— Откуда вы знаете? — прохрипел Ружинский и, спохватившись, что, по существу, сейчас он выдал себя, стал вновь упрямо твердить: — Это ложь, шантаж! Я не служил у немцев! Я честно воевал, был ранен!

— Если, как вы говорите, честно воевали и у немцев не служили, то почему стали вдруг Ружинским? Ведь ваша действительная фамилия... — не закончив фразу, Кастильо в упор уставился на «Артиста», выдерживая паузу. — Может быть, назовете ее сами?

Ружинский молчал.

— Что же вы молчите? Будьте мужчиной, посмотрите правде в глаза. Вы — немец Хеллер. Под этой фамилией призывались, служили в Красной Армии, сдались в плен, служили в абвере. А теперь стали Ружинским. Просто так фамилии не меняют.

Ружинский почти шепотом спросил:

— Откуда вам все это известно?

— Из вашего досье по абверу, которое теперь у меня. Я в него время от времени заглядываю. — И, перейдя на

доверительный тон, гость начал успокаивать хозяина дома: Вы напрасно паникуете. Я вовсе не собираюсь доносить на вас Комитету госбезопасности. Полагаю, что вы человек разумный и мы найдем общий язык. А если нет — пеняйте на себя. Поступлю так, как сочту нужным.

Ружинский прошелся по комнате, сел.

— Что от меня надо?

— Вот это уже по-мужски, одобряю.

Кастильо похлопал Ружинского по плечу, голос стал прямо-таки медовым:

Я из ЦРУ Фирма в рекомендации не нуждается. Абверовская агентура давно работает на нас. И ваш бывший шеф Макс Гюнтер тоже. Кстати, он лестно отзывался о вас.

— Я хочу знать, — уже спокойно спросил Ружинский, — как вы меня нашли, не зная нынешней фамилии?

Отвечу. Это было нелегко. Помогли люди. В досье осталась ваша фотография. Опять же примета — отсутствие пальца.

— Что вы от меня хотите, господин Кастильо?

Работы и только работы.

Что я должен делать?

То, что вы делали в абвере. Добывать информацию. Впрочем, вас, старого разведчика абвера, учить не нужно... Пригодится любая информация. Однако должен предупредить, что вознаграждение будете получать в зависимости от ценности ваших сведений.

Из внутреннего кармана пиджака Кастильо вынул пачку денег и сунул их Ружинскому.

— Это аванс.

У хозяина заблестели глаза, и Кастильо подумал: «Такой мать родную продаст. Макс Гюнтер был прав, рекомендуя «Артиста».

Ружинский с явным удовольствием взял деньги. Гость улыбнулся.

Для порядка — прошу расписку. Как говорят русские, деньги счет любят, а я отчитываюсь перед шефом.

Расписку? Это можно, — согласился Ружинский. Написал расписку, подписал и поставил дату, хотя об этом и не просили.

Вот и прекрасно. Будем считать, что главная часть дела сделана. Остались детали... — И Кастильо извлек из портфеля небольшой сверток. В нем находились миниатюрный фотоаппарат и кассеты к нему.

— Вы, надеюсь, не разучились обращаться с этим?

«Артист» повертел аппарат в руках.

— Покажите, как пользоваться им, как заряжать?

Кастильо продемонстрировал несложную технику.

Думаю, излишне напоминать о максимальной осторожности. Не хуже меня знаете, чем кончается провал агента в Советском Союзе. Но если вдруг... Уличающие вас доказательства уничтожить, а при задержании и допросе все начисто отрицать. Меня вы не знаете, я вас тоже... Ясно?

— Ясно, господин Кастильо. Но я хотел бы знать, как будем поддерживать связь?

— Запишите адрес... Жаклин Жаньен, улица Ваграм, 75018, Париж, 65, Франция. Лучше, если запомните. Собрав достаточную информацию, отошлите по этому адресу письмо с таким текстом: «Милая Жаклин, я очень доволен поездкой, полон прекрасных впечатлений. Хочется, чтобы ты была здесь, рядом со мной. Скупаю, целую, твой Жаньен». Вместо обратного адреса укажите — «проездом». Открытку опустите в Москве. Слева, не забудьте, именно слева, проставьте дату отправления, любую. Это будет означать, что пишете не по принуждению. В противном случае дату пишете справа. Значит, с вами что-то случилось... Получив открытку, мы пришлем вам письмо с тайнописным текстом. Его тоже отправят из Москвы. Видимый текст будет чисто бытовым, а между строк после проявления обнаружите указания, как действовать дальше. Потом перейдем на безконтактную связь, через тайники. Об этом дадим вам знать. А теперь получите средства тайнописи и проявления. — Кастильо достал небольшую коробочку. — На дне ее — инструкция. Дело не хитрое. Спрячьте подальше.

— Не беспокойтесь, я живу один.

— Мне известно, что вы занимаетесь валютным бизнесом. Это опасно, особенно в вашей стране. Легко очутиться за решеткой. Кончайте с этим, порвите все связи с валютчиками.

Ружинский удивился: неужели и это известно новым хозяевам?

— Видимо, фирма не зря платит деньги, господин Кастильо... Такая осведомленность...

— Мы знаем о вас больше, чем предполагаете, — недобро усмехнулся тот и спросил: — Как у вас с работой? Поговорим о возможностях сбора информации.

— Я скромный советский служащий. Снабженец фабрики местной промышленности. Участвую в художественной самодеятельности: солист ансамбля, пою, и, кажется, неплохо. Играю на разных инструментах. С самодеятельностью

разъезжаем по предприятиям Владимира и других городов страны... Пользуемся успехом. Бывают и шефские концерты в воинских подразделениях.

— О, это прекрасно! — перебил Кастильо. — Отличная возможность собирать интересующую нас информацию. Только не вздумайте дурить! С нами шутки плохи. Отыщем! Нашел же вас, когда понадобились.

— Вы зря угрожаете мне. Я и так навеки связан с вами.

— Вот и хорошо. Люблю людей, понимающих с полуслова. Желаю успеха.

...Через час Кастильо примкнул к своей группе.

Утром иностранные туристы выехали в Суздаль. Кастильо больше никуда не отлучался и вел себя как добропорядочный экскурсант, жадно внимавший тому, что рассказывали экскурсоводы...

Тем временем Бутов докладывал Клементьеву о встрече Кастильо с Ружинским. Тут еще много неясного. Не агент ли этот «Артист». А если да, то где и когда его завербовали?

— Скорее всего, во время войны, — высказал предположение генерал Клементьев и распорядился собрать как можно больше сведений о Ружинском, тщательнее разобраться с его прошлым.

ЗНАКОМАЯ ЛИЧНОСТЬ

Вечером в квартире Бутова раздался телефонный звонок. Виктор Павлович только что приехал домой и еще не успел снять плащ.

— Алло! Это вы, Виктор Павлович? — прохрипело в трубке.

— Да.

— Извините, что тревожу дома, здравствуйте.

— Рад слышать вас, Захар Романович. Как здоровье?

— О здоровье поговорим потом. Пришло письмо от нашего общего знакомого.

— Правильно, сделали, что позвонили. Вы один дома?

— Да, один. Молодые к себе поехали.

— А что, если я через час-полтора приеду к вам? Не возражаете?

— Буду рад.

— Договорились.

Бутов внимательно рассматривал письмо. Почтовые штемпели только московские. Ничего не значащий текст. Проявили и обнаружили перечень вопросов, на которые

Захару Романовичу надлежит ответить. Перечень большой, и все о деятельности научно-исследовательского института, в котором работает Рубин. Требовали назвать наиболее перспективные и важные с государственной и военной точек зрения разработки, кто их ведет и в какой они стадии. Дать характеристики людям, отметив их увлечения, наклонности, пороки. Сообщить, кому из них предстоит зарубежные командировки, когда, в какие страны. Цель командировок. Добытые материалы надо по частям закладывать в тайник. Далее следовало точное описание местонахождения тайника, приметы, инструкции, как удобнее к нему подойти, как пользоваться. Положив в тайник свое сообщение, «Сократ» должен позвонить по указанному в инструкции телефону, а услышав ответ, молча два раза подуть в трубку, после чего положить ее. Это условный знак — все в порядке, информация в тайнике. Дальше уже не его дело. Через этот тайник он и в дальнейшем будет получать задания, инструкции и вознаграждение.

Захар Романович умоляюще смотрит на Бутова:

— Что же мне делать?

— Будем вместе готовить информацию, точнее, дезинформацию, — с улыбкой ответил Бутов. — Само собой разумеется, никаких секретных данных. Только общеизвестные сведения. Материал подготовьте сами, но прежде чем закладывать в тайник, покажите мне. Постарайтесь заранее ознакомиться с тайником, внимательно осмотрите подходы к нему. Первая закладка желательна дня через три. Времени хватит?

Думаю, что для первой информации хватит, — неуверенно ответил Рубин. — Во всяком случае постараюсь.

Значит, договорились. Письмо заберу. Не возражаете?

— Да, да, конечно. Как вам будет угодно.

— Мне, вероятно, не надо предупреждать вас, что о письме и о намеченных нами действиях никому ни слова. Будьте здоровы. До скорой встречи. Звоните в любое время и на службу и домой.

...Отправляясь на доклад к генералу, Бутов уже знал, кому принадлежит тот телефон, по которому должен звонить «Сократ».

— Вот справка на этого человека.

— Оперативно сработали, Виктор Павлович, — и генерал углубился в чтение справки. — Ах, вот это кто, — он поднял глаза на Бутова. — Знакомая личность. Лоро, первый советник посольства. Давно он у нас на подозрении. На

этот раз мы должны взять его с поличным у тайника. Подумайте, как это сделать.

— Я уже думал. Возьмем его после того, как Кастильо вторично прибудет в Москву и встретится с Ружинским.

— Когда его ждете?

— Недели через две. Кстати, Ружинский тоже получил письмо от Кастильо. Спрашивает, когда приезжать.

— А как Ружинский?

Теперь никаких сомнений — он агент Кастильо. Не раз замечен в районе расположения воинских частей и важных оборонных объектов. Несколько раз фотографировал их. Каждое его действие документируется. Вместе с органами МВД мы разобрались в его валютных операциях. Есть все основания для ареста, МВД уже обезвредило ряд крупных валютчиков, в частности Манухина — партнера Ружинского и Шелвадзе. Я вам уже докладывал, Шелвадзе на следствии подробно рассказал об этих сделках, Ловко орудовали, ничего не скажешь — поистине золотые руки... С милицией договорились — Ружинского арестуем мы, когда сочтем нужным.

— А когда сочтете?

— Будем брать при его встрече с Кастильо в момент передачи информации. Тогда и испанца задержим.

— Что же, добро! Только не прозевайте гостя. Он не лыком шит. Умен и ловок... Действуйте!

НА ФИНИШНОЙ ПРЯМОЙ

События развивались без каких-либо осложнений. Ружин, несмотря на возраст и все свои хвори, оказался человеком крепким. Он составлял в меру убедительные и насыщенные фактами информации об институтских делах, так что и самому проницательному разведчику из филиала ЦРУ не найти в них какую-либо червоточину. И держал себя, направляясь к тайнику, достаточно, как говорил Бутов, аккуратно, зная, что кто-то из стана противника, вероятно, следит за ним. Судя по реакции на первые «закладки», зарубежные хозяева «Сократа» удовлетворены работой. Бесконтактная связь стала регулярной, господин Лоро не заставлял себя долго ждать.

Человек военный, он был предельно точен в исполнении приказов начальства. Сразу же после телефонного сигнала мчался за город изымать донесение «Сократа», чтобы в тот же день, зашифрованное, оно ушло в штаб-квартиру.

Столь же оперативно господин Лоро сам закладывал в тайник задание штаб-квартиры. Операции эти он никому не поручал и, положив в тайник очередное письмо хозяев, тотчас же звонил «Сократу» из ближайшего автомата: «Говорят из книжного магазина... Заказанная вами монография получена». Рубину ясно — завтра надо ехать за город...

Подтверждая получение очередной информации, хозяйева иногда просили что-то уточнить, давали новое задание. Рубин нервничал, тяжело вздыхал, чесал затылок: «Бог ты мой, где это я добуду?» Но после встречи с Бутовым успокаивался. «Не расстраивайтесь, Захар Романович, что-нибудь сочиним».

В последней весточке «с той стороны» сообщалось, что в ближайшее время, между 20 и 25 октября, Кастильо прибудет в Москву. Он не уверен, что сможет повидать «Сократа», но позвонит Рубину, отрекомендуется сотрудником журнала «Природа» и спросит: «Готова ли заказанная вам статья?» Это означает: «Готово ли ваше очередное сообщение, которое вы должны положить в тайник?» Строго предупреждали, что ответ должен быть один: «Да, статья готова, можете посылать за ней». После телефонного звонка в тайник должно быть заложено очередное сообщение Рубина. Кастильо ознакомится с ним в Москве и тогда, возможно, пожелает встретиться с «Сократом», о чем договорится по телефону. «Категорически настаиваем, — подчеркивалось в письме, — на точном выполнении этого нашего указания».

Такое указание несколько озадачило и Клементьева и Бутова. Не допущена ли где-то промашка? Не подозревают ли Рубина, не оплошал ли он? Чем вызвана категоричность?

Письмо «с той стороны» лежит на столе Клементьева, и жирной красной чертой подчеркнуто: «Тогда, возможно, пожелает встретиться с «Сократом»...»

— Игра подходит к концу, Виктор Павлович. Продумайте, как будем действовать с учетом вот этого послания. Возможны всякие неожиданности... В любом случае сделайте все, чтобы успокоить «Сократа». Судя по вашей информации, его весьма взволновал тон письма. Объясните, что в любом случае ему ничто не грозит. Он может спокойно выходить на тайник, так же уверенно, как прежде. И еще скажите ему — мы постараемся сделать все, чтобы больше его не тревожили.

Последняя заключительная акция... Контрразведчики разрабатывали ее тщательнейшим образом. У них были

основания предполагать, что, прибыв в Москву, Кастильо не замедлит отправиться к Ружинскому. «Артист» подал сигнал: «Все для вас готово. Приезжайте». И как только хромоногий выедет во Владимир, вероятнее всего с экскурсией для иностранных туристов, Рубин должен заложить очередное сообщение в тайник. Не позже и не раньше.

Если господин Лоро будет задержан до отъезда Кастильо во Владимир, хромоногий в тот же день узнает о случившемся. И, вероятнее всего, не поедет во Владимир. И тогда рушится замысел — поймать Кастильо с поличным в момент встречи с Ружинским, в момент, когда тот будет передавать испанцу подготовленные им шпионские данные.

Если позже — Лоро узнает об аресте Кастильо и поймет, что дорога к тайнику «заминирована»...

Все эти детали не дают покоя Бутову. Мысленно он «проигрывает» разные варианты, придумывает за противника самые каверзные ходы. Пожалуй, все задуманное должно получиться, но в ушах звучит строгое генеральское предупреждение: «Смотрите же, Виктор Павлович, чтобы осечки не вышло»...

У Рубина все подготовлено — донесение составлено умно и ловко.

Нет, кажется, все идет отличным образом. Вчера к Бутову поступило долгожданное сообщение: в Париж отправлена еще одна весточка «Артиста» — уточнял место и время встречи с хромоногим во Владимире. Теперь Виктор Павлович может уверенно сказать Рубину: «Ждать осталось считанные дни»...

КОНЕЦ ИГРЫ

Кастильо прилетел в Москву вечером. В Шереметьево его встретил представитель советского внешнеторгового объединения — партнер по сделке, не завершившейся в прошлый приезд.

Испанец остановился в гостинице «Интурист». Ужин с партнерами прошел в дружеской непринужденной беседе. К делу, по просьбе Кастильо, решено приступить через день. А на следующее утро он с туристским автобусом отправился во Владимир.

Стоял погожий осенний день. Привольно раскинувшийся на живописных холмах древний город, краса и гордость России, не первый год радушно встречает гостей. Их тут бывает много, гостей, жаждущих ознакомиться с ше-

деврами русского зодчества, полюбоваться нетленной красотой памятников Владимирской земли. Это устраивало Кастильо. Как у заправского туриста, у него в одной руке фотокамера, на плече — изящная дорожная сумка. Отлично владея французским, испанец примкнул к группе парижан и вместе с ними осматривал «Золотые ворота» и остатки древних земляных валов. Вот знаменитый Успенский собор. Поглядев на часы, Кастильо незаметно отстал от группы и неторопливо зашагал по немногочисленной, упрямой в тень вековых деревьев парковой аллее, закутанной прозрачной дымкой. Навстречу шла старушка, предлагая купить букетик последних осенних астр.

Опасливо осмотрелся. Кажется, все спокойно, слезки нет. Направился к заветной скамейке, которую Ружинский до мельчайших подробностей описал и отметил на плане-схеме красным крестиком.

«Артист» был уже на месте. Импозантный, в щеголеватом костюме, он сидел, вытянув ноги, и бездумно поглядывал на молодой дуб с почти голыми ветвями. Рядом с ним лежала темно-коричневая сумка.

Бездумным он, конечно, показался бы только стороннему наблюдателю. Оснований для тревоги предостаточно: аллея хоть и безлюдна, но вот только что прошла ватага веселых молодых людей, о чем-то азартно споривших. Один из них щелкал фотоаппаратом, и, может быть, Ружинскому показалось, вон тот долговязый, в темных модных очках, на мгновение задержал на нем взгляд. А главное — где же Кастильо? Прошло семь минут сверх условленного времени.

...Он шел неторопливо, чуть прихрамывая, ослепительно улыбался. Как и полагается добропорядочному туристу, разглядывал деревья, прикидывая, сколько им лет. У векового дуба задержался, отошел в сторону, вновь осмотрелся: все ли в порядке?

Ленивой походкой он подошел к скамейке, на которой сидел Ружинский. На краю ее лежал кем-то оставленный пучок багряных веточек клена, осины. Листва пущена испанцем в дело — неплохой веник. Он тщательно почистил скамейку и молча уселся рядом с Ружинским. Так они просидели несколько минут. Вроде бы незнакомые, гуляли, присели отдохнуть — эта сцена была разыграна превосходно.

Первым прервал молчание Кастильо. Не поворачивая головы, глухо буркнул:

Принесли?

Принес.— Поза «Артиста» все такая же непри-
нужденная, только чуть-чуть дрожали руки, открывшие
сумку. И вот уже лежавший рядом с Кастильо большой
сверток исчез в сумке испанца.

— Это все? — шепотом спросил Кастильо.

Есть еще кое-что.

— Давайте.

Ружинский положил на скамейку пакет в полиэтилено-
вом мешке.

— Это пленки.

Но едва Кастильо открыл сумку, чтобы сунуть туда
пленки, как внезапно появились трое молодых людей
и в упор защелкали фотокамерами.

Кастильо понял: чекисты! Лоб покрыла испарина. Слегка
побледнев, он засуетился, пытаясь побыстрее закрыть
сумку. Но увидев, что пакет с пленками остался на скамейке,
отставил ее в сторону. Ружинский и вовсе растерялся.
Вскочил, сел, опять встал, беспомощно опустив руки.

Первым пришел в себя Кастильо:

Кто вы такие? Что вам нужно? По какому праву...

Вы, господин Кастильо, и вы, гражданин Ружинский,
задержаны за совершение преступления,— негромко
произнес установленную законом формулу Сухин, старший
группы чекистов.— Вам придется последовать за нами...

Вы не смеете... Я иностранец... Я не совершал ни-
каких преступлений... Я буду жаловаться,— он выпалил
эти слова не переводя дыхания.

— Вам будет предоставлена такая возможность,—
спокойно ответил Сухин и перевел невозмутимый взгляд
на Ружинского: — А вы что скажете?

Тот не кричал, не возмущался. Растерянный, сникший,
он молча переминался с ноги на ногу и смотрел по сторонам,
словно искал кого-то. Наконец Ружинский, пересилив
охвативший его страх, дрожащим голосом пролепетал:

Я все расскажу, скрывать не буду. Да и глупо что-то
скрывать в нашем положении,— и он посмотрел на Ка-
стильо. У того в глазах — презрение и ярость.

Идиот... Тебя же расстреляют!.. Ничтожество! А я-то
думал...

— Да молчи ты! Когда игра проиграна, бесполезно...

Вы правы, Ружинский. Жаль, что ваш сообщник еще
не понял этого. Полагаю, что со временем и до него дойдет.—
Сухин распорядился посадить задержанных в машины.

Из отделения милиции Сухин позвонил в Москву, Бутову:

— Шпионы задержаны с поличным. Провели личный обыск. Сейчас оформим протокол задержания. Как только проведем обыск на квартире Ружинского, обоих передадим следователю.

...На столе лежат пакеты, переданные Ружинским Кастильо.

— Что в этих пакетах?

Ружинский отвечает, понутив голову:

— Сведения, которые я добывал по требованию этого господина.

— Ложь, выдумки, — цедит Кастильо.

— Не валяйте дурака, господин Кастильо. Мы пойманы с поличным. Вы уж как угодно, а я буду говорить все, как было. Карта бита, надо расплачиваться.

— А что вам еще остается? — спокойно роняет Сухин. — Чистосердечное признание будет зачтено. Итак, что в этих пакетах?

— Я уже сказал — сведения...

— Вы уж, пожалуйста, называйте вещи своими именами, — перебил Сухин. — Не сведения, а шпионские материалы. Так?

— Так. В одном пакете тетради с записями мест расположения некоторых воинских частей, военных аэродромов, танкодромов. И еще о радарных установках, где они находятся. Сведения о подъездных путях к оборонным объектам, которые мне удалось обнаружить во время своих служебных командировок в разные районы страны. Это что касается записей. Кроме того, я вручил Кастильо двенадцать фотопленок, они в другом пакете. Там засняты различные военные и промышленные объекты.

— Это бред сумасшедшего, — завопил Кастильо. — Еще раз напоминаю: я иностранец и буду жаловаться...

Потрудитесь открыть свою сумку, господин Кастильо, — отчеканил Сухин. — Вот ваша?

Кастильо резко отшвырнул сумку в сторону.

— Я вам не помощник.

В присутствии понятых сумка была открыта.

— Что в этих свертках?

Кастильо ничего не ответил.

— А вы что скажете, гражданин Ружинский?

— Я уже сказал... Все сказал... Ничего не утаил от вас...

Из сумки Кастильо, помимо шпионских материалов,

извлекли солидную пачку денег в крупных купюрах.

Кому предназначались эти деньги, господин Кастильо?

Я не намерен отвечать на ваши вопросы, — отрезал Кастильо.

— Возможно, я смогу внести ясность, — подал голос Ружинский.

Что ж, слушаем вас.

Похоже на то, что деньги предназначались мне. Кастильо обещал щедро вознаградить за работу. — Он говорил, опустив глаза, голос дрожал. Это не было раскаяние. Был расчет на снисхождение.

Кастильо нервно передернул плечами и больше не проронил ни слова.

Процедура оформления задержания шпионов, изъятия и осмотра вещественных доказательств шла с точнейшим соблюдением законов. В протокол занесли показания Ружинского, сумму изъятых денег, номера и номиналы всех купюр. Теперь можно и подписывать протокол. Подписи поставили подполковник Сухин, другие сотрудники КГБ и понятые. Ружинский безропотно расписался, а Кастильо наотрез отказался, о чем следователь сделал надлежащую запись.

Кастильо отправили в Москву, в КГБ, а Ружинского повезли к нему на квартиру. С санкции прокурора начался обыск. Он длился долго. Группе чекистов во главе со следователем пришлось немало потрудиться. Хозяин дома, человек предусмотрительный, так уж сложилась его жизнь, годами пребывал в страхе перед возможным арестом, обыском и тщательно прятал «концы».

...Под одной из паркетин найдена улика № 1 — записная книжка. Ружинский не отпирался. Да, здесь записи, относящиеся к его работе на Кастильо, дата получения солидного аванса в счет будущего расчета за шпионские сведения.

Дотошный помощник следователя сумел обнаружить в чемодане с двойным дном американские доллары и золотые монеты царской чеканки на солидную сумму. Там же — давнишние служебные удостоверения хозяина квартиры. О том, что они принадлежат Ружинскому, можно судить по фотографиям, а фамилия другая — Хеллер. И трудовая книжка на ту же фамилию.

— Так как же вас теперь величать? — спросил следователь.

Это еще не допрос, а только уточнение данных протокола обыска. Но Хеллеру-Ружинскому не до норм уголовно-процессуального кодекса. Он уже все решил для себя и теперь, не ожидая допроса, рассказывает и о прошлом, не утаивая связи с абвером. Слушая исповедь, не трудно было определить стратегическое направление боевых действий Ружинского после войны: затаиться. И это ему удалось. Хеллер стал Ружинским. Разработана была и «тактика». Поначалу цели были намечены скромные: пристроиться в какое-нибудь учреждение, чтобы не маячить на виду, а уж потом выйти на «оперативный простор». А как делать деньги, как добраться до «сладкой жизни», он знал. Лучшее доказательство тому «зелененькие» и золотые, лежавшие на столе.

Ружинский признался, что давно спекулирует валютой, и в числе своих сообщников назвал Шелвадзе.

В квартире Ружинского были найдены и фотопринадлежности для работы на Кастильо: фотоаппарат «Минокс», кассеты к нему, аппаратура и химикаты для проявления фотопленок и средства тайнописи.

На письменном столе стояла фотография миловидной женщины средних лет.

— Кто это? — спросил Сухин.

— Моя жена, вернее, бывшая жена.

Где она сейчас?

Не знаю. Ушла несколько лет назад. Я пил, гулял. Опять же дела... Долго терпела, умоляла вернуться к нормальной жизни. Я обещал, какое-то время держался, снова срывался. И так без конца. И вот один-одинешенек. Ни жены, не детей. А впереди — тюрьма.

И Ружинский расплакался.

...Обыск окончен, составлен протокол, вещественные доказательства упакованы, Ружинский отправлен в Москву. Теперь слово за следователем.

На первом этапе следствия все стало на свои места, если не считать упорного заpiresательства Кастильо. Слишком уже очевидной шпионской связи с Ружинским отрицать не стал, но на вопросы обо всем, что касается «Сократа», нагло отвечал:

— Не знаю такого... Это разыгравшаяся фантазия чекистов... Тайник? Понятия не имею...

Ему предъявили фотографию — он и «Сократ» в Третьяковке.

По уголовному делу вместе с Хеллером-Ружинским и Кастильо привлекли и Шелвадзе.

Все они признали себя виновными в предъявленных обвинениях. Кастильо долгое время заперся, но не смог опровергнуть неопровержимые доказательства. Его уличили Ружинский, Шелвадзе и вещественные доказательства.

Доказательства вины Кастильо дополнила рация и другие шпионские атрибуты, врученные Рубину сотрудниками западных спецслужб.

Виновные были преданы суду. Здесь полностью подтвердились предъявленные обвинения.

Правосудие свершилось, каждый из подсудимых получил по заслугам.

Не забыли и о Лоро, сотруднике посольства одного из западных государств. Не станем описывать, как с его участием прошла последняя операция «Тайник». Все произошло точно по плану, разработанному контрразведчиками. Через десять минут после того, как Бутову поступило сообщение об отъезде Кастильо во Владимир, Рубин на своих «Жигулях» отправился по знакомой дороге к тайнику. А через три часа господин Лоро услышал телефонный звонок, и кто-то два раза подул в трубку. Господина Лоро задержали, когда он извлекал из тайника донесение «Сократа».

Дипломат-шпион уже давно был на заметке у сотрудников КГБ. Через МИД ему предложили незамедлительно покинуть СССР.

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ «СОКРАТА»

В день, когда в Москву привезли Кастильо, Клементьев озабоченно спросил Бутова:

— Как здоровье Рубина?

Не жалуется. Держится молодцом... Даже хорошо: «Никакая ишемия не мешает мне разделаться с этой мразью, я ваш помощник до последнего часа»... Только боюсь, что последний час недалек... По-человечески жаль старика...

И ничем не помочь?

Консультировался я с медиками. Дали кое-какие советы и лекарства... Рубин поблагодарил, но принимать отказался. Сам, говорит, врач, знаю, что не помогут... Да и принимал уже эти таблетки.

Резкое обострение наступило внезапно.

Он уходил из жизни вместе с коротким осенним днем, и остатки сил таяли, как солнечный отсвет в небе. Сворачивался извечный круговорот жизни. Рубин уходил из нее тяжело. После двух уколов физические страдания стали утихать, но нравственные не исчезли. Попросил Ирину достать ему с книжной полки том Толстого с рассказом «Смерть Ивана Ильича». Профессор медленно перебирал страницы, отыскивая врезавшиеся в память строки. Когда нашел, обрадовался и несколько раз перечитал. Перед смертью Ивану Ильичу «вдруг пришло в голову: а что как и в самом деле вся моя жизнь, сознательная жизнь, была «не то». Видно, и Рубина точила сейчас эта мысль. Тускнеющий взор словно застилал туман. На короткое время он рассеивался, и тогда Рубин видел молодое женское лицо, то залитое кровью и до неузнаваемости обезображенное, то светлое, красивое, каким он увидел его несколько десятилетий назад, при первой встрече. В полубреду Рубин бормотал что-то несвязное, и дежурившая у его постели Ирина с трудом улавливала женское имя. Увы, не имя ее матери. Он звал какую-то Елену. Тускнеющие глаза искали что-то на потолке. И снова бес-
связный шепот:

— Я виноват, Ирина... Елена... Ты негодяй, «Сократ»... Я виноват... Прости, Елена...

Елена... «Сократ»... Приемной дочери Рубина эти имена были незнакомы. Она могла только догадываться, что вырастивший ее человек уносит в могилу какую-то тайну и покидает этот мир с ощущением большой вины.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Дмитрий Корбов. Дебют контрразведчика .</i>	3
<i>Владимир Киселев. Отряд «Храбрецы»</i>	46
<i>Сергей Ананьин. Подвиг комсомольца</i>	98
<i>Теодор Гладков, Борис Стекляр. Рассказы полковника Бондаря .</i>	121
<i>Владимир Востоков. Поединок</i>	179
<i>Алексей Авдеев. Раскаяние</i>	198
<i>Леонид Леров, Евгений Зотов, Алексей Зубов. Конец «Сократа»</i>	221

**Составитель
Владимир Листов**

ЧЕКИСТЫ РАССКАЗЫВАЮТ

**Редактор И. В. Стабникова
Художественный редактор Б. Н. Юдкин
Технический редактор Г. П. Мартьянова
Корректор З. И. Шехмейстер**

ИБ № 4091

Подписано в печать 15.03.85. А12425. Формат 84×108/32. Бумага типогр. № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,28. Усл. кр.-отт. 14,28. Уч.-изд. л. 16,32. Доп. тираж 150 000 экз. Заказ 137 Цена 85 к. Изд. инд. ХД-18.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного Комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012. Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 144003, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

